AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 45–46

2-ci kânun - şubat — 1938 — январь - февраль

№ 45–46

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Al. Niepodległości 26 m. 6a. Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на [illegible]
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,[illegible]
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 [illegible]

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по [illegible] редактора журнала: Al. Niepodległości 26 [illegible] Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 45-46 2-ci KÂNUN - ŞUBAT — 1938 — ЯНВАРЬ - ФЕВРАЛЬ № 45-46

Daha fazla sükûnet gösterelim

Bir kaç sene evvelisi, kafkasya birliğini parçalamak, kafkasya kurtuluş hareketinin ahengini bozmak niyetile yapılan bâzi denemelere şahid oldukti. Bu bozğunçuluk denemesi, çar „ohrankası" ve jandarm idaresinin malum metotlarile tahakkuk ettirilmek isteniliyordu. Bozğunçular, geçmişin karanlıklarından, türk işgal zihniyetini yakalıyarak, Kafkasya'nın müslüman halkı ile hıristiyan ehalisi arasında feci kırışma işini ihya etmege çalışıyor ve öldürücü şüphe tohumları saçmak suretile geçen yılların tecrübelerini tekrar etmek ve nihayet Rusya hakimiyetinin Kafkasya'da yeniden kuvvetle yerleşmek işini kolaylaştirmak istiyorlardı.

Bozğunçuların bu denemesi akim kaldı. Kafkasyalıları ayırmak isteyenlerin sui niyetleri, Resul-zade Mehmet Emin Beyin „Kafkasya mes'elesine bağlı Panturanizm hakkında" nam eserinde mükemmel bir surette ifşa edildi ve vak'aleri tahrif zemini üzerinde kurulmuş mantıkları da param parça oldu. Kayde şayandırki, Mehmet Emin Bey'in kitabına Gürcü milletinin yolbaşçısı Noy Jordanya tarafından bir mukaddime yazılmıştı.

Bu hadise bozğunçular tarafından sarf edilen gayretin boş ve manasız olduğuna açık bir delil teşkil ettiği gibi, ayni zamanda müsbet birlik siyasetini aktiv olarak gerçekleştirmege çalışan kafkasya millî mehafilinin sarsılmaz olduğunu ve provakasyona kapılmadığını da göstermiş oldu. Bu mehafil, müellifin ana fikrine olan imanını bir daha teyid etmek fırsatını buldu. Bu ana fikir de şudur: „Türkçülük, bugünkü halile Kafkasya için hiç bir tehlike teşkil etmiyor — bilakis, türkçülük, rus emperyalizmine müteveecih bir ide olması itibarile Kafkasya'nın müttefikidir". Kafkasya mehafili türkçülügün, Noy Jordaniya'nın bahsi geçen mukaddimedeki sözile söyliyecek olursak, her türlü „pan...izm" lere has bir tekâmül devri geçirdiğine ve bugün türk milletinin bütün geçmiş devrinin temamen kanunî, tarihen zarurî bir neticesi olduğuna inanmıştı. Bu

Побольше спокойствия

Несколько лет тому назад мы были свидетелями попытки внести разлад в кавказское единство, нарушить гармонию кавказских освободительных усилий. Попытка эта реализировалась испытанными методами царской охранки и жандармских управлений. Вызвав из тьмы прошлого жупел турецких захватнических тенденций, раз'единители стремились возродить гибельную рознь между мусульманами и христианами Кавказа, хотели посеять семена пагубных сомнений и, повторяя опыт прошлых лет, облегчить наново утверждение русского владычества на Кавказе.

Попытка кончилась провалом. В обстоятельной книге Мехмед Эмин бея Расул-задэ („О пантуранизме в связи с кавказской проблемой") намерения раз'единителей были разоблачены, а логика их, построенная на зыбкой почве подтасовки фактов и инсинуаций, была сокрушена. Знаменательно, что книге Мехмед Эмин бея предшествовало предисловие Ноя Жордания, вождя грузинского народа. Факт этот был, как бы, наглядным доказательством тщетности усилий разложителей, подтвердив одновременно и то, что нервы кавказской национальной общественности, активно реализирующей политику позитивного единства, выдержали пробу и не поддались провокации. Эта общественность подтвердила свою веру в основную мысль автора книги, что „при своем настоящем положении «тюркизм» никакой опасности для Кавказа не представляет, — наоборот, как идея, направленная против русского империализма, он является его союзником." Она уверовала в то, что тюркизм, говоря словами Ноя Жордания из упомянутого предисловия, претерпел эволюцию, свойственную всем „пан-измам", и является сейчас „совершенно закономерным, исторически необходимым заключением всего предыдущего периода истории турецкого народа". Таким образом, семя раздора, посеянное коварной рукой, не дало всходов.

suretle, hiylekâr elle saçılan nifak tohumu hiç bir netice vermedi.

Şimdi dört senedir ki, Paris'te ayni nifak gayesini, müttehid kafkasya cephesini ayni niyetle bozmak maksadini güden „Kafkaz" nam bir mecmua intişar etmektedir. Mecmuaya ilham veren yazıcı Haydar Bammat, bu mecmua sahifelerinde evelceden tasarlanmış nâzik bir oyun oynuyor. Bu mecmuanın her nushasında o, yeniden doğmuş ve yenileşmiş Cenubun, kafkasya kurtuluş savaşındaki ehemmiyetini hakkile takdir eden adamın ancak kendisi olduğunu tekrar edub durmaktadır. Mecmuanın her nushasında, daha epeyi zaman evvel kafkasya millî neşriyat sayfalarında yer bulan, bilâhere zamanı gelince kafkasya siyasî hareketini idare edenlerden iki yolbaşçının otoritesile teyid edilen fikirler tekrar edilmektedir. Maksat basit idi: Kafkasya'ya komşu olan müslüman ülkelerinin efkâri umûmiyesi nazarinda müşterek kafkasya birliğini ve istiklâlini aktiv olarak tahakkuk ettirmege çalışanların kurtuluş hamlelerini gözden düşürmek lâzımdi.

Mamafi, sözlerini, malum çar „ohranka"ve jandarmasının tecrübeli elile ustaca saçılan ademi itimat ve fitne zehrinden henüz kurtulamamış, müşterek kafkasya cephesine mensub bazi simalerin hatalarına istinat ettirmesine rağmen, „kafkazçılar" ın şefi beklediği neticeyi elde edemedi. Bunun böyle olduğunu „kafkazçılar" ın şefi kendi şüphe götürür bir kıymeti haiz siyasî planlarıni tahakkuk ettirmek için, bir müddet evvel, yukarıda ismi geçen memleketlerden birine yaptığı seyahatta kani oldu.

Fakat, „kafkazçılar", bozğunçuluk işinde kendi şeflerinin muvaffakıyetsız seyahatından da istifade etmeği unutmadılar. Bammat yâranının zafer boruları bu seyahati Kafkasya'nın yolbaşçılığı mevkiinde gözü olan şeflerinin durbin siyasetinin büyük bir muvaffakıyeti gibi göstermeğe çalıştılar. Dahası var: bâzi müphem işaretler ve esrarengiz ibhamlar vasıtasile „kafkazçılar"ın şefi, az kala Türkiye hükûmetinin—bir hükûmet ki Kafkasya'nın yanı başında müessir bir âmildir—Kafkasya mes'elesine aid resmî siyasetinin nerede ise gayri resmî bir mümessili rolunda gösterilmek istenildi. Bütün bunlarla beraber, „kafkaşçılar", elde edilmiş Kafkasya birliğini iki katlı bir gayretle bozmak için, yeniden bir tahrib seferine başladılar. Bu suretle, öyle bir kanaat hasıl oldu ki, göya „Kafkaz" mecmuasının arkasında duran mutasavvır kuvvetler, bozğunçuluk işini himaye ediyorlar. İşte ismi geçen mecmuayi idare edenler de oynadıkları oyunda bu sefer her halde bu tesiri uyatmak gayesini gütmüşlerdir.

Maalesef, onlar bu işde bir parça muvaffak da oldular. Gürcü kardeşlerimizin muayyen bir kısmı, Haydar Bammatın kendine atf etmege çalıştığı rola inandılar. Bu Gürcü kardeşlerimiz „kafkazçılar" ın ağzile Türkiye'nin konuştuğuna kail oldular ve bu konuşan Türkiye bunların gözüne, haddi zatında yeni millî kemalist Türkiye tarafından bir daha baş kaldıramıyacak şekilde daimî olarak ortadan kaldırılan eski osmanlı an'anesinin bir mümessili gibi göründü.

„Kafkaz" mecmuası tarafından yapılan demagoji işinin asıl gayesini iyice bildiğimiz için, gürcü kardeşlerimize, daha yedi sene evvelisi, ayni dema gokların ayni derecede bir gürültü ile müşterek kafkasya aile-

Но вот, четыре года тому назад, в Париже начинает выходить ж. „Кавказ", преследующий теже самые цели раз'единения, теже самые цели сокрушения действующего согласного фронта кавказских народов. Гайдар Баммат, вдохновляющий писак на страницах этого журнала, начинает тонкую, замысловатую игру. Из номера в номер он начинает упорно повторять, что только он и иже с ним по настоящему понимают значение возрожденного и обновленного Юга в кавказской освободительной борьбе. Из номера в номер повторяются те мысли, которые уже давно высказывались на страницах кавказской национальной печати, а затем, в соответствующий момент, были подтверждены авторитетом двух руководителей кавказской политической мысли. Расчет был прост: необходимо было скомпрометировать в глазах общественности соседствующих с Кавказом мусульманских стран освободителные усилия активных реализаторов общекавказско единства и независимости.

Однако, стратегия шефа „кавказистов" не дала ожидаемых им результатов, несмотря на то, что слова свои он илюстрировал промахами отдельных деятелей общекавказского фронта, не изживших еще яда недоверия и злобы, умело посеянных опытной рукой царских охранников и жандармов. В этом шеф „кавказистов" мог убедиться во время недавних поездок в одну из упомянутых выше стран, пытаясь реализировать свои сомнительной ценности политические планы.

Но в разрушительном рвении, „кавказисты" сумели использовать и неудачную поездку своего шефа. Победные фанфары бамматовских молодцов старались представить эту поездку в качестве большого достижения предвидящих концепций претенден в кавказские вожди. Мало того, путем недомолвок, намеков и таинственных мин, шеф „кавказистов" представляем был чуть-ли не в роли нелегального представителя официальной политики турецкого правительства по кавказскому вопросу—правительства, которое является решающим фактором на подступах к Кавказу. Все это сопровождалось возобновлением с удвоенной силой кампании по разрушению достигнутого кавказского единства. Так создавалась иллюзия, что воображаемые силы, которые якобы стоят за спиной ж. „Кавказ", патронируют деструктивной акции. Этого именно впечатления на сей раз стремилось достичь в своей игре руководство названного журнала.

К сожалению, оно в этом преуспело. Известная часть наших грузинских собратьев уверовала в ту роль, которую старается приписать себе Гайдар Баммат. Они поверили в то, что устами „кавказистов" говорит Турция, и эта Турция предстала перед ними в виде представительницы стар османских традиций, которые в действительнос навсегда и бесповоротно ниспровергнуты новой н циональной и кемалистской Турцией.

Зная истинные цели демагогической акции ж. „Кавказ", мы призываем наших грузинских собратий к проявлению хладнокровия и спокойствия в такой степени, в какой спокойны и выдержаны были мы все семь лет тому назад, когда не менее шумливые демагоги также пытались внести разлад в нашу общекавказскую семью.

Barasbi Baytugan

Hakikatı aramak yolunda

Neticede muayyen siyasî bir grupun ideolojisini yaratmak için, emelimizi işlenmiş bir program haline getirmege muhtaçmıyız-yoksa, esas hedefimizi teşkil eden Şimalî Kafkasya millî istiklâl mes'elesini ileride alacağı şekle ehemmiyet vermeden sade propaganda etmek ve yaymaklamı iktifa etmeliyiz?

İşte, arkadaşımız Kosta, mecmuamızın geçen nushasında bu mes'eleyi bahis mevzuu yapmış ve şöyle cevab vermişti:

„Millî—kurtuluş grupu mutad fırka unvanını (ki bu mefhum, fırkaya kendi siyasî—içtimaî programını ortaya koymak gibi bir vazife yükletiyor) taşımak suretile fırkavî—siyasî akideler etrafında değil, millî ideden gelen hamleler ve gayelerle hemahenk olması lâzım gelen şiarlar namına millî bayrak altında teşekkül eder. Bu şiarlar da şudur: satılık olmıyan bir vatanseverlik, kendi milletinin düşmanına karşı hiç bir müsamaha tanımamak, korkusuz ve sitemsiz bir necabet, kendi milletine bağlılık, ruh yüksekliği, haklı davanın muzaffer olacağına temiz bir iman ve emsalsız bir vazife borcunu meş'ur olmak"...

Daha sonra:

„Kafkasya dağlıları halk fırkası, millî—kurtuluş fırkası olmakla beraber, hiç te, her hanki bir dar siyasî yahud içtimaî program esasları içerisine kapanmış ve bu suretle daimî olarak gerek gurbette ve gerekse vatanda kendi vatandaşlarının başka gruplarından ayrı duran siyasî bir fraksyon değildir. Fırkamızın tek ve başlıca bir hedefi vardır: hür kafkasya milletlerinin samimî ailesi dahilinde müstakil bir devlet hayatına başlamak için mahkûm Vatanı, kızıl—rus müstevlilerinden ibaret bulunan menfur ve zalim işğalçıların elinden halâs etmek".

Müellif tarafından ileri sürülen bu tarifin kat'î şekline rağmen, bütün bu söylenenler üzerinde daha etrafli durmak lâzımdır. Kurtuluş faaliyetimizin ileride alacağı şekil bakımından ehemmiyetli olan bu mes'eleyi nihayet, teferrüatına kadar tetkik etmek zarureti vardır.

Müellifin katiyeti, ileri sürdügü fikirlerin sarahetine pek te tevafük etmediginden, bu işde vaz'iyetimiz müşkülleşiyor. Meselâ, bize göre, Kosta tarafından „millî ideden gelen" tarifile ileri sürülen manevî hasseler, ancak „millî—kurtuluş grupları" mümessillerine munhasır kalamaz. Bu hasseler, istiklâl yahud esaret hayatı yaşamasına bakmıyarak bütün millî camıa âzaleri için—tabiî, moskva fabrikasında işlenmiş kosmopolit ideler bakımı hariç—mecburîdir. Her hangi bir millî ide, satılık olmıyan bir vatanseverlik, kendi milletinin düşmanına karşı hiç bir musamaha tanımamazlık ve „korkusuz ve sitemsiz bir necabet", ve kendi milletine bağlılık (yalnız millete bağlılık kâfi değildir) v. s. ile „hemahenk" olmak mecburiyetindedir. Binaenaleyh, Kosta'nın fikrince „fırka unvanı"nın „millî—kurtuluş grupu" na „kendi siyasî—içtimaî programının esaslarını ortaya koymak için yüklettiği vazife" ne derecededir? Bu ciheti tesbit etmekte bir parça müşkülât çekiyoruz. Müellifin „fırkamızın tek ve başlıca bir hedefi vardır: „mahkûm Vatanı kurtarmak „sözüne bakılırsa, tahmin ede biliriz ki, bu imkânlar oldukca mahduddır. Ve bundan şöyle bir netice çıkarırsak, pek te hata yapmış olmayız: Kosta, müstakil Şimalî Kafkasya'nın müstakbel devlet kuruluşu için bizim işlenmiş bir programa—millî hayatın mühim sahelerini mümkün mertebe tam olarak ihate edebilecek bir programa muhtac olduğumuz fikrini kabul etmiyor.

Fakat, böyle bir teze muvafakat edilebilirmi, her hangi bir millî—kurtuluş grupunun bir arada „siyasî—içtimaî programını" vücude getiren kaidelerin bizim için lüzumsuz olduğu fikri kabul edilebilirmi? Bizce, hayır.

Bu kaidelersiz iş yapan hiç bir çağdaş millî — kurtuluş hareketi yoktur. Leh vatanseverleri, Lehistan'ın sonuncu ve üçüncü parçalanışından evvel muasırı bulundukları fransa ihtilâlinin siyasî ve içtimaî idelerinden mühim bir derecede mülhem olmuşlardı. XIX ci asırda „milletlerin ilk baharı„ dahi bu şiarlar altında geçmiştir. Pilsudski, haddi zatında sosyalist olmamakla beraber, kendi hürriyet yolunun mühim bir kısmını sosyalist bayrakları altında yürümüştür. İrlanda millî hareketi ancak çıplak istiklâl şiarından değil, ayni zamanda İrlanda'nın münbit yerlerinden çok kısmını işgal etmiş ingiliz ve ingilizleşmiş lend—lordlara karşı mücadele şiarlarından mülhem olmuştur. Nihayet, esasen millî—kurtuluş hareketi başında duran Hitler dahi mevkii iktidara gelmeden çok daha evvel siyasî ve içtimaî islahatı göze alan geniş, işlenmiş bir programa malikti.

Bizde, Şimalî Kafkasya'da dahi buna benzer bir şeyler görüyoruz. İmamlar zamanında, hürriyet savaşının en fazla şiddet bulduğu devirlerde, bizde de mücadelenin esas şiarı, (istiklâli muhafaza) muayyen ve iyice işlenmiş içtimaî—siyasî programla kol kola yürümüştür. Bu program da gerek içtimaî ve gerekse şahsî hayatı bir kaide ve nizama baglıyan Şariat idi.

Bütün bunların şu ve ya bu yolbaşçının doktrinerliğinden yahud dar taassübünden ileri geldiğini hiç te zanetmiyoruz. Hiç şüphesiz, bu işde başlıca rolü, kendi ideolojik vaziyetini doğru olarak tesbit etmek ihtiyacı oynamıştır. Zira, hareketin muvaffakiyeti geniş kitlelerin alâkasından asılı olan bir yerde, yegâne icbar tedbirinin ancak geniş kitlenin hüsnü niyetinden ibaret ola bileceği bir yerde ve nihayet, ekseriyetle düşmanın reyel ve elle tutulur propaganda yollarından (mahkûm milletin bir kısmını diger kısmın ziyanına olmak üzre mümtaz bir mevkide görmek, „şayani itimat" olduğu için muhtelif şekilde" mükâfatlandırmak v. s.) istifade ettiği bir yerde bize göre, müstakil hayatın meziyetlerini, değil yalnız maddi'ayni zamanda

---

mize nifak sokmağa yeltendikleri zaman gösterdigimiz sükûnet ve metanet derecesinde bir soğukkanlılık ve sükûnet göstermelerini tavsiye ederiz.

manevî meziyetleri mümkün mertebe bariz ve oldukca mukni bir şekilde ortaya koymak zarureti vardır. Mücerred istiklâl idesile beraber (hiç bir izaha girişilmedikce, mücerred birşey olarak kalacağı tabiîdir) bu istiklalin ne şekilde olacağını dahi tesbit etmek ihtiyacı vardır. Hiç olmazsa düsman propagandasına karşı kendi propagandanı vaz'etmek için bile buna zaruret vardır.

Bu cihet, yani düşman propagandasına karşı koymak ciheti bilhassa bizim bulunduğumuz şeraitte, bolşevik Rusya'sına karşı mücadele şeraitinde bilhassa daha fazla bir ehemmiyet kesbediyor. Moskva, şimdi—sade bir emperyalizm değil, ayni zamanda bütün beşeriyete—kaydedelim muvafakiyetsız de değil—yayılmak isteyen dinamik bir ideolojinin müteşekkil bir merkezidir de. Bir ideolojiye karşı ise, mahiyeti nasıl olursa olsun muhakkak bir ideolojile çıkmak lâzımdır. Bilhassa düşmanın son derece yüksek bir propaganda teknikine malik olduğu bir vaziyette bu iş daha fazla ehemmiyet kazanır. Beşer hayatının bütün şüphelerini hazır formüllerle halleden komünizm propagandaçılarına karşı kendi emellerinin ayni derecede şümullu bir formülü ile çıkmak gerektir.

Bu noktaya itiraz edilerek denile bilirki, bolşevizm tatbikatını kendisi üzerinde teçrübe etmiş halk kitleleri için bolşevizm nazariyatı bir tehlike teşkil etmez. Fakat, bu kabil bir itiraz pek te haklı olmasa gerek. Çünkü, unutmamalı ki, bolşevizm bir müddet evvel kendi yigirmi yıllığını tes'it etti. Bu müddet zarfında yeni genç nesil yetişmiş bulunuyor. Bu neslin mühim bir kısmı çocukluk hatıratında şimdiki halde gürdükleri hayattan başka bir hayat tarzi tahattur etmiyor. Bizim tahminimize göre, bilâvasıta hürriyet savaşının sikletini taşımak işi yetişmiş ve bugün yetişmekte olan nesil üzerine düşecektir. Soruyoruz, eger millî hayatımızın her hanği bir mes'elesini serbestce ve sakince müzakere etmek imkânında olan bizler, bu hayatın hakikatını oldukca sarih ve mümkün mertebe tam olarak ortaya koymağa gayret etmemiş olursak, aceba d ü ş m a n p r o p a g a n d a s i l e z e h i r l e n e n gençliğimiz kendi vazifesini gereği gibi yapa bilirmi? Bir daha tekrar ediyoruz, bolşevik propagandasının kuvvetini ve ihate dairesini hakkile göz önünde bulundurmalı ve ihmal etmemelidir. Eger, bizim aksi—propagandamız, malum sebepler dolayisile kuvvetli bir aparat haline gelmek iktidarında değilse, hiç olmazsa ihate dairesi itibarile tam olmalı ve millî düşünen ve belki de ileride millî düşünecek olan muhitlerde kendini göstere bilecek şüpheleri izah etmek mecburiyetndedir.

Şunu da gözden uzak bulundurmamalıki, bolşevizm, kitle içerisinde siyasî aktivligin ve siyasî tenkid hissinin oldukca fazla inkişaf etmesine sebebiyet vermiştir. Ve bu da yalnız SSSR de değil. Haddi zatında faşizm hareketi denilen hareketlerin doğuşu muayyen bir derecede bolşevizmin dinamikliğine bağlı bulunmaktadır. Faşizm ve nasyonal sosyalizm, her şeklile—bolşevizmin antitezi, bolşevik kosmopolitizmine ve gayri millî idelere karşı bir aksülameldir.*)

*) Bolşevik rejiminin, bilhassa son yıllarda sarih bir şekil alan hâkim—rusluk mahiyetini örten sovyet enternasyonalizminin resmî, propaganda karakteri taşıdığını da bilmez değiliz, fakat bu asıl mes'elenin mahaiyetini değişemez, çünkü bu anlayış tarzı ancak Avrupa'nın bir kısmı için variddir.

Ve bütün bu hareketlerin kitlevî bir karakter taşiması da, daha evvel vuku bulan bolşevik propagandasile siyasete atılan, muhitin şu ve ya bu hadisesine tenkidî bir gözle bakmağı öğrenmiş kitlenin aktiv bir hale gelmesi neticesidir. Dahası var: kitleler bolşevik hayatında mutlak esaretin bütün ağırlıklarını tattıkları gibi, hakim olmanın zevkini de tatmışlardır. Şimdi, kitleler başkaları tarafından hakimiyeti gasbeden ehemmiyetsiz bir ekalliyet tarafından idare edilmeği değil, kendileri idareyi ele almak istiyorlar.

İdareyi de onlar, şahidi oldukları millî ruhtan gelen ideler vasıtasile temin etmek istiyorlar. Bunun için de hiç te ucuz ve zararlı demagojiye kapılmadan daima Kosta'nın sözü ile söyliyecek olursak „ancak devletin kudretine yarıyacak ve ülkenin tarihî an'anesine muvafık olan esaslardan" hareket ederek bu ruhu yakalamak zarureti vardır. Mussolini ve Hitlerin marifeti, millî menfaatler çerçivesinden dışarı çıkmadan kitlenin sağlam temayüllerini benimsiyerek bu temayülleri mükemmel bir siyasî şiarlar sistemi haline getirmiş ve harekete zafer kazandıran mücadelenin strateji ve taktikini işlemiş olmalarındadır. Mahellî, sınıfî, zümrevî, şahsî v. s. gibi egoizmleri gıcıklamak ve kuvvetlendirmek yolu ile yüksek millî gayelere ulaşılamaz. Ayni suretle ancak müstakil bir hayat yaşamak azmi dahi bizi yüksek millî emellere götüremez. Çağdaş milliyetçiliğin idealı sade istiklâl (siyasî, iktisadî v. s) değil, aynı zamanda bir millet dahilinde içtimaî adalettir de. Biz de kitleye bununla yaklaşmalıyız. Bunu anlamıyanlar ve millî idede başka gayeler arıyanlar bizim yolun yolcusu olamazlar.

Şekli idareyi tesbit etmek işini sonraya bırakma siyaseti „nâhoş" mes'eleleri bâzılarına göre, „Müessesan Meclisine" bâzılarına göre de „zemski sobora" kadar talik etmek işi Rusya'daki Bayazlar hareketinin en zayif bir yeridi, Bize itiraz olarak denile bilirki, bu sayede bayazlar cephesi Çernoftan Markof II-ye kadar tam bir birlik hüsuluna muvaffak olmuştur. Fakat bu kabil bir „birliğin" neticesi çok hazin oldu. Zira, Batkin'in Don üzerindeki Rostof'ta „toprak ve irade" mevzuu etrafında patetik bir nutuk irad ettiği sırada, meselâ, Voroneje maiyeti ile beraber yeni vali geliyor, civar köylere ise köylüleri tenkil için ceza müfrezeleri hareket ediyordu. Bolşevizmin hiç bir şey veremediği unsurlar da dahil olmak üzre halk kitlelerini Bayazların hareketinden tiksindiren bu kabil bir „birlik" tecrübesini bizim de tekrar etmemizin lüzumlu olduğunu hiç te zanetmiyorum. Bayazlar hareketinin bizde de şöyle—böyle bir iz, hem de nâhoş bir iz bıraktığını göz önünde bulundurursak, böyle bir tecrübeye katiyen tahammülümüz olmadığı daha fazla anlaşılır.

Şekli idareyi tesbit etmek işini sonraya bırakmak siyasetinin Bayazlar hareketinde şahidi olduğumuz başka bir tehlikesi dahi vardır. Meselâ, Denikin hareketini ele alalım. Bir taraftan demokratik mehafil vali tenkillerini seyr ederken diger taraftan karadeniz sahillerinde ve başka yerlerde bayazların ordusunu kızıllardan hiç te geri kalmıyacak bir tarzda yağma eden es-er „yeşil" müfrezeleri" peyda oluyordu. Bu suretle, bayaz „koalisyon" ülkeyi bolşevizmden halâs etmekten ibaret olan „yegâne gaye" sine ermeden inhilâl etti ve kendi aralarında mücadele başladı.

Kanaatımızca, bu kabil ihtilaflara meydan vere bilecek çihetleri evvelceden bertaraf ederek işte bu gibi ihtimallerden sakınmak mecburiyeti vardır. Bu takdirde, sarih ve doğru ideolojik bir program tesbit etmek ihtiyacı gene karşımıza dikiliyor. Fakat, tekrar ediyoruz, oldukca ihateli ve devletçilik bakımından yaratıcı olması lâzım gelen bu program, milletin ekseriyetini tatmin etmelidir.

Bu suretle, millî—kurtuluş mücadelesinde „siyasetten" korkmamak lâzımdır. Bilahassa, neticede millî hakikatın tesbitine yarıyacak olan ve haddi zatında bir laboratuar işi mahiyetini taşıyan bu faaliyetin mümanaatsız olarak yapıldığı muhacirette hiç te korkmağa lüzum yoktur. Fakat, şunu da ilâve edelim ki, bu hakikatler bir fırka unvanı altında tahakkuk ettirilecekmiş, yahud millî aktivistler şu ve ya bu, meselâ cemiyet v. s. unvanı altında birleşmegi tercih edeceklermiş, bu cihet işin mahiyet ve aslini degiştiremez. Bu işde, istilâhların hiç bir rolu yoktur. Mühim olan söz değil, manadır. Ne istedigini iyiçe bilen müttehid bir grup zaruridir. Millî istiklâle, başka milletlerin yürüdükleri yoldan gitmek gerektir. Yeni yollar ortaya koyamayız. Biz, ancak diger milletlerin faaliyetini, bugün Garpte beşeriyet mikyasında yapılan eski kıymetleri yeniden gözden geçirmek işini yakından takib etmek suretile, bizde bu yolların asrîleşmesini ve millî—kurtuluş kuvvetlerimizin başkalarının tecrübesinden müstefid olmasını temin edebiliriz.

Hasılı, mücadelemizde gerek siyasî ve gerekse içtimaî hakikatleri doğru olarak formüle etmek işinden korkmıyalım.

Muhammed Çukua

Yine şimal hudutları hakkında

Arkadaşımız Muhammed Çukuanın münakaşa ettigi Haydar Bammat, Paris' de rusca „Kafkaz" namında bir mecmua neşretmektedir.

1934 den itibaren çıkmağa başlayan bu mecmuanın bütün işi, Kafkasya istiklâlini beynelmilel sahada aktif bir surette propaganda için, on iki yıldır birleşmiş olan Kafkasya millî teşkilâtlarîle mücadeleden ibarettir.

Bammat ve etrafında toplanmış olan bir kaç kişi, yalnız kendilerini Kafkasya vatanperveri addeyliyorlar. Onlarla olmayan herkese taarrüz ediyor ve envai türlü mülevvesatle kirletmeye çalışıyorlar.

Kirletmeye yeltendikleri bu zevatın, yegâne kusuru, Haydarvari bir vatan sevgisine malik olmamalarıdır.

Haydarın vatanseverliği ise, nevi kendine mahsus bir şeydir. Meselâ özvatanda, halkımızın şiddetli bir surette ruslaştırılmağa maruz kaldığı şu sırada, mekteplerimizde rus' dili, rus elifbasi, rus harsi bütün kuvvetile tatbik edilirken, Haydar Bammat, mecmuasının sahifelerinde rus kültürünü medh etmekte ve Kafkasyanın bu medeniyetle sıkı temas etmeden geçinemyceğini isbata uğraşmaktadır.

Bundan başka, kendisinde hiç bir hak olmadan, Şimalî Kafkasya namına söz söylemek istiyor: ve Şimalî Kafkasyanın mühim bir kısmını, bütün Garbi Adiğeyi, vatanın bu güzel kısmını, meçhul kazak guruplarına peşkeş çekiyor—o kazaklar ki göya istiklâl davâsındedirler.

300 bini mütecaviz çerkesle karaçaylı kardaşımızın, o amansız düşmanların esaretine düşmelerine simdiden zemin hazırlıyor. Ve maalesef, yıllardan beri Vatana dönmek ümidile derin bir surette bağlı olan muhacirlerimizin, bu kudsi ümidlerini baltalamak istirabi bile onu rahatsız kılmıyor.

O unutuyorki, Garbi Adigesiz, yalnız Şimalî Kafkasyanın değil, bütün Kafkasyanın istiklâli tamam olmiyacaktır. Bundan bihaber olan Haydar Bammat, yaptığı bu yanlış çıkışlarla, hariçte, Şimalî Kafkasya davasinin millî pozisiyonunu zaifleştirmekte oldugundan bile müteessir değildir.

Muhammed Çukuanın bu makalesi, Haydar Bammatın haksız olarak, Garbî Adiğeden imtina etmesi üzerine yazılmıştır. Kıymetli arkadaşımız, delillerle isbat ediyorki, hakıkat, hiç bir zaman Şimalî Kafkasyadan, Haydar Bammatın haksız olarak taleb ettiği bu fedakârlığı istememiştir.

Bundan dolayi, Haydarın bu haksız ve manasız talebine, bütün Şimalî Kafkasyalı vatanperverlerin ehemmiyet atf etmeleri icab eder. Çünkü, kendilerini çok medh edenlerle kendilerinden çok bahs eyleyenler hiç bir zaman haklı çıkmazlar.

Yazı heyeti.

„Kafkaz" mecmuasının İlk Kânun tarihli sayısında, sükûtla karşılanmıyacak bir baş mekale dercedilmiştir. Mecmuanın başmuharriri Haydar Bammat imzasını taşıyan mezkûr mekale, müstakbel müstakil Kafkasya'nın gerek cenup ve gerekse şimal hudutlarından bahsetmektedir. Görüldüğü vechile mevzu aktueldir ve bu itibarle de ciddî bir alâka ve yanaşma ister.

Mekale sahibinin fikrince, Kafkasya'nın cenup hudutları dokunulmazdır. Çünkü, Kafkasya erazi maksimalizmi cenuptaki temayüllerini kendi kuvvetile tahakkuk ettirmek imkânında olmadığından, bu iş için yabancı bir yardım aramak mecburiyetinde kalacaktır. Bu yardım da ancak Rusya tarafından yapıla bilir. Muharrir, „sırf amelî mülahazalar" kabilinden delilller serd etmekle iktifa ederek müstakil Kafkasya'nın şimal ve cenup hudutları mes'elesi arasında bir müsavat işareti koyuyor.

Muharrir kendisini siyasette yüce-realist gibi takdim etmektedir. İşte, bu „realizm" neticesinde o şöyle bir kanaat ileri sürüyor: kafkasya'nın şimal „iddealeri ve talepleri" cenuptaki „iddea ve talepleri" gibi boştur.

Muharrir diyor ki: „Malûm olduğu üzre, çerkeslerin yayılma hudutları Maniç ve Kuma hattına kadar varıyordu. Daha geçen asrın ellinci yıllarında, Şimalî Kafkasya'nın tekmil Karadeniz sahili, Kuban eyaleti ve Stavropol vilâyetinin mühim bir kısmı kesif bir

surette bizim vatandaşlarımızla meskûn bulunuyordu... Onları geri getirmek bizim için hoş bir şey olurdu... Fakat, bugün maalesef ehemmiyetsiz bir mikdar teşkil eden ahalimizin meskûn bulunduğu bu yerlere olan „iddea ve taleplerimiz" şimdi asğerî bir dereceye inmiştir".

„Realist" bir ehvalî ruhiye taşıyan başmuharririn bizzat kendi itirafına göre, „1864, 1877 ve bunu müteakip yılların acı cilveleri" ve „ailesinin medfun bulunduğu mukaddes topraklar" da dahil olmak üzere, diğer his ve heyecana aid bütun „ufak tefekler" dahi, bu müharriri mütehassis edecek vaziyette değildir. „Real siyasetçiler" neden bu tarzda konuşuyorlar? Kendileri çok iyi biliyorlar ki, sık sık istihzayi mutazammin tırnak içerisine aldıkları mefhumlar, her zaman ve her yerde yüksek ahlâkî ilhamların birer kaynağı ola gelmiştir...

Aceba bizim „ham hayalımız" yerine Bammat bize ne teklif ediyor? Kendi ifadesine göre, bizi ne namına „kendi kendini tahdid etmege ve fedakârlığa hazır olmağa" davet ediyor.?

Anlaşıldığına göre, bunu „Pariste Şimalî Kafkasya cumhuriyetleri heyeti murahhasası ve Kuban heyeti murahhasası" tarafından „iyice tecrübesi yapılan" „dostca uzlaşma" namına yapıyormuş. Bu suretle, bu işde de Paris „uzlaşma" sının muelliflerinden biri olan Bammat'ın egosantrizmi, bize boş bir şeyi millî mukaddesata çevirmemizi teklif ediyor.

Başka çıkar bir yol olmadığı ve bir haklı esasa dayanarak kâfi derecede mukni asğerî bir reyel sebeb olursa, fedakârlık, hattâ en ağır bir fedakârlık yapıla bilir. Fakat, kelmeperdazlık yaparak ve yazılarını üslub „güzelliğile" süsliyerek boş bir şey namına fedakârlığa, hem de manasız bir fedakârlığa davet etmek caiz değildir.

Şimal hudutlari mes'elesinden mecmuamız sayfalarında müteaddid defaler bahsedilmiştir. Bammat kadar „realist" ve arzu ve temayüllerimizde da heyecana yabancı olmamakla beraber, bu gibi hallerde daima real hadiselere dayanmağa, varılan neticeyi doğru vak'alerle kuvvetlendirmege çalışmışızdır. Şimdiki halde de yani, Bammatın şimal hudutlarımız hakkındaki cehaletine karşı itiraz ettigimiz zaman da bu yolu takip edecegiz.

Aceba, hakikaten de „bizim bugünkü iddea ve taleplerimiz asğerî bir dereceye" inmişmidir?

İlk önce bâzi istatistik rakamler verelim. Harbi umumîden evvel sabik Kuban eyaletinde kazaklar ehalinin yüzde 42 nisbetini teşkil ediyorlardı. Sabik Terek eyaletinde kazakların nisbeti yüzde 20 den daha az idi. Sabik Stavropol ve Karadeniz vilâyetlerinde, bir kaç kazaklaşmış, sonradan da kazaklığından çıkmış*) köyler müstesna, esasen kazak mevcud değildi. Bu suretle, Şimalî Kafkasya'daki rus ehalinin çok kısmını, kazaklara karşı „soukca" alâka besliyen „inogorodni" ler teşkil ediyorlardı. Kolonizasyonun ancak 1864 den sonra yapıla bildiği, Kubanın sol sahil boyunda, Laba'nın Garbinde kazaklar bir türlü yerleşip kökleşemediler. Buradaki „stanitsalar" çok küçük olup, zaman zaman ya yerini degiştirmiş yahud da dağ ve ormana alışık olmıyan kolonistler, yeni yerlerde fakr ve sefalete maruz kaldıkları için tamamen ilğa edilmiştır. Bunun için de bu yerlerde kazaklar da dahil olmak üzre, rus anasırı son derece zayif ve az olmuştur. Rus anasırın pozisyonu Laba'nın şarkında Laba ile Kuban arasındaki mahelde daha kuvvetlidir. Çünkü bu mahel yaşamak için daha münasibdir ve burada kolonizasyon yigirmi yıl daha evvel başlamıştır. Kubanın sol sahili boyunda meskûn kazak ve inogorodni'lerin mühim kitlesi, hep burada toplanmıştır. Şuna da işaret edelim ki, başka yerlerde olduğu gibi, sabik Kuban eyaletinde dahi bu kitlenin ekseriyetini inogorodniler teşkil etmektedirler.

Sabik Karadeniz vilâyeti de dahil olmak üzere, Kubanın tekmil sol sahil boyu, ruslardan başka, ermeni rum, alman v. s. milletlerle meskûndur. Sabik Karadeniz vilâyetindeki ekseriyet itibarile türk ve yunan tebaası olan ermeni-rum tütünçüleri — 1926 nüfus tahririnde de kaydedildiği gibi—ehalinin mühim kısmını teşkil etmektedirler. Sabik Maykop şubesinde dahi mühim mikdarda ermeni ve rum yaşamaktadır. Maykop şehri (40.000 nüfus), Armavir, Sv. Krest, Mozdok Kızlar v. s. gibi yerler bolşevizme kadar esasen ermeni şehri idi.*)

Şehir ehalisi üzerine köylü tütünçüleri de ilâve edecek olursak, sabik Maykop şubesinde ermeni ve rumların sayca hiç te kazaklardan az olmadığı görülür.**)

İşte, „iddea ve talepleri" Bammat tarafından „bugün asğerî bir dereceye indirilmiş" dağlılar, bu muhtelif kabileli ve muhtelif milletli kitle içerisinde yaşıyor. Dağlılar, burada kazaklardan hiç te az değillerdir. Kazaklar tarafından müstakil bir kazak devleti yaratmak fikri ileri sürülürse, bu fikrin, buradaki hıristiyan ekseriyeti tarafından müdafaa edilecegini, bizce malûm vak'aler, temamen rededecek mahiyettedir. Bundan başka, dağlıların ardında—Kafkasya vardır. Kazakların ardında ise — inogorod ekseriyeti ve Rusya ile Ukrayna rekabeti vardır.

Bu söyledigimiz vak'aler, geçmişte mecmuamız sayfalarında daha etraflıca bahsedilen real vak'alerin hülasasıdır. Bütün bu vak'aleri göz önünde bulundurursak, en nihayet kimin imkânları „bugün asğerî dereceye inmiş" bulunur: „ihtilafli topraklar"ın asıl sahiplerininmi, yoksa şimdiki halde sabik Kuban eyaleti hudutları dahilinde ehalinin takriben yüzde 30 nisbetini teşkil eden kazaklarınmı?!

Şimal hudutları mes'elemizde başlıca rolu kemiyet, istatistik ve sütun sütun rakamlar değil, daha mühim başka bir cihet oynamaktadır. O da kazak seperatizminin kuvveti ve onun gösterişli değil, hakikî mahiyetidir.

Kazak seperatizmi geçmişte ne idi? Bu—bolşevik „tesviye„sine karşı bir aksülamelden ve geçmişte kazaklarla inogorodniler arasındaki çekişmelerin

*) Yeri gelmişken şunu da kaydedelim ki kuban ve terek kazak stanitsalarının çoğu XIX ci asrın ilk ve ikinci yarısı bidayetinde köylülerle iskân edilmiştir.

*) Bu şehirlerin karakter itibarile degiştigine ihtimal vermiyoruz. Çünkü, ihtilâlden sonra, Şimalî Kafkasya'ya ermeni—kaçkınlarının akını başlamıştır. Mesela, Psıhuabe'de şehrin eski hududundan başlıyarak ta Lermantof mahelline kadar olan sahe üzerinde sırf ermenilerden ibaret yeni bir şehir vücude gelmiştir.

**) Sabik Maykop şubesi hudutları dahilinde, bolşevikler Ermeni, Rum ve Goryaçeklyuçef (ermeni-rum) olmak üzre üç „millî" mıntaka vücude getirmişlerdir.

neticesinden başka bir şey değildi. Daha 1897 de kazak L. Y. Apostolof kendi „Kuban eyaleti muhtasar coğrafyası„nam kitabında şöyle diyordu:

„İnogorodnilerin vaziyeti (Kuban eyaletinde — M. Ç.) oldukca gayri muayyendir: bir taraftan onlar ülkenin sanayi ve ticaretini canlandırdıkları için kazaklara lâzımdırlar, askerî hizmetle meşgul olan kazaklar, onlarsız (malum olduğu üzere inogorodniler de askerî hizmet görüyorlardı—M. Ç.) topraklarını işliyemezler diger taraftan kazaklar, kendilerinin bir karış şahsî erazisi olmadığı halde, hiç te fena yaşamıyan inogorodnilerin muazzam kitlesinin tazyiki altındadırlar. İşte, kazaklarla inogorodniler arasındaki husumet buradan geliyor ve neticede bazen inogorodnileri tazyik etmek tedbirlerine el atmek mecburiyeti hasil oluyor. Fakat, bu hiç te, inogorodnilerin her sene artan akınlarını durdurmağa kâfi gelmiyor, zira aşağıda inogorodnilerin son zamanlarda akınını gösteren aşağıdaki cetvelde görüleceği gibi eyaletin ehalisi çok büyük bir sür'atle artıyor:

	İnogorodnilerden yaşamak için gelenlerin sayı	Eyaletten başka yere göçen inogorodnilerin sayı	Eyalette kalmış inogorodnilerin sayı
1888	79717	62186	+ 17531
1889	81628	57569	+ 24059
1890	120325	59461	+ 60864
1891	144709	97949	+ 46760
1892	112774	67498	+ 45276
1894	96396	68421	+ 27975
1895	72263	63372	+ 8891

İnogorodni ehalisi, kazaklardan daha çapuk artmaktadır. Eyalete gelen inogorodnilerden ancak az bir kısmı kazak camıasına dahil oluyor (köylüleri kitlevî surette „kazaklaştırmak" işi kafkasya harbi esnasında ve bu harpten sonra yapılmıştır—M. Ç.). Bir sözle, inegorodni mes'elesi, eyalette en kesgin ve gayri muayyen bir mes'eledir".

Evet, L. Y. Apostolof 1897—de böyle yazıyordu İnogarodni mes'elesi ihtilâle kadar kendi şiddetin. kaybetmiş değildi. i

Eger Kulabuhof idam edilmiş ve Bammatın Pariste „iyice yapmış olduğu tecrübe" boş bir lâftan ibaret kalmış sa, bunun sebebini, kazak seperatizminin yakın geçmişte organik bir hadise değil, vaziyet icabi ortaya çıkan bir hadise oluşunda aramalıdır. Mecmuamızda bu hususta daha etraflı surette bahsedildiğinden, burada ancak kuban kazaklarının o zamanki haleti ruhiyelerini karakterize etmek bakımından şayani ehemmiyet olan ve Kulabuhofun idamına sebeb olan hadiselerden bahsetmekle iktifa edecegizdir.

Evvelâ, kuban ülke hükûmeti „dostluk muahedesi„nin imza edildiğini haber alınca, derhal Denikine şöyle bir telgraf çekmişti:

„Kuban askerî atamanı ve kuban ülke hükûmeti, kat'î surette beyan ediyorki, ülke hükûmeti dağlı halkının Meclisi ile hiç bir muahede bağlamamış ve kimseye böyle bir muahede bağlaması için salâhiyet vermemiştir. Başkumandan tarafından telgrafda kaydedilen Bıç, Namitokof, Savitski ve Kulabukof kuban ülke radası, (meclisi) iki evelkisi ayni zamanda kuban ülke hükûmeti tarafından da delege olarak gönderilmiştir. Hükûmet kendi delegelerini Sazonofa yardım ci olmak ve ayni zamanda kuban menafiini sulh konfransında müdafaa etmek üzere Paristeki rus heyeti murahhasasına dahil mümessil sıfatile göndermiştir.

Eger ismi geçen zevat, hakikaten Dağlı halkın Meclisi ile yapılan muahedeyi ülke hükûmeti adından imza etmişlerse—ki ülke hükûmetinin bu güne kadar bu işten resmen haberi yoktur—mezkûr zevatın salâhiyetleri haricinde bir iş yaptıkları mes'elesi ülke hükûmeti tarafından gürüşüleceği gibi muahedenin mahiyeti de kuban ülke radasında tetkik edilecektir. Bu işin tetkikine şimdiden başlanmıştır. Kuban evlâtları kendilerini ihanetle lekelememiş, bilakis Rusya'nın yeniden kurulması uğrunda kanlarını dökmekle en büyük fedakârlıkta bulunmuş ve bundan sonra da bulunacaklardır"...

Garbî Adıge'yin erazisi üzerine çıkan „ihtilâf„da kazaklığın lehine olarak „iyice yapılmış tecrübe„ye kuban askerî hükûmetinın verdigi cevab işte bu idi. Halbuki, muahede mucibince, Meclis filen bu eraziden vaz geçiyordu. Rada'nın haleti ruhiyesi dahi ayni idi. O zamanlar askerî ataman olan general Filimonof, (Denikine yaplıan ve yukarıda bahsi geçen müracaat dahi bu adam tarafından imza edilmiştir). „Rus ihtilâl arşivi„nin 5-ci kitabında derc edilmiş „Kuban radasının dağıtılması" başlıklı mekalesinde bu haleti ruhiyeye dair karakteristik bâzi malumatlar vermekte ve Rada'nın malum feci toplantısını şu şekilde tasvir etmektedir:

„Bu ultimatum hakkında („istiklâlcıların teslimi hakkında—M. Ç.) evvela şifahî bir raporda bulundum, sonra da mektubu okudum (yukarıdaki muhteviyati haiz general Pokrovski'nin mektubu—M. Ç.). Tahaddüs etmiş vaziyetten çıkmak için yegâne çareyi derhal Rada'dan general Denikine heyeti murahhasa göndermekte buldum.

Benim maruzatımdan sonra perişan bir hava içerisinde İvan Makarenko çıkışta bulunarak bir nutuk söyledi.

Şunu söylemek lâzımdırki, Makarenko ve hemfikirleri, anlaşılan, açıkca hareket etmek ve kat'î olmak neticesine gelmişlerdi. Makarenko, kendi „haydamaklarına" (Taman ve Yekaterinodar şubelerinde meskûn olub cepheye gitmekten imtina eden kazak lardan vücude getirilmiş rada muhafiz bölüğü*) Rada binasını (Yekaterinodar kışlık şehir tiyatrosu) çevirmelerini emretti ve sahne arkasına yüz „haydamak" ve binanın giriş çıkış kapılarında nöbetçiler koydu. Hükûmeti de ele geçirmege ve atamanı tevkif etmeğe karar verimişti.

Sahneye çıkan Makarenko, şöyle bir beyanatta bulundu:

— Anlaşılan, ataman bize böyle bir karara tâbi olmamızı tavsiye ediyor. Bu tavsiyeden anlaşılıyorki, bizim atamanımız yoktur. Bunun için de ben hükûmeti ülke radasi heyetine teslim etmeği teklif ediyorum.

Benim, böyle bir beyanatta bulunmadığıma dair

*) „Rus ihtilâli arşivi"nde „Temhin ve Yekaterinodar şubeleri„diye kaydedilmiştir. Kazak seperatizmile alakadar olanlara „haydamakların" menşeine ve onların sabik Kuban eyaletinin iki büyük ukrayna şubesi olan Taman ve Yekaterinodar şubeleri sâkinlerine mensubiyetlerine iyice dikkat etmelerini tavsiye ederiz. Bu bir tesadüf eseri degildir.

itirazıma ve söz söylemek istediğime karşı Makarenko dediki:

— Ben size bir ataman sıfatile söz veremem. çünkü bizim atamanımız yoktur. Gen. Pokrovski'nin atamana bir ataman gibi değil de „muhterem beyefendi" diye müracaatta bulunması (yukarıda bahsi geçen mektub-ultimatum „muhterem beyefendi" sözü ile başlıyordu—M. Ç.) dahi ataman olmadığınızı gösteriyor.

Rada âzaleri, bütün bu hadiselere karşı İvan Makarenko'nun hiç te beklemediği bir vaz'iyet aldılar. Salonda şu sesler işitilmeğe başlandi:

— Bizim atamanımız vardır.. Reisi değişmek gerektir...

Karışık ve gürültülü bir muhit içerişinde atamana ve ülke radası reisine beyani itimat mes'elesinin vaz'i teklif edildi. Toplantıya ara verildi, bunu müteakib İvan Makarenko çıkarak pişman bir sesle şunları söyledi:

— Hatâmı itiraf ediyorum. Artık bundan sonra reislik mevkiinde kalamam, beni bu vazifeden azad etmenizi rica ederim.

Rada, bu pişman olmuş adamın nutkunu bir mezar sükûtile karşıladı. Atamana beyani itimat mes'elesi vaz'edilince, rada bir muhalifə karşı ekseriyeti reyle bana itimad beyan etti ve toplantıya da bu suretle nihayet verildi".

Rada, bu hareketile, değil, yalnız Filomonofun Denikine olan mevzuu bahs mektubundaki vaziyeti teyid etmiş, ayni zamanda Kulabuhovun da idamına hükmetmişti. Rada'nın almış olduğu bu vaz'iyetten sonradırki, Rada'nın mukavemeti göze alınaraktan hususî surette cepheden davet edilmiş bulunan miralay Buryak'ın kuban kazak brigadası nezdindeki divanı hərb, Kulabuhovun idamına karar vermişti.

İşte Bammat bu tarihidir ki, „iyice yapılmış bir tecrübe" diye adlandırıyor. İtiraf edelim ki, bizim için, ise, bu hiç bir veçhile tekrar edilmiyecek bir tecrübedir!

Filimonof bu işde kazak seperətizminin şu "klasik" düsturunu temsil ediyordu. „Sen çar Kremlinde, biz kazaklar ise, sakin Don'da yaşıyalım". Bu kabil bir seperatizme biz de inanıyoruz. Fakat, bizim istediğimiz ve kendisile her hangi bir „dostluk muahedesi" yapa bilecegimiz seperatizm bu değildir. En koyu ve azılı rus monarşistlerden sabik Don atamanı general Krasnof dahi bu kabilden bir „seperatist" idi. Bakınız o, kendi siyasî „credo" sunu nasıl anlatıyor:

„Rusya'yi, Rusya'nın kendisi kurtaracaktır. Rusyayi onun kazakları halâs edecektir! Gönüllü ordu, Don, Kuban, Terek, Orenburg, Sibir, Ural ve Aşterhan kazaklarının hür müfrezeleri Rusya'yi kurtaracaktır.

Ve bu zaman, bayaz—laciverd—kırmızı rus bayrağı, bu tek ve bölünmez Rusya'nın bayrağı, tekrar Atamanımızın sarayı üzerinde dalğalanacaktır.

Ve bu zaman, kazaklığın ve gönüllü ordunun müthiş ölüm yolu, Rusya'nın ve ortodoks Sâkin Don'un hürriyetine göturen yol nihayete erecektir".

Bu sözleri Krasnof, 1918-in 16 Ağustosunda yani Don'un şeklen en fazla „müstakil" bulunduğu ve sabik atamanın kazaklar arasında çok maruf olduğu bir zamanda, mahfel içtimaında söylemiştir.

Krasnof, yukarıya aldığımız sözlerini söylerken şöyle diyor: „İstiklâlçılık bunun neresinde*)?!. Hakikaten de, burada bir kuruşluk bile istiklâlçılık yoktur.

Kendisine reyel siyasî adam diyenin bütün bu cihetlere göz yumması caiz degildir. Kazak seperatizminin filen hiç bir zaman yukarıda zikrettigimiz „Sen çar Kremlinde, biz kazaklar ise sâkin Don'da yaşıyalım" düsturunden ileri gitmedigini gözden uzak bulundurmamak lâzımdır.

Kazaklar arasında hakikî istiklâlçılık ancak muhacirette doğmuştur. İtiraf etmeli ki bu doğuş çok biçimsiz bir şekilde olmuştur. İstiklâlci-kazaklar, rus emperyalizmi tarafından istilâ altına alınmış milletlerin hesabına kendilerine verilmış hakim pozisyon ve imtiyazlari muhafaza etmek temayülünü göstermektedirler. Akli selim hilafına olarak, onlar kazakların yüzde 10 nisebet bulunduğu bir erazide „Kazakiya" devleti kurmaga hazırlaşıyorlar. Onlar, bu „ifrat" istiklâlcılıkla Rusya'dan kurtulmak isteyen komşu diğer milltlerle ihtilâf haline geleceklerini düşünmek istemiyorlar. İşte kazak istiklâlçılığın fecaatı da bu noktadadır. Fecaattır, çünkü onun için başka yol yoktur. Diger yollarla gidilirse, bir müddet evvel hür—kazak mecmualerinden birinin dediği gibi onları „kazaklar gagalar".

Bu manasız maksimalizm bile kazak kitlesince hoş görülmüyor. Mütaaddit „hür—kazaklar" grupları muhaciretteki kazakların ancak ehemmiyetsiz bir kısmını etrafına toplaya bilmiştir.

Atamanlara yakın mahfillerin, hür — kazak hareketine olan münasebeti dahi şayani dikkattır. Bu mahfiller, hür — kazakların atamanlar tarafından temsil edilen kazak tradisyonalizmi mümessillerine karşı vuku bulan taarrüzlerine ragmen, hür — kazak hareketine karşı hiç te mücadele etmiyorlar. Çok garib görünebilecek bu hadiseyi deşifre etmek pek te zor değildir. Hür—Kazak hareketi atamanlar için büyük bir tehlike teşkil etmiyor. Onlar buna yalnız Kulabuhovun akibetile değil, ayni zamanda hür—kazak hareketinin on yıl zarfında ortaya koyduğu tecrübe ile de inanmışlardır. Buna mükabil, hür—kazakların istiklalçi maksimalizmi, atamanların ifrat rus merkeziyetçiliğine karşı almış oldukları pozisyonu hafifleştirmekten halî kalmıyor. Şöyleki Moskva fedakârlığa gitmediği ve kazaklara geniş manasile bir kendi kendini idare sistemi vermediği takdirde, rus merkeziyelçilerini ifrat istiklâlçıların kuvvetleneceği ihtimalile tehdid edebilirler.

Biz şuna kaniizki, eger kazaklar bolşeviklerin sukutunu müteakib, bir kuvvet olarak meydanda kalırlarsa, Rusya'yi parçalanmakla tehdit eden millî hareketlerle karşı karşıya gelecek olan her hangi bir rus hükûmeti, ister istemez Moskva'daki çar larin „sakin" Don'daki kazaklara aid düsturun de iyice ifade edilen tekmil haklarını tanımakta gecekmıycektır.

İşte, atamanlar da bu anı bekliyib duruyorlar. Onlarca, bu vuku bulursa her türlü hür-kazak hareketinin de sonu gelmiş olur.

---

*) P. N. Krasnof— „Muazzam Don Ordusu", „Rus ihtilâl arşivi" 5—ci kitab.

Fakat, bugünkü sovyetlerin vaziyeti, bir vaziyet ihzar ediyorki, netice itibarile atamanların hesabını alt üst edebilir. Bu vaz'iyet de, Stalin tarafından vücude getirilen yeni „sovyet" kazaklığıdır. Malum olduğu üzre bu kazaklık, Şimalî Kafkasya ve şimalî kafkasyanın tekmil rus halkını yani inogorodları ve kazakların bakıyelerini de ihtiva etmektedir. Bu yeni kazaklık eski kazak tradisyonalizmine bigâne kala bilir ve ancak Stalinin göze aldığı maksada hizmet edebilir, yani Kafkasya istiklâl hareketile mücadelede rus emperyalizminin kör ve muti bir aleti ola bilir.

Bütün bu noktalar üzerinde düşünmeyi yalnız bizim „realist„e değil, çay masası başında Kafkasya alayları ile yan-yana kazak alaylarının da kafkasya hürriyetini müdafaa edeceklerine inanmak lazımdır fikrini ileri sürenlere de tavsiye ederiz,

Kafkasya'nın her „iki cepheye" karşı mücadele yapacak kudrette olmadığını hepimiz söylüyoruz. Bu vaz'iyette hiç olmazsa ham hayallerle silahlanmıyarak tek cephede çarpışmak işine makul bir suretle hazırlanalım. Unutmamalıki, ham hayaller değil yalnız inkisari hayale, mağlubiyete de götürür.

Şimal, Kafkasya'nın en fazla yaralı bir yeridir. Bunun içindir ki, müstakil Kafkasya, şimalde müdafaa edilebilecek bir hududa sahib olmalıdır. Bilhassa, hakikî kurtuluşa götürecek doğru yolu intihab işinde ne mukaddes mezardan ve ne de gurbette istirab çeken milyonlarca kardeşlerinin halinden bir hisseyi ibret ve teessür alamıyan vatandaşlarımızı bu ciheti aydınlaştırmağa davet ederiz.

Kurtuluş savaşında Kafkasya her şeyden evvel kendi isteklerinde makul maksimalizm yolu ile giderek kendi kuvvetine güvenmelidir. Her türlü ham hayalden ise, mumkün mertebe çapuk ve tamamen kurtulmalıdır.

Doguj

Dağıstanda alfabenin ruslaştırılması ve muallimler

Mecmuamızın Eylûl sayısında biz Dağıstan komünist fırkasının Mayis konfransında kabul edilen kararı nakletmiştik. Bu kararın, latın alfabesinden rus alfabesi esasına geçmekten bahseden 9 ncu maddesi aynile şöyle diyordu:

„Dağıstan ölke komitesine, latın alfabesinden rus alfabesine geçmek mes'elesinin müzakeresi havale edilsin".

İşte, bu kadar. Fakat, bütün Sovyet kararları için tipik olan ve bu gibi hallerde mutlaka icra edilen Staline medhiyeye bu kararda tesadüf edemiyoruz. Kararın iki manalı karakteri dahi nazari dikkatı celbetmektedir. Konfrans, hiç bir direktiv vermeden, ölke komitesine yalnız alfabeyi degişmek mes'elesinin „müzakeresini" havale etmiştir. Bundan çıkarılacak netice birdir: Dağıstanda alfabeyi degişmek mes'elesi mahellî komünistleri bile korkutmaktadır.

Bununla beraber sovyet russifikatorlarını bu vaz'iyet asla düşündürmiyor. Bütün Sovyetler merkezî icraiye komitesi riyaset divanı 1937 nin bir ilk teşrininde böyle bir karar ittihaz etmiştir:

„Bütün Sovyetler merkezî icraiye komitesi riyaset divani, Dağıstan muhtar sosyalist sovyet cumhuriyeti emekçilerinin, Dağıstan halkları alfabesini latın esasından rus esasına geçirmek hakkındaki müracaatlerini müzakere ederek karara almıştır, ki:

„Türkce müstesna olmak üzre, Dağıstan halkları alfabesinin latın esasından ruscaya geçirilmesine müsaade edilsin".

Bu kararı derceden „Orconikidz. Pravda" (24-XI-1937) kendi tarafından ilave ediyor, ki:

„Dağıstan halklarının alfabelerini rus esasına geçirmeğe hazırlık yapmak maksadile Dağıstan merkezî icraiye komitesi yanında devlet komisyonu teşkil edilmiştir".

Bu suretle, çok mübhem ve şüpheli „emekçilerin müracaatı" muayyen ve resmî bir ruslaştırma aktı şeklini almış oldu.

Sovyet etnik terminolojisinin esrarına vakif olmıyanlar için Bütün Sovyetler merkezî icraiye komitesinin kararı bâzı izahata muhtaçtır. „Türk" diye, SSSR de daha yakınlara kadar Azerbaycanlılar anılıyordu. Karar dahi „türk" alfabesini ruslaştırmaya tâbi tutmıyor. Bununla da, Derbendde yaşıyan ve ana dilleri azerî — türk şivesinden ibaret olan bir kaç bin Azerbaycanlı kastedilmektedir. Dağıstanın türk şivelerine mahsus alfabelere gelince (kumuk ve nogay alfabelerine), geçenlerde ruslaştırılmış olan balkar — karaçay alfabeleri gibi, diğer alfabelerle birlikte ruslaşmalıdır. Şunu da ilave etmek lâzımdır, ki Azerbaycanın kendisinde „türk" ve „türkce" terminleri bir kaç yıl evvel sovyet hükûmeti tarafından meydandan kaldırılmış ve „azerbaycanlı", „azerbaycanca" terminlerile avez edilmiştir.

„Dağıstanskaya Pravda" gazetesi (23-XII-1937) bu islahat münasebetile, Dağıstan maarif komiseri muavini ve çekist kontrolu yapan V. Kozlofun bir makalesini dercetmiştir. Kozlof islahatın dogruluğunu isbata sayediyor. Onun iddiasına göre bu islahat hiç te ruslaştırma gayesini istihdaf etmiyor ve yalnız „Dağıstan halklarının faydasını nazara alıyormuş.

Kozlofun getirdiği delil1er çok meraklıdır. O yazıyor, ki:

„Bu tedbirin Dağıstan halklarının kültür ve siyaset sahasında yükselmekte devam etmelerine büyük yardımı tokunacaktır. Yeni alfabenin tatbiki ahali arasında kültürün yeni ve daha fazla yükselmesine sebeb olacak ve dag ölkesinin geniş halk kitlesine Lenin-Stalin dilini daha kolaylıkla öğrenmege, büyük rus kültürü ile daha sıkı birleşmeğe imkân verecektir".

Ve sonra:

„Burjua-milliyeçiler, halk düşmanı—Samurskiler, Mehmedbekoflar, Dalgatlar ve onların elaltıları, Dağıstanda uzun müddet devam eden faaliyetleri esnasında, bilhassa maarif teşkilatında, dil kuruluşu v. s. sahalerde ziyançılık göstermişlerdir. Bu sahada

„kadrolarının" en mühim kısmını toplamişlardır. Bunu, muallimlerin daha bitmemiş olan şehadetnamelerine aid malumat isbat etmektedir. Şehadetname alma muamelesinden geçen 3191 adamdan yalnız 2010-u muallimlige bırakılmıştır. Böyle, ki bunların da çoğusu esaslı hazırlıga muhtactır ve bu hazırlık olmadan mekteblerde derslerini devam ettiremezler.

Burjua milliyetçileri bizim millî mekteblerimizde bir „çıkmaz" yaratmışlardır. Millî mekteblerde (rus olmıyan milletlere mahsus mekteblerde) 5—6 yıl ders okuyan çocuklar derslerini devam ettirmek imkânından mahrum idiler; çünkü burjua milliyetçiler rus dilini filen mektebden kovmuştular. Bunun neticesinde, rus dilini bilmedikleri için, bir çokları orta ve yüksek mekteblerde tahsillerinde devam edemiyorlar.

Burjua milliyetçiler, bu ziyançılık hareketlerile Dağıstan halklarını Sovyetler birliginden uzaklaştırmağa çalışmışlardır. Lüzumu kadar münevver millî kadro olmamasından istifade ederek Dağıstanda iktisadî ve medenî kuruluşu azaltmak istemişlerdir. Düşmanlar, dil mes'elesini karıştırarak, Dağıstan halklarına türk dilini kabul ettirmek istiyorlardı.

Dağistanın maarif ve kültür işlerindeki ziyançılıgın neticeleri daha ortadan kaldırılmamıştır. Bunlar ne kadar sür'atle ortadan kaldırılırsa Dağıstanın sosyalizm kuruluşu dahi muvaffakiyetle ilerilemiş olur".

Bu, „ziyançılıgın neticelerini ortadan kaldırma" işinda ruslaştırılmış alfabeye büyük rol ayrılmıştır.

Kozlof devam ederek diyor, ki:

„Bu işde en büyük rolu yeni alfabenin tatbiki oynamalıdır. Her şeyden evvel bu alfabe rus dilini öğrenmeği son derecede kolaylaştıracaktır. Bir çok işaretler taşıyan mevcud millî alfabeler çok zorlukla öğreniliyor. Alfabenin bu noksanı yüzünden yalnız 5—6 yıldan sonra çapuk okumak mümkün oluyordu. Çok basitleştirilmiş olan yeni alfabe ise okuyub-yazma öğrenmeyi çok kolaylaştıracaktır. Yeni alfabenin tatbiki, pedagoji bakımından, şüphe yoktur, ki tam yerindedir.

En mühimi ise Dağıstan mekteblilerine ve alelumum emekçilerine rus dilini öğrenmeyi kolaylaştıracaktır. Rus alfabesinin tatbiki, Dağıstanın geniş halk kitleleri tarafından rus dilinin ögrenilmesine söz yok, ki büyük bir vesile teşkil edecektir. Diğer taraftan ruslar tarafından Dağıstan dillerinin öğrenilmesini de çok kolaylaştırmış olacaktır.

Nihayet neşriyat bazasından dahi bahsetmeliyiz. Bugüne kadar mekteblerimiz, Dağıstan dillerinde derslikler ve başka edebiyat yokluğu yüzünden iztirab içinde idiler. Ders kitabları neşriyatı matbaa işlerinin zaifliği dolayisile, müşkülata uğruyordu. Çünkü her dil için ayrı hurufat lazım idi. Rus alfabesinin tatbik edilmesile kuvvetli matbaa işleri kurmak imkânı hasıl oluyor. Binaenaleyh Dağıstan halklarının dillerinde mekteb kitabları v. s. edebiyat neşri kolaylaşacaktır".

Bundan sonra Kozlof „teskin" ediyor, yazıyor, ki:

„Rus alfabesinin tatbik edilmesile rus dilinin her tarafta tatbik edileçeğini düşünmek çok büyük bir hata olurdu. Böyle konuşmalar yalnız düşmanlardan çıka bilir. İlk mekteblerde tedrisat Dağıstan halklarının dillerinde kalıyor. Bolşevikler fırkasi Leninin aşağıdaki vasiyetine hürmetle amel ediyor: „Hiç bir millet için ve hiç bir dil için hiç bir imtiyaz! Azlıktaki milletlere en ufak bir haksızlık bile yapılmamalıdır"!

Sonunda ise ilave ediyor, ki:

„Burjua milliyetçilerin daha mevcud olan kuyrukları yeni alfabenin tatbikini şiddetli mukavemetle karşılıyacaklar. Fırkanın ve hükûmetin bu çok mühim kararlarına karşı onlar düşmanca propagandaya teşebbüs ederler. Bütün içtimailigimizin vazifesi düşman propagandaçılarını ifşa etmek ve rus alfabesinin büyük faikiyetini bütün ahaliye anlatmaktır".

Hakikatleri hayasızca tahrif eden bu, çekistce, yalan ve açık ruslaştırma vesikasını mahsus tam denilecek şekilde aynile aldık. Sovyet hükûmetinin, bolşevizmin ilk zamanlarındaki deklarasyon ve elfazperdazlıklarından ne kadar uzaklaşmış olduğuna okuyucu açıkcasına kanaat getirebilir.

Ayni Dağıstanda, 1920 nin son baharında, Said Şamil ile Gotso'lu Necmeddinin müfrezeleri daglarda kızıl istilaya karşı veruşmakta oldukları zaman, adı „büyük rus diline" ilave edilmiş olan, o zaman ise Lenin yanında milliyet mes'eleleri „mütehassisi" gibi mütevazi bir mevki işgal eden bugünkü Moskva diktatoru sovyet hükûmeti adından „Dağıstan emekçilerine" şöyle hitab ediyordu:

„Dağıstan kendi şeraitine, ürf, adat v. s. muvafik bir surette idare edilmelidir.

Bize haber veriyorlar, ki Dağıstan milleti içinde şeriat ciddî bir ehemmiyeti haizdir. Bunu da haber aldık, ki sovyet hükûmetinin düşmanları şeriatın sovyet hükûmeti tarafından men'edileceği hakkında şayialar yaıyorlar.

Ben Rusya sosyalist federatif sovyet cumhuriyeti namına burada bütün bu şayiaların esassız ve yalan olduğunu bildirmeğe memur edilmişim. Rusya hükûmeti bütün milletlere, kendilerini kendi kanun ve adetlerile idare etmeleri hususunda tam hürriyet veriyor.

Sovyet hükûmeti şeriatı, Rusyada yaşayan milletlerinki gibi tamamile kuvvei hukukiyeyi haiz ürfî bir hukuk telakki etmektedir.

Dağıstan milleti kendi kanunlarını ve âdetlerini muhafaza etmek istiyorsa muhafaza olunmalıdırlar."*)

1920 de böyle bir dille konuşan adam, bugün her türlü „egintinin" amansız düşmanı olan ve işine gelmiyen adamlara yalnız eski „günahları" değil, geçen nesillerin bile „günahlarını" hatırlatan adamdır.

Dogrudur, o zamandan beri çok şey degişmiştir. Şimdi artık „Dağıstan milleti" yoktur, buna mukabil, „Dağıstan milletleri" vardır. Bugün kimse „milletlerin kendilerini kendi kanun ve adetlerile idare etmek" hakkından bahsedemez. Şimdi herkesi vazifelendiren „dünyanın en demokratik stalin konstitusyonundaki" vahid normalardır. Bunlardan ilave, „sovyet milletinin müstakbel babasının" çıkışını 1920 de rejise edenlerden Dağıstanda kimse kalmamıştır, Hepsi şu veya hu

*) Stalinin 13-XI-1920 de Temir-Han-Şurada söylediği nutaktan. „Komünist" 24-XI-1920, № 171. Bakû.

suretle ortadan kaldırılmışlardır. Buna mukabil, bugünkü hakikî hayat sahnesinde Stalinin 1920 deki sözlerile, ayni Stalinin „esaslarını" 1937 de Dağıstanda realize eden Kozlofun „delilleri" arasındaki tezat göze batacak derecede ileri çıkmaktadır.

Kozlof, başka sovyet rusifikatorları gibi orjinal olmaya lüzum görmiyor ve çar devri ortodoks missionerlerinin delillerini aynile tekrar ediyor.*) Onun getirdiği deliller hiç bir esasa dayanmıyor.

En vahşice olan, latın alfabesile „çapuk okumak yalnız 5—6 yıl tahsilden sonra elde ediliyıor" tarzındaki iddiasıdır, Bir zamanlar arap alfabesine karşı da ayni deliller serdolunuyordu. Halbuki arap alfabesi zamanında bile sür'atle okumak 5—6 yıldan daha kısa bir müddet esnasında hasıl olmakta idi. Şimdi ise Kozlof bu müddeti latın alfabesi için gösteriyor. Bir halde ki Şimalî Kafkasya dillerinden ötrü defalerle yaratılmış olan ruslaştırılmış missioner alfabeleri üst ve alt işaretlerden uzak değillerdi. Ruslaştırılmış sovyet alfabesi de bu işaretlerden masun kalmıyacaktır. Bu halde, „yeni" alfabenin faikiyeti neden ibaret oluyor?!

Kozlof devam ederek diyor, ki mekteb kitablalarının neşrine matbaaların zaif olması mani oluyor. Çünkü „her dil için ayrı—ayrı harflar lâzımdır." Burda da kolay ve makul bir yol bulmak mümkündü: bütün alfabeleri birleştirmek olurdu. Halbuki sovyet hükûmeti her yıl, yalnız diller için değil, şiveler ve agızlar için dahi yeni yeni alfabeler yaratıyordu.

Kozlof bir şeyde doğrudur:

„Rus alfabesinın tatbiki Dağıstanın geniş halk kitleleri tarafından rus dilinin öğrenilmesine söz yok, ki büyük bir vesile teşkil edecektir." Çünkü yeni alfabenin tatbik edilemesi neticesinde Dağıstan mekteblerinde rus dilinin pozisyonu kuvvetlenecek ve russifikatorların korkdukları türk dili ise tamamile mekteblerden kovulacaktır. Bunu Kozlof da gizlemiyor, ona göre diyorki „ziyançılığın neticeleri" (latın alfabesile „türkleştirme") „ne kadar sür'atle ortadan kaldırılırsa Dağıstanda sosyalizm kuruluşu dahi „bir o kadar" muvaffakıyetle ilerilemiş olur." Yani ruslaştırma işleri de bir o kadar sür'atle tatbik olunur, çünkü „civarlarda" ruslaştırma „sosyalizm kuruluşu„nun sinonimidir.

Kozlof makalesinin başında yazıyor, ki:

„Hali hazırda rus alfabesine geçmek hazirlığı yapılıyor. Gelecek ders yılının başından itibaren Dağıstanın millî mekteblerinde dersler yeni alfabe ile başlıyacaktır."

Kozlofun muallimlere aid işaretleri de şüphesiz bu müddet ile alakadardır. Bu yılın başından beri yapılmakta olan hazırlık neticesinde şimdiye kadar binden çok kurban gitmiştir.

*) Kabarda-Balkaryada alfabe „islahatı" hakkındakl yazımıza bakılsın. „Şim. Kafk." № 34.

9-XII-1937 tarihli „Dag. Pravda" bu hususta daha mufassal malumat veriyor.

Gazete yazıyor, ki:

„Bugünlerde Dağıstan muhtar sosyalist sovyet cumhuriyetinin halk komiserleri heyeti Dağıstan maarif komiserinin, muallimlerin şehadetnamesine aid raporunu dinlemiştir. Komiserler heyeti, maarif sahasındaki ziyancılık neticelerini ortadan kaldırmak mes'elesinin çok zaif gittigini kaydediyor. Mekteblerin işi tahkim edilmemiştir. Ve muallimlerin şehadetnamelendirilmesi hakkında fırka ile hükûmetin tayin ettikleri müddet bozulmak korkusu altındadır (hatırlatalım, ki yoklanmış olan 3191 muallmden 1181-i muallimlikten çıkarılmıştır—D.).

Kazbekof, Açıkulak, Karabudakkent ve Kayasulı kazalerinde muallimler asla yoklanmamıştır. Bir çok yerlerde yoklama işi kısmen icra edilmiştir. Cumhuriyetin ancak 16 kazasile iki şehrinde şehadetnamelendirme işleri bitirilmiştir. Bu 16 kazade dahi şehadetnamelendirme komisyonlarının materyalları maarif komiserliği tarafından tamamile tetkik ve tastik edilmemiştir.

Dağıstan maarif komiserligi geçmiş rehberliğinin düşmanca faaliyeti neticesinde bir çok kaza maarif şubeleri sınıfca düşman unsurların eline geçmiştir. Bâzı yoklama komisyonları başında Mahmudof, Vahabof, Kebedof ve başkaları gibi halk düşmanı burjua — milliyetçilerin durması tesadüf eseri degildir. Yoklama ve şehadetnamelendirme bittikten sonra bile bir çok kazalerde siyasî itimada layik olmıyan bir çok adam muallimler sırasından kovulmuştur."

Mualimlerin şehadetlendirilmesi işinin bütün mânası işte bu „siyasî itimaddan" ibarettir. Russifikatorlar emeklerinin boşa gitmiyecegine dair garanti temin etmek istiyorlar. Ona göre mekteblerde „siyasî itimade layik" muallimler lâzımdır.

Şehadetnamelendirme işi 1938-in 1 Agustosuna kadar, yâni ruslaştırılmış alfabeye geçme müddetine kadar bitmelidir.

Ruslaştırma aksyonunun muvaffakiyetinden tamamile emin olmak için:

„Rusya sosyalist federatif sovyet cumhuriyetinin halk komiserleri heyetinden ilk mektebler için muallim hazırlamak maksadile Dağıstan pedagoji mektebleri yanında 600 kişilik bir yıllık kurslar tesis etmesini ricaya karar verilmiştir."

Ne çarların ne de beyaz generalların tahakkuk ettiremedikleri „büyük ve bölünmez Rusyayı" „büyük" Stalin böyle tahakkuk ettirmeğe çalışıyor. Ümid ediyoruz, ki hadiseler „sovyet milleti babasının" hesablarını tahakkuka ve Moskva barbarlığının, mahkûm milletlerin kadim kültürleri üzerinde zaferine fırsat bırakmıyacaktır.

ПРОМЕТЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА*)

ВСТУПЛЕНИЕ

Ян Кухажевский, лучший современный исследователь России, отметил как-то, что наименее понятными и одновременно наиболее подозрительными кажутся русским т. н. польские руссофилы. Русские отлично учитывают те веления, кои диктуются Польше историей и географическим положением. И именно отсюда следует, что только антирусские течения в Польше рассматриваются Москвой, как явления побеждающего рано или поздно польского политического реализма. Поэтому то вся политика России по отношению Польши направлена в сторону противодействия этому именно антирусскому политическому реализму.

Эту основу польско-русских отношений мы можем наблюдать и на фоне прометейских вопросов. Усиление прометейской акции в Польше, как равно и ее ослабление или даже полный отказ от нее, не находится ни в какой причинной связи с усилением, ослаблением или же прекращением антипольской акции Советов. Следовательно, все опасения относительно обострения польско-московских отношений в связи с активистической интерпретацией прометейской проблемы—не имеют оснований, являются несущественными. Зато, активизация этой проблемы в неблагоприятный для Советов момент (свидетелями такого момента являемся мы сейчас) есть разумным использованием положения в очередном розыгрыше фрагмента извечного польско-московского конфликта, окончательное разрешение которого неотвратимо. Понятно, что Россия желала бы, дабы все это случилось позже, когда она покончит с внутренними заботами и в том или ином виде разрешит свои дела на Дальнем Востоке. Это именно позже могло бы быть единственным достижением польских пацифистов, антипрометеевцев и руссофилов, но зато еще позже Польша должна была бы заплатить за это счет в виде войны в невыгодной для себя обстановке, что могло бы привести к поражению.

Таким образом, обвиняя нас в „подстрекательстве к войне", агентуры пацифистов, антипрометеевцев и мамонтов довоенного руссофильства являются, сознательно или несознательно, орудием русско-советской пропаганды, работающим над тем, чтобы оттянуть (но не исключить) момент розыгрыша с Россией, оттянуть до того времени, когда Россия, усилившись и не оглядываясь на всяческие пацифистические мечтания, сама начнет войну с Польшей.

Осознание сущности польско-московских отношений и желание интегрального освобождения нашего из под влияния трех „М" (Москва, Массонство, Марксизм) диктуют нам необходимость выдвижения прометейской проблемы в обстановке широких политических перспектив, искренности целей и игры в открытые карты.

ПОЛЬША И ПРОМЕТЕИЗМ

В период разделов Польши, Россия была 20-миллионным государством, Польша имела 12 миллионов населения, Пруссия—только 8. Соотношение сил неблагоприятствовало Польше как 1 : 2. В данное же время Советы представляют из себя 165-тимиллионный колосс, Польша насчитывает около 33 миллионов населения, об'единенная Германия – 63 миллиона. Сила напора соседствующих государств неблагоприятна для Польши в пропорции 1 : 7.

Этот процесс усиления могущества соседей и релятивного ослабления Польши начался относительно давно. Уже в XVI столетии Москва выступает на сцену не как вассал выродившейся Золотой Орды эпохи XV столетия, но как носительница идеи третьего Рима. Одновременно и Германия, репрезентируя новый миф лютеранства, противопоставляет себя Польше Гозиуса и Скарги. Середина следующего, XVII, столетия несет с собой первые признаки будущих разделов.

Таким образом, процесс, вследствии которого соотношение сил соседей Польши увеличилось от XVIII ст. и до начала XX ст. в четыре раза, начался гораздо раньше. Сущность польской проблемы заключается в том, что процесс этот, начатый в переломный момент в конце XV столетия, не закончился и до сегодняшнего дня. Германия в своих расчетах не отказалась от аншлюсса, об'единения с судетскими немцами и „вознаградительных" намерений на востоке за счет Польши. Россия смотрит на Польшу глазами голодного сына степей и севера; в момент потери своих западных „окраин", она захватывает de facto Внешнюю Монголию и создает коммунистическую республику в Китае. „Сила русского государства проявляется в захватах"—писал в 1926 г. В. Иванов. „Для того, чтобы победить японский фашизм на востоке, нужно уничтожить его тылы на западе"—гласит лозунг тайной советской иностранной политики. Советы ведут борьбу с национальной Европой в Испании и поддерживают террористическую акцию на шанхайском фронте; они организуют „народные фронты"

---

*) Статья эта переведена нами из последнего номера польского востоковедческого журнала „Всхуд". Об авторе ее, который является одновременно и редактором названного журнала, мы имели случай говорить неоднократно. Занимая видное место в польской журналистике и руководя рядом периодических изданий (кроме ж. „Всхуд", г. Бончковский редактирует еженедельник „Польско-Украин. Бюллетень" и двухнедельную газету „Польская Мысль"), он ведет неутомимую и систематическую пропаганду прометейских правд в польском обществе. Он принадлежит к виднейшим представителям того крыла польской журналистики, которое вывело прометейскую проблему из области эмоциональных переживаний, оставшихся в польском обществе в результате долголетних традиций борьбы „за нашу и вашу вольность", на реальные пути актуальных велений польской государственно-политической мысли. Печатая и настоящую статью г. Бончковского, как перед этим ряд других, мы предоставляем ее вниманию наших читателей в качестве примера этого именно актуального польского политического реализма.—Р-ция.

в Европе и побуждают китайский колосс к борьбе с Ниппоном. 1905 год и поражение в 1914—17 г.г. не лишили Россию захватнических аппетитов и стремлений к территориальному расширению; поражение Германии в 1914—20 г.г. не обуздало наступательных намерений и восстановительных тенденций германского национал-социализма. Силы, благодаря которым натиск соседей, выражавшийся в XV ст. пропорцией 1 : 1, в XVIII ст.—1 : 2, дошел в XX ст. до пропорции 1 : 7, — действуют и сейчас. Польша и в дальнейшем—как релятивно, так и фактически— скорее слабеет, чем усиливается. Падение и возрождение Польши (первое, имевшее место во время необычного ослабления Польши, и второе—в переходное время ослабления захватчиков) являются эпизодами, принадлежащими уже прошлому. На сцене остались — в качестве „неизменного" — тенденции к развитию Германии и России.

Эти тенденции содержат еще один момент, до сих пор неучитываемый, касающийся популяционных возможностей Польши и России-Евразии. Россия, обладающая громадными пустопорожними пространствами для внутренней колонизации, имеет пока-что неограниченные колонизационно-популяционные возможности в пределах своих границ. Через 80 лет население России может насчитывать свыше 500 миллионов человек. Но одновременно мы имеем убыль прироста населения в Европе, а в Польше приближаемся к моменту ослабления прироста. В прошлом году количество рождений во Франции было на 12000 меньше, чем количество смертей. В 1980 году население Франции может понизиться до 30 миллионов душ, население же Англии через 100 лет может насчитывать всего 4 миллиона человек. Уже ближайшее поколение поляков может заметно почувствовать ослабление политического напора на западные границы и огромное усилие этого напора со стороны востока.

В аспекте высказанных положений, прометейская проблема в Польше, которую кратко можно выразить лозунгом раздела России на ряд национальных государств во главе с Украиной, как равно Кавказом, Туркестаном и другими странами,—превращается в наиболее структуральное и единственное средство, задерживающее неблагоприятное для Польши развитие напора соседних государств на участке, где напор этот наиболее силен, т. е. на участке польско-русском. Не преувеличивая можно сказать, что от реализации или же постоянной, ослабляющей Россию актуализации прометейской проблемы зависит в значительной степени будущее Польши, как государства сильного и способного бороться за свою суверенность.

Мы обходим в своих рассуждениях прометейскую проблему, как средство антикоминтерновской акции, равно как и средство тактической защиты. Эти моменты прометейской проблемы легко уяснимы и очевидны.

Связь прометейской правды с правдой польской весьма сильна, и наверное история международных отношений мало имеет примеров подобного симбиоза интересов угнетаемых и лишенных государственности народов с интересами государственно-независимого народа. Факт государственной независимости Польши и нахождения в неволе прометейских народов вносит здесь лишь тактические и конъюктуральные противоречия и несоответствия.

ПРОМЕТЕИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Сущность современной действительности в применении к прометейской проблеме формируется под влиянием длинного ряда моментов:

1 — Китайско-(советско)-японский конфликт, имеющий место на восточных подступах к России и развивающийся на огромных пространствах северного и центрального Китая, как равно охватывающий и иные пункты соприкосновения японско-советских интересов;

2 — Напряжение национальных, идеологических и социальных противоречий в Советской России, приобретающее почти карикатурные формы;

3 — Отсутствие тесного германо-советского сотрудничества, выражающееся временами в виде взаимных враждебных актов и политических выступлений;

4 — Наличие антикоминтерновского пакта между Италией, Германией и Ниппоном;

5 — Естественный и неизбежный кризис в турецко-русских взаимоотношениях;

6 — Соглашение четырех мусульманских государств, соседствующих, за исключением Ирака, с Россией (Афганистан, Иран, Турция);

7 — Политическое сближение балтийско-черноморских государств—от Швеции до Румынии;

8 — Вмешательство России в испанскую гражданскую войну и, следовательно, в соперничество держав в бассейне Средиземного моря.

На фоне всех этих моментов прометейская проблема приобретает сейчас все признаки проблемы, которая вступает в период исключительной актуальности и даже реализации.

Но тем не менее не следует закрывать глаза на ряд относительно незначительных препятствий, нагромаждающихся на пути развития прометейской проблемы. Угроза американским интересам в Китае, а английским вообще на Дальнем Востоке влияет задерживающе на размах антирусской акции Ниппона и усиливает позиции Советов. Далекой есть от согласованности и политика иных, окружающих Россию, государств, находящихся частично под влиянием союзнических тенденций по отношению к России. Следует отметить и отсутствие общего плана в акции государств антикоминтерновского блока. Германия по прежнему наивно делит Россию на белую и красную, занимая позиции борьбы только и прежде всего с еврейством и коммунизмом и оставляя себе открытыми двери для возможного сутрудничества с будущей белой Россией. В этих условиях интересы Польши и Ниппона совпадают в далеко большей степени, чем интересы японско-немецкие, хотя Польша и не присоединилась к антикоминтерновскому пакту. Тем не менее, слабые стороны прометейских возможностей увеличиваются значительно, благодаря незнакомству и недооценке прометейских планов политическими кругами Ниппона, находящимися в этом отношении под влиянием русской науки, вну-

шающей неправды о монолитности и нераздельности русской государственности. Характерной в этом отношении является история ликвидации центра прометейской акции в Харбине, уже после возникновения Манджу-Го, и другие явления. Все это было победой белой русской эмиграции, так или иначе сотрудничающей с красной Россией, согласно принципа: оппозиция в отношении советского режима и служение отечеству, находящемуся в опасности.

Слабую сторону прометеизма восполняет кроме этого и положение в Иране и Турции. Обе эти страны не в достаточной степени разумеют значение прометейской проблемы, не уделяя ей должного внимания. Безцветным по отношению прометейской проблемы есть Авганистан, как равно слишком платонической является заинтересованность мусульманством в мире, а следовательно и в России, со стороны государств, подписавших соглашение в Саадабадском дворце. В равной степени слабое понимание прометеизма должны мы отметить в Румынии, вопреки явному факту заинтересованности этой страны в благоприятном для нее соотношении сил в бассейне Черного моря и необходимости уменьшения или даже ликвидации влияний России, стремящейся восстановить свое господство в Бессарабии и в дельте Дуная. Полное отсутствие внимания к прометеизму наблюдается и в отечестве Карла XII — Швеции; более понятно и простительно ограничение политических горизонтов в балканских государствах, слишком, быть может, молодых и слабых физически, чтобы созидать и реализировать выходящие за пределы сегоднешнего дня прометейские планы.

Статический и полный пассивности блок создателей Версальского трактата также не принадлежит к числу союзников и исповедников идеи раздела России, влияя задерживающе на активизм ряда заинтересованных в прометеизме государств.

Сопоставление всех этих минусов и плюсов настоящего момента, при соответствующем учете всеобщего сейчас падения значения держав-победительниц в мировой войне и усиления ревизионистических тенденций в мире, заставляет нас констатировать решающее преобладание в прометейской проблеме положительных факторов над отрицательными.

Долголетнее ожидание угнетенными народами СССР освобождения уже приближается к концу. Прометеизм в настоящий момент становится, все выразительнее и полнее, одной из центральных идей, формулирующих новый порядок вещей в Старом Свете. Он затрагивает очаг англо-итальянского конфликта на Ближнем Востоке, втягивает в свою орбиту Италию и Германию, но прежде всего вяжет в одну целость антирусские веления соседствующих с СССР стран, с Польшей, Ниппоном, Турцией и Румынией во главе.

Б. Билатти

СУМЕРКИ ЛИГИ НАЦИЙ

События всемирного значения, развертывающиеся перед нами в течении последних лет, в корне изменили установившуюся после окончания мировой войны констеляцию политических сил и этим еще более углубили кризис, переживаемый Лигой наций с первых же дней ее зарождения. Под гнетущим давлением мировых событий, кризис Лиги принял угрожающие размеры, вызывая серьезные опасения и тревогу даже в тех кругах, которые выражают мнение оптимистических поклонников женевского учреждения.

И иначе быть не могло. Лига наций возникла не как универсальное учреждение и не как эманация воли всех или почти всех народов, но как учреждение, заложенное ограниченным числом государств, жизненным интересам которых она должна была служить. Вместо принципов равенства и справедливости, служивших основой для вильсоновского проекта, Лига наций в практике своей стала осуществлять антиподы этих принципов, получившие свое выражение как в первом параграфе пакта Лиги, так, в особенности, в приложении к нему. Унизительные по существу условия принятия в Лигу государств, потерпевших поражение в мировой войне, говорят как нельзя убедительнее о той системе иерархии народов, которая легла в основу женевского учреждения. Но и в этой системе главенствующая роль принадлежала державам-победительницам, которые под ширмой высокого международного учреждения стремились навязать народам свою волю. Таким образом, круг привиллегированных в иерархии народов, зафиксированный статутом Лиги наций, еще более суживался, в результате чего усиливалось недовольство у тех, кто в организационной структуре Лиги видел орудие укрытого насилия и несправедливости.

Положение осложнилось еще и тем, что Версальский трактат оказался связанным с пактом Лиги и все дела, которые благодаря своей сложности не были разрешены после окончания войны, предстояло разрешать Лиге наций.

Не в меньшей степени ослабляло позиции Лиги и отсутствие САСШ, отказавшихся войти в это общество и принять на себя ответственность за его действия.

Друзья и сторонники Лиги видят главную причину переживаемого ею кризиса в политике т. н. фашистских государств, и в первую очередь Ниппона, конфликт которого с Китаем в первой своей фазе (1931—1933 г.г.) закончившийся отделением Манджурии и выходом Ниппона из Лиги, был, якобы, решающим ударом, поколебавшим устои международного сотрудничества. В интерпретации поклонников Лиги ниппоно-китайский конфликт приобретает характер исключительного события, закончившего период мирного сотрудничества государств и ставшего началом новой серии военных столкновений. Он был,

по их мнению, первым серьезным прецедентом, позволяющим безнаказанно нарушать международные обязательства и положившим начало крушению идеалов, репрезентируемых Лигой.

Однако, как мы отметили, авторитет Лиги был в значительной степени подорван в самом начале ее возникновения, самой ее структурой. Немалую роль сыграло в подрыве авторитета Женевы и советское правительство. Москва до самого недавнего времени не признавала прерогатив Лиги наций при разрешении международных конфликтов. Она систематически и злостно высмеивала женевское учреждение, стараясь всячески подорвать его авторитет. Международная политика Москвы всегда и везде в корне противоречила пакту Лиги, не раз грозя миру серьезными военными конфликтами.

Советизация Внешней Монголии и Восточного Туркестана, как равно и усиление советского влияния в Китае не только обуславливали в значительной степени смелость аналогичных выступлений других стран, но и были непосредственной причиной того ниппоно-китайского конфликта, с которым многие хотят связать начало переживаемого Лигой тяжкого кризиса.

Вступление Советского союза в состав Лиги было по существу новым ударом по ее престижу и значению. Органическая болезнь Лиги и ее структуральные недочеты были ловко использованы Москвой для углубления существующих в мире антагонизмов. В результате, Германия и Италия покинули Лигу и, вероятно, уже никогда обратно не вернутся. Выполняя инструкции коминтерна, вернее Сталина— фактического руководителя этого очага деструкции и разложения, Литвинов внес в международные отношения еще больший хаос и озлобление. История с троянским конем повторилась еще раз. Она была ловко разыграна Москвой при явном попустительстве некоторых сочуствующих этому держав. Лига наций вступила на путь окончательного падения своего значения.

Усилия Москвы, направленные к тому, чтобы превратить Лигу наций в блок т. н. демократических государств, предназначенный для борьбы с „мировым фашизмом", а фактически для защиты советского строя и „единства России", — были в сущности прямой причиной заключения известного антикоммунистического соглашения между Германией, Италией и Ниппоном. Общность идеологических симпатий благоприятствовала несомненно сближению контрагентов этого соглашения, но все же решающую роль сыграло здесь совпадение интересов и целей, обозначившееся с особенной силой в связи с политикой Москвы и ее дипломатическими комбинациями. Советская интервенция в Испании и Китае отстранила последние препятствия на пути к оформлению антикоммунистического договора, способствуя установлению добросердечных отношений между договаривающимися сторонами и вызывая уверенность, что об'единение это выдержит с успехом все жизненные испытания и будет постоянным фактором международной политики до момента новых грандиозных преображений на мировой карте.

Таким образом, Москва до известной степени достигла своей цели, способствуя созданию двух политических блоков: блока государств антикоммунистического соглашения и блока т. н. демократических государств, основу которого составляет сама Москва и приобретенные ее недавно на западе союзники.

Но ей не удалось достичь главного: превращения Лиги наций в безвольное орудие советской политики. Сделав из Лиги трибуну своих демагогических выступлений и этим понизив еще более ее престиж, Литвинов не смог, все же, в конечном итоге вовлечь в русло советской политики не только Лигу в целом, но даже и ее большинство.

Наоборот, бессилие Лиги и гегемонистические тенденции Москвы в Женеве способствовали реакции. Польша, Швейцария, Бельгия, государства Балканской Антанты и др. стараются в области международной политики итти своими путями, не связанными с путями женевского „ареопага". Весьма характерно в этом отношении постановление Балканской Антанты, которая решила, что вопрос Абиссинии „не существует для Балканской Антанты", постановив признать Итальянскую империю и войти в сношения с национальной Испанией. Не менее характерно и недавнее выступление руководителя британской политики, высказавшего большие сомнения относительно реальности принципа пресловутой коллективной безопасности, являющейся, как известно, основой политических комбинаций Москвы.

Реформа статута Лиги, рекомендуемая целым рядом государств (этого особенно добиваются т. н. нейтральные государства и некоторые республики Южной Америки), даже в том случае, если она будет проведена в духе их требований, т. е. с из'ятием из статута ст. ст. 10, 15, 17, где говорится о гарантиях коллективной безопасности, и ст. 16, предусматривающей санкции, — не внесет в создавшееся безнадежное положение Лиги никаких изменений. Такая реформа не оздоровит политической атмосферы, насыщенной ядовитыми испарениями, и не сделает ее более приемлемой и удобной для мирного сотрудничества народов.

Только универсальная Лига, снабженная широкими полномочиями и опирающаяся на реальной силе, может быть фактором стабилизации международных отношений и действительным блюстителем мира. Но такая Лига находится пока что в области абстрактных мечтаний. Такую Лигу нельзя создать в атмосфере недоверия и озлобленности и в условиях, когда громадные пространства т. н. Восточной Европы находятся в положении полного хаоса и неустроенности, когда на этих пространствах происходит ожесточенная борьба народов за свою свободу и эта борьба ведется против одного из влиятельнейших членов современной Лиги. Созданию универсальной Лиги наций должен предшествовать период национального возрождения всех народов, стремящихся к свободе, и прежде всего распад и уничтожение той жесточайшей тирании над народами, которая присвоила себе название Союза советских социалистических республик.

Современная же Лига наций, терпящая в своей среде эту тиранию, переживает сумерки своего недолговечного бытия, за которыми должна притти ночь.

Адиль-Бек Кулатти

Орденские знаки, учрежденные Имамом Шамилем

По мере того, как мы все более и более удаляемся от эпохи Имама Шамиля, тем ярче и крупнее встает перед нами его организаторский гений большого государственного мужа. Нет абсолютно ни одной отрасли жизни в управляемом им государстве, которая бы не несла на себе печать его творческой воли. Им были созданы государственно-административный аппарат, судопроизводство, государственная казна, а также та армия, которая в продолжении долгих лет доблестно отражала натиск во много раз сильнейшего противника.*) Имам предпринял широкую эксплоатацию горных богатств, организовал производство пушек, пороха, холодного и огнестрельного оружия и, как пишет Д. Фибих, „ввел серебряную монету из местного серебра, проводил дороги, строил мосты прекрасной конструкции".**)

Успешности этой многообразной созидательной деятельности способствовало то, что Имам Шамиль, подобно Наполеону I, обладал свойством удачного подбора сотрудников и умением использовывать их там, где они могли быть наиболее полезны. Имена таких сподвижников Шамиля, как Ташов-Хаджи, Бук-Магомета, Кибит-Магомы, наиба-строителя Закария, Даниэль-Бека Элисуйского, Магомет-Эмина, Хаджи-Мурата и многих других знаменитых наибов,— являются тому лучшим подтверждением.

Будучи требователен к самому себе, Имам был требователен и к своим сотрудникам. Но строго карая каждое провинение, он не оставлял без внимания и заслуги перед родиной, награждая отличившихся. По началу награды давались в виде различного рода оружия, а затем и в виде орденских знаков отличия, учрежденных им в 1842 году. Этим последним мы и хотим посвятить несколько слов.

В грядущем, история возникновения орденов и славные имена всех награжденных будут, несомненно, восстановлены, хотя, нужно признать, после вандальского владычества, которое переживает сейчас Северный Кавказ и при котором такие исторические памятники, как знамена Имама Шамиля, гниют в сырых подвалах—это будет делом не так легким.

Награды, даваемые Имамом, всегда были именные и для того, чтобы их получить, далеко не достаточным было быть только храбрым. Личное мужество и отвага в те памятные времена не рассматривались, как что-то особенное, заслуживающее специального поощрения – требовалось нечто большее. Награду оружием или орденский знак отличия в доблестной северокавказской армии мог получить лишь храбрейший из храбрых.

Вот что по этому поводу пишет чешский путешественник Ф. Краткий, побывавший на Кавказе в семидесятых годах прошлого столетия:*)

...„От Шамиля никто не мог легко получить орден. Современных европейских обычаев, тех сетей и приманок, какими часто служат медали (у нас), он не знал. Он не хотел их знать! Слабодушных, которые бы хотели гордиться цветной ленточкой, не заслуживших ее перед тем с риском не только своей жизнью, но и десятка жизней целой семьи, он не имел в своих рядах, и подлинный Кавказ не имеет их до сих пор.

Кавказец, или как принято называть — „черкес", никогда не смутится от вопроса, когда и за что он получил тот или иной орден. Однако, у нас я не раз видел, как краснели лица у различных людей при том же вопросе — когда и за что получили они ту или иную ленточку, хотя и имели ими разукрашенную всю грудь.

Кавказец никогда не просил для себя ордена,— ни сам, ни при посредстве других; если он заслужил, орден к нему приходил сам.

Какую цену может иметь орден с надписью „за храбрость" для рассудительного человека, если теперь его может получить и тот, кто и сам никогда не верил в присутствие в нем вообще какой бы то ни было храбрости?

И Имам Шамиль награждал орденами с надписью „за храбрость", но тот, кто получил такой орден, действительно должен был быть храбрым!"

В „Кавказском военно-историческом музее", существовавшем в Тифлисе во времена владычества царизма, в „витрине Шамиля № 3", где среди исторических памятников хранилась эмблема власти Имама— „секира Шамиля, возимая за ним, как знамя", находились и даваемые им в награду оружие и орденские знаки отличия. Три из них были пожалованы пятисотенному наибу в Чечне — Астемиру.

Первый состоит из серебряной подвески с конической верхушкой и серебряными цепочками. Верхушка разделена на четыре части и в них помещена арабская надпись: „Нет храброго, подобного Астемиру. Нет меча, подобного его мечу". Этот знак отличия давал право на ежемесячную пенсию, равнявшуюся трем серебряным рублям.

Второй орден (на прилагаемой фотографии обозначен цифрой 4) состоит из серебряного кружка, прикрепленного на четырехугольнике из красного сафьяна, окаймленного узким серебрянных галуном. На кружке надпись чернью: „Сила и помощь только в Боге. Пятисотенному начальнику Астемиру".

Третий (на фотографии № 13) состоит из серебряной трехугольной пластинки на красном сафьяне, обложенном серебрянным галуном, и снабжен арабской надписью черныо: „Тому, кто обладает храбростью и великодушием".

*) В пятидесятых годах прошлого столетия население России насчитывало свыше 70 миллионов человек, население же всего Северного Кавказа не превышало 3·5 миллионов человек.

**) Д. Фибих — „Страна гор"; госиздат, Москва 1928.

*) — См. журнал „Svetozor"—Praha, 1874; стр. 430.

Орден, пожалованный наибу Дуба, подобен предыдущему, но считался знаком отличия І-го разряда. На нем чернью написано: „Имам Шамиль пожаловал этот высокий орден храброму наибу Дуба, шаги которого угодно направлять самому Богу".

Наибу Даниэль-Беку Элисуйскому пожалован был орден в виде восьмиугольной серебрянной бляхи, украшенной позолотой, с золоченной звездой посредине. Кругом арабская надпись: „Этот большой орден принадлежит Даниэль-Беку". На ордене дата: 1263 год Хиджры (1848 г. христианского летоисчисления). На фотографии этому ордену соответствует орден, обозначенный цифрой 12.

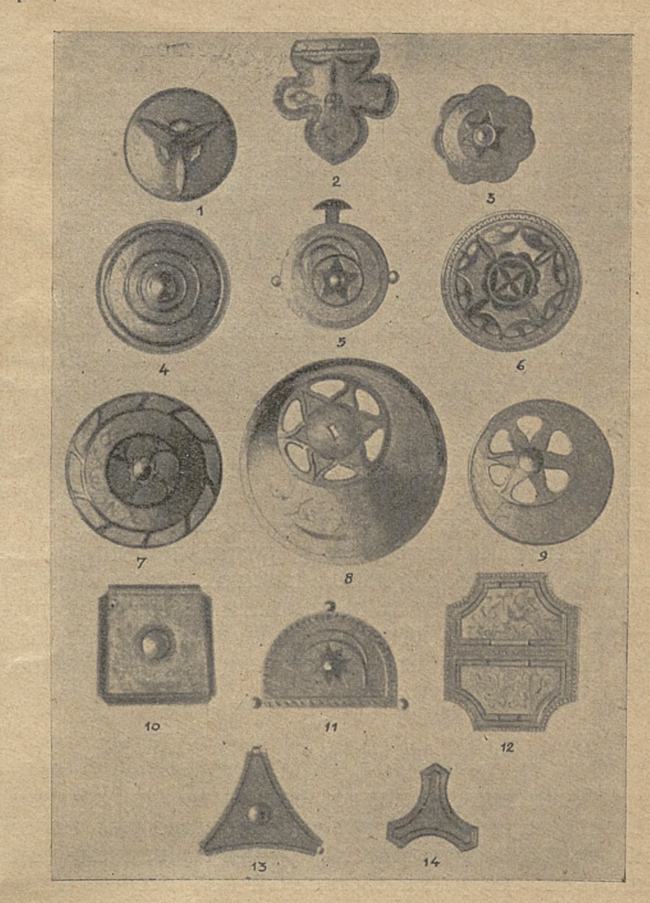
Кроме перечисленных, на фотографии мы видим и ряд других орденов. Кому принадлежат эти ордена— неизвестно. На одном из них (№ 8 — серебрянная бляха в виде полумесяца) имеется надпись: „Тот, кто размышляет о последствиях, никогда не может быть храбрым". Такой же формы и с такой же надписью, но несколько меньших размеров, является орден, помеченный на фотографии цифрой 9.

Фотография, заимствованная нами у Ф. Краткого, содержит четырнадцать образцов орденов. Некоторые из них, как мы отметили, подобны тем или же являются теми, которые находились в свое время в музее в Тифлисе. Но кому, все же, точно принадлежат все эти ордена — трудно выяснить в наших условиях.

Одно лишь не вызывает сомнений: ордена принадлежали храбрейшим из храбрых и прав был Ф. Краткий, когда писал:

„Таким орденом гордый лезгин мог гордиться. И он им действительно гордился, так как при одном взгляде на него он вспоминал все раны на своем теле... он вспоминал все пережитое за полувековую боевую эпопею и из глубины его души раздавался голос: „Кто размышляет о последствиях, никогда не может быть храбрым".

Брно, 16-II-1938.



Орденские знаки отличия учрежденные Имамом Шамилем.
İmam Şamil tarafından tesis edilen nişanlar.

Полковник ген. шт. Хурш

АХУЛЬГО

(Продолжение)

Исход битвы под Аргуань был продиктован 17-ю вражескими орудиями. Ни искусство русского командования, ни храбрость его войск не играли здесь роли. Около 4000 бомб и гранатов пало в эти дни на аул Аргуань. Это было огромным количеством по тому времени. Неприятель применил буквально слова ген. Геймана: *«На каждый горский выстрел мы отвечали залпами»*. Нужно считать, что в 75% потери наши были вызваны огнем артиллерии, которая почти в упор и безнаказанно, за отсутствием у нас артиллерии, делала в наших рядах страшные опустошения.

Неравная во всех отношениях борьба, хотя и проигранная нами, выявила небывалое упорство, стойкость и полное презрение к смерти, которые характеризовали регулярные войска Имама. Качества эти ополчением были проявлены в меньшей степени. Нисколько не уступая в некоторых случаях регулярным войскам, оно, в общем, легче подвергалось дезорганизации, после чего его трудно было уже привести в порядок, как это, например, случилось с Андийским ополчением. Иначе говоря, Имам Шамиль еще раз убедился в правоте своего взгляда: в больших сражениях опираться, главным образом, на регулярных частях, а в партизанской войне широко применять ополчение.

Этот принцип применен был им и в диспозиции, которая была отдана после оставления Аргуани. Имам решил:

1—с регулярной пехотой, охотниками и ближайшими соратниками, семьи которых уже были в Ахульго, лично защищать этот последний; число защитников укрепления доходило до 500;

2—регулярной кавалерии (один хамси—всего 350 чел.) защищать сначала переправу через Андийское Койсу у аула Чиркат, а затем действовать

против Шамхальской, Аварской и Мехтулинской милиций, сосредоточенных на Бетлетской возвышенности; одновременно с этим регулярная кавалерия должна служить ядром концентрации полевых войск, долженствующих действовать в тылу неприятеля;

3—ополчение должно прикрывать доступ в Андию, Технуцал и на Сагритлохскую переправу; когда неприятель пройдет к Ахульго, ополчение должно отрезать его от новопостроенного укрепления Удачное;

4—задача, данная Ага-Беку Ретульскому, остается без изменения.

Немногочисленность защитников Ахульго об'ясняется несколькими причинами. Во первых, малой площадью, занимаемой укреплением; во вторых, отсутствием достаточного количества жилых помещений; в третьих, ограниченным запасом продовольствия, расчитанным максимум на месяц, и, наконец, надеждой получить подкрепление во время самой осады. В виду отсутствия запасов фуража, в укреплении было всего 10 лошадей.

Защите Ахульго Имам придавал большое политическое и моральное значение. Этим об'ясняется то, что, вопреки обыкновению, он не эвакуировал женщин и детей, а, наоборот, перевез сюда всю свою семью, чтобы этим еще более укрепить дух защитников.

*
* *

Укрепление Ахульго, состоя из двух частей: Старого и Нового Ахульго, занимало два огромных утеса, разделенных глубоким ущельем речки Ашильты; оба утеса составляли полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Андийское Койсу. Верхние площадки этих утесов, огражденные кругом каменистыми обрывами, с'уживаясь к югу, примыкают к окружающим горам двумя узкими перешейками: от Старого Ахульго, поверхность которого была гораздо меньше, тянулся хребет вдоль берега Андийского Койсу; Новое Ахульго было расположено под почти отвесной остроконечной вершиной, на которой возвышалась башня Шулатлул-Гух (у русских авторов: Сурхаева башня). Обрывы обоих утесов к речке Ашильте и к Койсу изрыты множеством пещер. В одном месте оба утеса до того сближаются между собой, что для сообщения между ними были переброшены два бревна, над пропастью глубиною больше чем в 20 саженей; но спуски к этому мосту были чрезвычайно затруднительны и в нескольких местах прерывались деревянными лесницами. Река Андийское Койсу, протекая между утесистыми берегами, также с'уживается в одном месте (против Старого Ахульго), где также переброшены были вместо моста несколько бревен.

Естественная неприступность Ахульго была дополнена искуственными средствами обороны. Оба гребня, которыми Новое и Старое Ахульго примыкали к окружающим горам, были глубоко перекопаны; над эскарпом*) находились каменные постройки с бойницами: в Старом Ахульго одна небольшая сакля, скрытая частично под поверхностью утеса; в Новом же Ахульго две каменные постройки, соединенные траншеей, обстреливали подступы перекрестным огнем.

В обоих Ахульго от передовых построек были проведены углубленные канавы (ходы сообщения), частию крытые сверху. Они служили продольными ходами к задним частям обоих утесов, где помещались самые жилища. Дома были совершенно скрыты за покатостями и большею частью вкопаны в землю. По сторонам продольных ходов были устроены боковые ложементы; также и по краям и скатам обоих утесов были построены ряд подземных сакель и завалов, из которых сотни выстрелов могли быть направлены в каждую точку. Шулатлул Гух (Сурхаева башня) состояла из трех отделений различной высоты и большей частью была скрыта за скалами и камнями с южной стороны. Милютин об укреплениях Ахульго пишет следующее:

«Горцы умели воспользоваться всеми естественными преградами: каменьями, террасами, скалами. Неприятель в своих подземных саклях, траншеях, завалах, пещерах и за утесами был совершенно скрыт от наших глаз и выстрелов; окружающая местность почти нигде не позволяла выгодно расположить значительные батареи. Напротив того, наши войска на всех пунктах подвергались сосредоточенным выстрелам из множества неприятельских ложементов — открытых и скрытых; на все подступы к обоим Ахульго были направлены сотни перекрестных выстрелов».

Для снабжения водою в Новом Ахульго был устроен бассейн, в который вода поступала по деревянному желобку из речки Ашильты. Желобок этот был снят неприятелем в первый же день осады. За все время осады гарнизон снабжался водою с чрезвычайной трудностью. Воду брали как из Койсу, так и из Ашильты, спускаясь по очень крутым и опасным тропам. Производилось это по ночам и почти всегда под обстрелом неприятеля. Вполне естественно поэтому, что защитники ощущали все время острую нужду в воде.

Запасы продовольствия, приготовленные на случай осады, казались по-началу достаточными, но затянувшаяся оборона показала их ничтожность. Несмотря на строгую экономию продовольствия, защитники Ахульго, не исключая семьи Имама, последний месяц осады буквально голодали. Продовольствия было: 800 кали муки (1 кали=35 русским фунтам), 200 кали зерна и 250 раталов (1 ратал=6 фунтам) разного рода сушенного мяса. Кроме этого, в первый период осады в укрепление было доставлено дополнительно около 200 кали муки. Топлива (важная отрасль хозяйства в безлесных местах Дагестана) было достаточно, преимущественно в виде кизяка.

Что-же касается огнестрельных припасов, в них гарнизон не имел нужды за все время осады. Готового пороха было 200 раталов. Кроме того, большой запас сырья позволял пороховому заводу в Ахульго, обслуживаемому во время осады исключительно женщинами, пополнять убыль. Запасов

*) Эскарп — в земляных укреплениях прилегающая к насыпи (брустверу) отлогость наружного рва.

План осады Ахульго (взято из книги „История русской армии и флота").

свинца, переливаемого в пули в подземной мастерской, было 150 раталов. Это количество было пополнено 120 раталами свинца и 50 раталами пороха, доставленными в начале осады.

Силы, защищающие Ахульго, были распределены Имамом следующим образом: в Старом и Новом Ахульго находилось по 200 чел., а Шулатлул-Гух (Сурхаева башня) была занята 100 человеками. Общее руководство обороной находилось в руках самого Имама. По 75 чел. из числа защитников Старого и Нового Ахульго были в качестве общего резерва в непосредственном подчинении Имама и не могли быть использованы нигде без особого его на то разрешения. Боевыми начальниками были назначены: Нового Ахульго —ункратльский наиб Бабал Магомед Игналинский, Старого Ахульго — андаляльский наиб Омар-Хаджи Согратлинский, башни Шулатлул-Гух — Али-Бек Хунзахский. Начальником снабжения был араканский наиб Хуссейн.

*
* *

5 июня из Ахульго выехали тилетлинский наиб Ахвердил - Магома, назначенный начальником полевых сил, и предназначенный ему в помощь койсубулинский наиб Сурхай Калинский и андийский кадий Галбац, получившие от Имама директивы собрать и укомплектовать ополчения. При этом наиб Сурхай принял командование над отрядом Али-Бека Хунзахского, который в тот-же самый день к вечеру прибыл в Ахульго и принял под свою команду Шулатлул-Гух.

За день перед этим, 4-го июня, ввиду появления на Бетлетской плоскости сильной неприятельской группы, состоящей из пехоты с артиллерией и многочисленной милиции, а также имевшей с собой огромный транспорт, — из Старого Ахульго были отправлены в аул Ашильта 100 человек под командою Ибрагим-Хуссейна Гимринского. Отряд этот должен был наблюдать за неприятелем на Бетлетской плоскости и установить связь с Али-Беком в Чиркат, оказывая ему в случае надобности помощь при обороне переправы через Андийское Койсу.

К 6 июня все приготовления к обороне Ахульго были закончены. Особое внимание обращено было Имамом на Шугатлул-Гух, который был по существу ключем оборонительных позиций Ахульго. Башня была в достатке, елико это было возможно, снабжена всем необходимым. Не забыли даже нагромоздить в ней и около нее огромное количество камней и бревен, которые должны были служить метательными снарядами во время неприятельских штурмов.

В таком положении Имам Шамиль ждал врага, решив до последней возможности защищать свою резиденцию, являющуюся одновременно и символом независимости Северного Кавказа.

*
* *

События, предшествующие блокаде, развивались своим чередом. В продолжении $3^1/_2$ суток

главный отряд неприятеля оставался в Аргуани, ожидая возвращения 3-х баталионов пехоты, 4-х горных орудий и 2 сотен конных казаков, сопровождавших транспорт раненных, отправленных в крепость Внезапную. Из крепости навстречу отряду выступил линейный баталион с 300 чел. кумыкской милиции при 2-х орудиях. Высылка столь значительных сил об'яснялась тем, что Ташав-Хаджи и Муртазали Магомет Оратинский сильно беспокоили русские войска, и отряду необходимо было силой прокладывать себе дорогу.

Как только русское командование получило сведение, что отряд, сдав раненных, возвратился в укрепл. Удачное, оно, не дожидаясь присоединения отряда, приказало 4 июня выступить из Аргуани на аул Чиркат. Пройдя всего 6 верст от Аргуани, главные русские силы остановились биваком, где к вечеру к ним присоединился и упомянутый отряд из укрепления Удачное.

Спуск к аулу Чиркат был до такой степени испорчен Али-Беком, что русским войскам на его исправление потребовалось двое суток, а потому главные силы неприятеля должны были оставаться на месте до 7 июня.

Передовому отряду в составе 2-х баталионов, 2-х горных орудий и конных казаков под командой полк. Лабинцева (между прочим, за взятие Аргуани ген.-лейт. Граббе назначен был генер.-ад'ютантом, ген.-майор Галафеев произведен в ген.-лейт., а полковник Пулло и Лабинцев в ген.-майоры) приказано было исправить дорогу и занять аул Чиркат. 5 июня отряду с величайшими трудностями удалось одолеть спуск и двинуться к аулу Чиркат. После жаркой перестрелки, аул был занят неприятелем. Жители аула были эвакуированы.

Наиб Сурхай Калинский, принявший командование отрядом от Али-Бека, отошел по левому берегу вверх по течению Андийского Койсу к Сагритлохскому мосту, выделив 30 чел. для сожжения моста у Чиркат и для препятствования переправе русских через Койсу.

До 12 июня ни Лабинцеву, ни прибывшему в Чиркат главному отряду не удалось восстановить переправу. О значении переправы для русского отряда Милютин пишет следующее:

«Восстановление переправы было чрезвычайно важно; ибо на другой стороне Андийского Койсу, на возвышенной Бетлетской плоскости, уже ожидал транспорт продовольственных и военных запасов, шедший из Темир-Хан-Шуры через Зырани под прикрытием 2-го баталиона Апшеронского пехотного полка, при 2-х горных орудиях, под командою полк. Попова, вместе с милициями Тарковскою, Аварскою и Мехтулинскою. Транспорт этот был крайне нужен для отряда: с удалением от Аргуани, нельзя уже было расчитывать на прежние сообщения с укреплением Удачным и крепостью Внезапною; неприятельские шайки бродили по этой дороге и перехватили уже двух курьеров. Поэтому необходимо было, как можно скорее, открыть новое сообщение через Зырани с Темир-Хан-Шурою.

Сделана была попытка войти в ближайшее сообщение с Темир-Хан-Шурою через Чиркей; но чиркеевцы, далекие от желания содействовать русскому отряду, уклонились под разными предлогами, не переставая уверять в своей преданности и покорности».

Уже несколько дней шли работы по постройке моста через Койсу. Однако, безуспешно. Меткий ружейный огонь 30 бойцов, оставленных наибом Сурхаем, препятствовал работам. Кроме того, русский отряд начал терпеть недостаток в продовольствии. Приказания, неоднократно посылаемые ген. Граббе к полк. Попову и Шамхалу Тарковскому, о том, чтобы отряд их немедленно перешел в Ашильты и помог главному отряду восстановить мост, а также снабдил бы последний продовольствием — оставались неисполненными. Как пишет Милютин, отряд Попова *«не решался спуститься с Бетлеевской горы в такое близкое соседство с грозным Ахульго»*. Факт этот отнюдь не лестно характеризует храбрость неприятеля, в данном случае полк. Попова. Имея под своей командой около 1000 чел. пехоты, 2 горных орудия и 3600 чел. милиции, он оказался загипнотизированным «грозным Ахульго» с его 500 чел. гарнизона. Даже начавшийся в главном отряде недохват продовольствия не вдохнул в его сердце решимость.

При таком положении русский главнокомандующий должен был найти какой то другой выход, чтобы переправиться на противоположный берег Койсу. И вот, 8 июня он снаряжает отряд из 2-х баталионов пехоты, 2-х горных орудий и всей кавалерии отряда под командой полк. Катенина, с задачей овладеть Сагритлохской переправой, расположенной вверх по течению реки в 7 верстах от аула Чиркат. Отряд Катенина должен был захватить переправу, перейти там на правый берег Койсу и, двинувшись по той стороне реки к Ашильте, установить непосредственную связь с отрядом полк. Попова. Затем надо было ускорить движение транспорта, заняв противоположный берег у аула Чиркат и этим облегчив постройку здесь моста, а вслед за этим разработав дорогу от этого моста к Ашильте.

В тот-же самый день, после незначительной перестрелки, Сагритлохский мост, обороняемый 50 чел., был захвачен противником. Мост был частично разрушен, но к вечеру неприятель исправил повреждения. Захват моста был вызван оплошностью наиба Сурхая, который сосредоточил ядро своих небольших сил в Ихали и вблизи Бетлетской горы, угрожая отряду Попова. Попытка Сурхая задержать и опрокинуть переправившегося противника, предпринятая 9 июня, окончилась неудачей. Все дело свелось к тому, что Сагритлохский мост был опять занят нами, но уже после прохождения русского отряда.

В тот-же день (9 июня), после жаркого боя, неприятель взял аул Ашильта и овладел правым берегом Андийского Койсу. Ибрагим Хуссейн Гимринский с подчиненными ему людьми отошел в Старое Ахульго.

В ауле Ашильта отряд полк. Катенина расположился в садах. Вскоре с Бетлетской высоты туда-же спустился Ахмед-Хан с 2000 чел. Аварской и Мехтулинской милиций.

10 июня, установив артиллерию на левом бе-

регу Андийского Койсу, неприятель открыл огонь как по Старому, так и Новому Ахульго. Действие это в реляции названо было «боевой рекогносцировкой». Фактически-же огонь был открыт «для устрашения».

Но результат получился обратный. Ответом на канонаду была вылазка 250 чел. под начальством Омара-Хаджи Согратлинского. Стремительный натиск наших бойцов был настолько неожиданным, что милиция Ахмед-Хана (2000 чел.), застигнутая врасплох в ашильтинских садах, обратилась в бегство. Только хладнокровие и распорядительность полк. Катенина не позволили распространиться панике в еще большей степени. Картечный огонь артиллерии, стоящей уже на позиции, и контр-атака баталиона пехоты заставили наши части очистить сады. Продержавшись до наступления темноты между садами и Ахульго, Омар-Хаджи вернулся в укрепление с богатой добычей и 27 пленными.

Эпизод этот описан у полк Милютина так:

«В тот же день (10 июня) и неприятель, сделав вылазку из Ахульго, атаковал милицию Ахмед-Хана и уже начал вытеснять ее из садов, когда полк. Катенин отрядил в ту сторону три роты пехоты и снова занял сады».

Как видим, описание это не совсем совпадает с тем, что имело место на самом деле.

К вечеру 11 июня постройка моста у Ашильты была закончена, и неприятель сосредоточил на правом берегу Койсу 6 бат. пехоты, 9 орудий, 2 конных и 4 пеших казачьих сотен и 3600 чел. пешей и конной милиции. Вся эта масса располагалась в садах разоренного уже аула Ашильта. У моста было оставлено прикрытие в виде баталиона пехоты и двух орудий. На левом берегу, на высотах против Ахульго, оставлены были два баталиона и 3 орудия (два легких и одно горное). Боевая рекогносцировка, произведенная 13-го июня пятью баталионами при семи орудиях, показала неприятелю, что взять Ахульго будет не легко. Однако, ген. Граббе был иного мнения, допуская возможность взятия Ахульго без длительной предварительной осады. Этот ошибочный взгляд стоил противнику тысячи жизней, в чем мы убедимся в дальнейшем. Ошибочным был и план блокирования Ахульго только с одной стороны, выразившийся конкретно в том, что еще 13 июня два баталиона, оставленные на левой берегу Койсу, были переброшены на правый берег. В «Истории русск. армии и флота» читаем по этому поводу:

«Такая блокада была бесполезной, так как давала возможность Шамилю сообщаться с левым берегом Койсу и получать оттуда подкрепления и продовольствие».

Об этом-же в «Очерках военных дел на Кавказе 1838—1842 г.г.» сказано следующее:

«Генерал Граббе сделал при этом случае важную ошибку — не оставив за собою переправы, ибо через то дал средство осажденным на скале Ахульго иметь сообщение с левым берегом реки, а у себя отнял возможность довершить обложение вполне».

В общем-же к 13-му июня неприятель сосредоточил все наличные части на правом берегу реки, оставив лишь 2 роты для охраны моста у Чиркаты.

* * *

13 июня неприятель приступил к осадным работам. Фланги его сил подходили вплотную к Койсу. Вообще же силы противника располагались следующим образом:

левое крыло — по левому берегу речки Ашильты были расположены 2 роты 1-го баталиона и 4-й баталион Апшеронского полка, имеющие при себе 2 казачьих и 2 горных орудия;

центр — здесь на мысе между речками Ашильта и Бетли находился 1-й баталион Куринского полка и 2 горных орудия, а на высотах к югу от Сурхаевой башни — 4-ый баталион того-же полка при 2-х легких орудиях;

правое крыло — на высотах к востоку от Сурхаевой башни располагался 2-ой баталион Куринского полка и 4 горных орудия; в ущельи близ самого Койсу — 2-ой баталион Апшеронского полка.

2 роты 1-го баталиона Апшер. полка находились, как мы уже отметили, у переправы.

Кроме этого, *на высотах в сторону аула Ихали* находились 2 баталиона Кабардинского полка с 2-мя горными орудиями; *в садах южнее Ашильты* — Аварская и Мехтулинская милиции; *на высотах около поворота дороги на Бетлетскую гору* — Тарковская милиция, *а по обоим сторонам этой последней горы* — транспорт и артиллерийский парк и табуны всего отряда, прикрываемые командами от соответствующих частей.

Осадные работы противника, начатые 13 июня и выражавшиеся по-началу почти исключительно в устройстве батарей, через несколько дней значительно подвинулись вперед. Полк. Милютин пишет по этому поводу следующее:

«Уже 13-го числа начаты были некоторые осадные работы. Батареи устроены были в следующих местах: на левом фланге, одна № 1 — на гребне, ведущем к Старому Ахульго, на два орудия (казачьих), для обстреливания передней части Нового Ахульго; другая № 2 — на том-же гребне, несколько ниже и левее, на 2 орудия (горных), для обстреливания Старого Ахульго. В центре, первоначально два легких орудия поставлены были на высотах, выдающихся мысом, левее ручья Бетлетского (№ 3); но потом орудия эти были подняты на гору, к югу от Сурхаевой башни (№ 4); а на прежнем их месте остался один горный единорог. Наконец, батарея на 4 горных орудия (№ 5) построена была на высотах к востоку от Сурхаевой башни. Все эти батареи построены были из туров, наполненных каменьями, за недостатком земли».

Значительные усилия были затрачены осаждавшими и на устройство путей сообщения между различными частями отряда. У Милютина относительно этого мы находим следующее описание:

«Гораздо значительнее были работы по устройству путей сообщения: в иных местах для провоза орудий необходимо было высекать дороги в камне и скалах. Особенно на левом фланге много труда стоило сообщение с двумя батареями № 1 и № 2, расположенными на гребне, к Старому Ахуль-

го: путь этот необходимо было прикрыть турами, в иных частях со стороны Старого Ахульго, в других со стороны Нового. Работы эти окончены были к 18-му числу и в тоже время на левом фланге начата сапа от батареи № 2 вдоль по гребню к Старому Ахульго».

Все эти работы проводились неприятелем не безнаказанно. Ежедневно, особенно по ночам, небольшие группы осажденных смелыми вылазками беспокоили рабочие команды противника. Постоянные нападения заставляли русское командование держать большинство сил в передовых линиях. Но и защитникам Ахульго причиняла сильное беспокойство неумолкаемая канонада русской артиллерии. У Магомет-Тагира Карахского читаем:

«Постоянным огнем из орудий (неприятель) *не давал покоя защитникам. Осаждавшие днем разрушали завалы и подземелья, осажденные ночью восстанавливали их».*

*
* *

Вечером 17-го июня в Ахульго прибыли Ахвердиль-Магома и Галбац-Дибир Андийский, доложившие Имаму об исполнении задачи по сбору и организации полевых войск. Собрано было всего 1250 чел. ополчения, что с конницей койсубулинского наиба Сурхая составляло 1500 чел. Части эти были расположены следующим образом: 400 чел. (андийцев и технуцальцев) расположены были по левому берегу Койсу у Сагритлохского моста; 850 чел. (каратинцев и цунтинцев) и 250 чел. регулярной кавалерии находились в Ихали. Помимо этого, в районе Аргуань действовало 300 чел. гумбетовского и салатавского ополчений, угрожавшие укреплению Удачное. Последними командовал наиб Лабазан.

Ахвердиль-Магома и Галбац-Дибир, получив от Имама инструкции, в туже ночь выехали к своим частям. Согласно этой инструкции, полевые войска в ночь с 18 на 19 июня должны были подойти к Ашильта и Чиркат и на рассвете занять эти пункты. Против Ашильты должен был действовать Ахвердиль-Магома с 850 чел. ополчения из Ихали. Атака должна была вестись по правому берегу Койсу. По левому берегу предстояло двигаться Галбац-Дибиру. В его распоряжении находились 400 чел., расположенные у Сагритлохского моста. В задачу Галбац-Дибира входило уничтожение Чиркатинского моста. 250 чел. регулярной кавалерии Имамом не были введены в действие, но лишь 2 миата из них были передвинуты к Сагритлохскому мосту, а один миат оставлен был по-прежнему в Ихали. Вероятно, Имам Шамиль хотел сохранить эти отборные части для более серьезной акции.

Имам предугадал, видя перегруппировку частей неприятелем и учитывая интенсивность огня его артиллерии, что ген. Граббе задумал какую-то активную акцию против Ахульго. Учетом этой именно преполагаемой акции об'ясняются распоряжения, данные Ахвердиль-Магоме и Галбац-Дибир. Имам верил в успех действий своих наибов, так как для неприятеля, занятого всецело подготовкой штурма Ахульго, удар на Ашильту и чиркатскую переправу должен был быть полной неожиданностью. Как увидим, Имам не ошибся в своих расчетах, и, если бы ни несколько неудачные действия наиба Ахвердиль-Магомы, предприятие окончилось бы полным успехом.

По-началу все шло, как нельзя лучше. Вечером 18 июня части Галбац-Дибира подошли совершенно незаметно к развалинам аула Чиркат и, стремительно ударив на неприятельскую пехоту, занимавшую аул (около 200 чел.), заставили ее в беспорядке отойти на правый берег Андийского Койсу. Мост был также занят. Однако, удержать его не удалось. Сильный артиллерийский и ружейный огонь с противоположного берега причинял нашим значительный урон. Поэтому Галбац-Дибир приказал разрушить мост и отойти от переправы, не выпуская ее из под наблюдения. Прочно заняв аул Чиркат, он перед рассветом связался с Ахульго.

Несколько иначе представлялось дело у Ахвердиль-Магомы. Прибыв к Сагритлохскому мосту под вечер 18 июня, он получил от передовых частей сообщение, что к аулу Ахкенту подошло 2000 чел. пешей и конной милиции, которые и расположились там. Приказав наибу Сурхаю прикрыть свои части со стороны этой милиции, Ахвердиль-Магома двинулся к Ашильте и ночью, незамеченный неприятелем, занял высоту над этим аулом. Милютин описывает это так:

«В то самое время, как он (Ахмед-Хан) *спокойно располагался на возвышенной плоскости в Ахкенте, почти под глазами его, скопище Ахвердиль-Магомы двинулось от Сагритлохского моста по нижней дороге к Ашильте, и, таким образом, внезапно явилось в тылу блокирующих войск с той именно стороны, с которой отряд почитал обеспеченным себя Аварскою и Мехтулинскою милициею. Ахмед-Хан не мог даже известить о движении горцев прежде, чем самое скопище появилось перед отрядом».*

Еще перед началом рассвета Ахвердиль-Магома без выстрела, пользуясь только холодным оружием, атаковал неприятеля, отбросив его и на рассвете заняв Ашильту и сады. Переполох в рядах неприятеля был большой. Но подоспевшие резервы восстановили положение противника. Этому способствовало бездействие, проявленное Ахвердиль-Магомой после первого успеха. Вместо того, чтобы преследовать расстроенного противника, он ограничился занятием развалин аула и садов, вступив затем с неприятелем в перестрелку. Воспользовавшись передышкой, русские, подтянув резервы, перешли в контр-атаку.

Контр-атака, поддерживаемая огнем 4 орудий, велась 3 баталионами пехоты, казаками и шамхальской милицией. После ожесточенного боя в рукопашную в садах и на Ашильтинских высотах ополчение Ахвердиль-Магомы отошло обратно к Сагритлохскому мосту. Шамхальская милиция и конные казаки пытались преследовать наши части, но смелой атакой наиба Сурхая были отброшены к Ашильте.

Все это случилось, как мы отметили, перед тем, как ген. Граббе хотел приступить к непосредствен-

ным действиям против Ахульго, которые были учтены Имамом. У Милютина читаем:

«В то самое время командующий отрядом, не подозревая присутствия столь близкого неприятеля, предположил на рассвете сделать новую усиленную рекогносцировку для осмотра доступа к Старому Ахульго».

Конечно, рекогносцировку пришлось отложить.

Действия наших полевых войск, хотя и не увенчавшиеся полным успехом, сыграли немаловажную роль в дальнейшем развитии событий. Занятие аула Чиркат и разрушение моста через Койсу обеспечивало свободное и безопасное сообщение Ахульго со всеми обществами, расположенными по левому берегу Койсу. Одновременно укрепление Удачное отрезывалось от главных русских сил, что неминуемо должно было привести к ликвидации этого укрепления, что вскоре и случилось. 23 июня гарнизон укр. Удачное прорвался к Миатлинской переправе, воспользовавшись помощью линейного баталиона, 2 сотен казаков и 600 чел. кумыкской милиции, которые подошли из крепости Внезапной. Все это было, повторяем, результатом действий наших полевых войск у Чиркат и Ашильты.

При отходе из Удачное неприятель потерял почти все свои запасы. Милютин в этом не признается. У него отход из Удачного представлен в виде заранее подготовленной акции, тесно связанной с планом осады Ахульго. У него укрепление Удачное *«было оставлено нашими войсками, согласно с приказаниями, данными прежде командующим отрядом»*. А само отступление представлено в следующем виде:

«С помощью колонны, прибывшей в Суук-Булак из крепости Внезапной, майор Тарасевич, командир 3-го баталиона Апшеронского полка, поднял все тяжести и артиллерию на гору, срыл укрепление и благополучно дошел до Миатлинской переправы, имев на пути только слабую перестрелку с неприятельскими шайками».

Фактически-же картина была совершенно иная. Гарнизон укрепления был отрезан от главного отряда ополчением гидатлинского наиба Муртазали Оратинского и поэтому не мог присоединиться к главным силам. Ген. Граббе только поэтому и приказал гарнизону Удачного отходить к Миатлинской переправе, узнав о критическом положении его после занятия нами переправы у Чиркат от лазутчиков, окружным путем пробравшихся в крепость Внезапную, где майор Тарасевич, начальник гарнизона Удачного, поднял тревогу. Попытка гарнизона самостоятельно пройти к Темир-Хан-Шуре через аул Чиркей окончились неудачей, так как чиркеевцы отказались пропустить русских. Поэтому-то и пришлось ожидать помощи из Внезапной. По дороге, как мы сказали, русским пришлось оставить значительную часть обоза.

Идрис-Хаджи в записках описывает этот эпизод так:

«По прибытию русских войск под Ахульго, гарнизон новопостроенной крепости недалеко от аула Данух оказался в критическом положении. Ни днем, ни ночью русские не имели покоя, окруженные воинами наибов Муртазали и Ташав-Хаджи. Войска, пришедшие из крепости Эндери (Внезапной), спасли от неминуемой гибели врагов Аллаха. Из несметных богатств, которые находились в крепости, враги увезли очень немногое—всего на 50-ти лошадях. Много добра русские попортили, но многое досталось и мюридам. Из этой добычи осажденным в Ахульго было доставлено на 40 вьючных ослах пшено, на 15 ослах порох и 5 ослах свинцовые пули. Одно испорченное орудие враг сбросил с кручи.

Ичкеринский наиб Ташав-Хаджи преследовал русских до самой крепости Эндери. Ичкеринцы многократно бросались на врага в шашки, под ударами коих погибло не мало солдат, а 15 человек с одним начальником (офицером) были взяты в плен».

Близкое соседство наших полевых войск было весьма неприятно русскому командованию. Занимая переправу у Сагритлохского моста и аул Ихали, они постоянно угрожали главным силам ген. Граббе, в тыл которых они могли выйти в любое время. Дабы избавиться от этой постоянной угрозы, ген. Граббе решил уничтожить части Ахвердиль-Магомы или же, во всяком случае, заставить их отойти на левый берег Андийского Койсу, овладев одновременно Сагритлохской и Ихалинской переправами. О решении этом в «Описании военных действий 1839 года» читаем следующее:

«Генерал Граббе не хотел оставить неприятеля в таком близком соседстве с блокирующим отрядом; но чтобы преследовать горцев, нужно было отделить довольно сильную часть войск и тем ослабить на некоторое время блокаду. Отряд этот, под личным начальством генерала Граббе, составлен был из 4-х баталионов пехоты, 4-х горных орудий, конных казаков и горской милиции».

Как видим, силы эти были более чем достаточны в сравнении с силами Ахвердиль-Магомы, против которых они главным образом предназначались.

Русский отряд выступил к Сагритлохскому мосту в ночь на 22-ое июня. В авангарде шли милиция и конные казаки, всего около 4000 человек. Посылая в авангарде такую массу, генерал Граббе исходил из расчета, что она введет в заблуждение наши наблюдательные посты, скрыв от последних присутствие пехоты и артиллерии в составе отряда. Этот расчет в основном удался.

К полудню 22 июня милиция и казаки подошли к нашим позициям, прикрывающим Сагритлохскую переправу (ополчение) и доступ к аулу Ихали (регулярная кавалерия). Полагаясь на донесения передовых постов, Ахвердиль-Магома думал, что силы русского отряда исчерпываются милицией и казаками. Соответственно этому принят был им и план боя. Он решил действовать не оборонительно, а наступательно. Наиб Сурхай во главе 300 чел. регулярной кавалерии смело заатаковал Мехтулинскую милицию, находящуюся на левом фланге врага, и на ее плечах ворвался в гущу милиции. Неприятель не выдержал удара и обратился в бегство. Видя это, наше ополчение также бросилось преследовать бегущих. И здесь-то именно фатальную

роль сыграло то, чего не учел Ахвердиль-Магома: присутствие у неприятеля пехоты и артиллерии. Наши войска, расстроенные преследованием, были встречены картечным огнем и контр-атакой пехоты. Понеся значительные потери, они отошли к исходным позициям, а затем под натиском вражеской пехоты ополчение перешло Сагритлохский мост, удерживая однако переправу в своих руках, а кавалерия вернулась в Ихали.

В этом деле мы потеряли 125 чел. убитыми и 265 раненными. Но зато в плен нами было взято 198 чел. милиционеров и 17 казаков.

До полудня 23-го июня ген. Граббе оставался на занятых позициях, приводя в порядок расстроенную милицию. Затем, не предпринимая уже никаких активных действий против Ахвердиль-Магомы, он вернулся под Ахульго.

Этот бой закончил фактически действия наших полевых войск против неприятеля, осаждающего Ахульго. Ополчение, понесшее большие потери, разошлось по домам. Регулярная же кавалерия, сведенная в два миата, расположилась по-миатно в Ихали и у Сагритлохского моста. Ахвердиль-Магома и Сурхай вернулись в Ахульго вечером 24-го июня.

(Окончание следует)

Барасби Байтуган

Древнее население Северного Причерноморья

Самые ранние сведения о населении Северного Причерноморья, включая и Северный Кавказ, сохранились в хрониках классических Греции и Рима. К сожалению, сведения эти не отличаются достаточной точностью и полнотой. В большинстве случаев древние авторы не изучали лично описываемых ими стран, а пользовались рассказами других лиц и теми баснословными слухами, которые в изобилии распространялись в ту эпоху. Кроме этого, многие из сохранившихся хроник носят компилятивный характер, повторяя ошибки предшествовавших авторов, что еще более затрудняет ориентацию. Однако, и столь несовершенные сведения позволяют восстановить с достаточной долей вероятия древний этнический облик Северного Причерноморья.

Обширный археологический материал, особенно пополнившийся раскопками последних лет, свидетельствует с несомненностью, что население всего Северного Причерноморья, от устьев Дуная на западе до устьев Волги и с Северным Кавказом на востоке и юге, составляло в древние времена единый культурный комплекс, т. е. характеризовалось сходством, а чаще, тождеством быта, одними и теми же верованиями, традициями и т. д.

Состав этого населения в течении длительного периода не подвергался сколь-нибудь заметным изменениям. До появления гуннов в IV столетии, здесь едва ли происходили какие-либо значительные перемещения населения или же оседания новых этнических групп. Рассказ Геродота, подтверждаемый ассирийскими надписями Асархадона и Ассурбанипала (VII столетие до Р. Х.), об изгнании скифами с берегов Киммерийского Босфора таинственных гумиров-киммерийцев и о вторжении первых вслед за преследуемыми гумирами в Малую Азию—является единственным свидетельством, которое сохранила нам история об изменениях в составе древнего населения Северного Причерноморья. Иных свидетельств, в равной мере обстоятельных, мы не имеем, ибо вероятно этнический облик страны установился задолго до того, как первые греческие мореплаватели появились у берегов Черного моря. Но и этот эпизод разыгран был местными силами, а не, как утверждает Геродот, свежими пришельцами из глубин Азии, скифами, которые вытеснили автохтонов киммерийцев.

Скифо-гумирский конфликт был для Северного Причерноморья внутренним конфликтом. Скифы, несомненно, уже и перед ним соседствовали с гумирами. Об этом говорит не только факт, что скифы, после 28-летнего пребывания в Малой Азии, сочли необходимым опять вернуться в Причерноморье, где ими были оставлены семьи (стихийные переселения совершаются обыкновенно с семьями и со всем домашним скарбом), но и то, что память о гумирах до сих пор сохраняется среди населения Северного Кавказа, которое, как увидим, с полным правом можно считать потомками очевидцев или участников конфликта. Едва ли бы сведения о таинственном народе, переставшем существовать на Северном Кавказе около 3 тысяч лет тому назад, сохранились в живой памяти населения, если бы это население не находилось в преемственной связи с современниками событий тех времен.

Таким образом, состав древнего населения Северного Причерноморья был в течении многих веков стабильным, не претерпевал сколь-нибудь значительных потрясений, исключая изгнание гумиров в Малую Азию.

Древние авторы согласованно отмечают многоязычие этого населения. С неменьшей согласованностью отмечаются и те общие черты, о которых мы говорим выше. Страбон, вспоминая о народах, посещающих Диоскуриаду (греческий город в нынешней Абхазии), пишет, что их насчитывалось около семидесяти и все они говорили на разных языках, но сейчас же добавляет: „большая часть из них принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами."[1] У него же, в описании населения Иберии, говорится, что прилегающий Кавказский хребет „занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с ко-

[1]) В. В. Латышев—„Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе", вып. 1-й; Санкт-Петербург, 1893.

торыми они находятся и в соседстве и в родстве".[2]) Аналогичные утверждения встречаем мы и несколькими столетиями раньше, у Геродота, в его описании Скифии и прилегающих областей.

* * *

Этнический облик населения Северного Причерноморья в значительной степени сохранил свой прежний вид и после сокрушающей волны гуннского нашествия. Составные элементы древней Скифии и Северного Кавказа, хотя и весьма поредевшие, особенно в северной части степной полосы (в поясе Волга — Дон — Днепр — Дунай), частью остались на своих местах, а частью передвинулись вместе с завоевателями. Тоже самое произошло и во время готского нашествия. И только с появлением в степях Причерноморья русов-норманов, организовавших безформенные массы восточных славян, наступает процесс радикального изменения этнического состава северной степной полосы. Появление монголов, а затем кровавый поход Тимурленка в поисках Тохтамыша, завершают этот процесс. Монголо-тюрки, выгодно разместившись на обширных пространствах богатейших степей, вбирают в себя остатки родственных тюрков Причерноморья и издревле соседствующих с последними иранцев, с тем, однако, чтобы вскоре уступить место новой волне славян, которые, оправившись в лесах севера от разгрома, опять приступают к последовательному, систематическому продвижению на юг.

Возникает вопрос: сохранились ли в настоящее время потомки народов, населявших древнюю Скифию или же причисляемых авторами классической эпохи к родственным этим народам племенам? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, какие этнические элементы составляли население Скифии в широком значении.

Начнем с восточного берега Черного моря, включая побережье Азовского моря и расположенные на восток степные и нагорные районы Северного Кавказа. Наиболее стабильным для этой части Скифии является народ мэоты. Начиная с VI столетия до Р. Х. и кончая VI же столетием после Р. Х., название этого народа неизменно фигурирует в описаниях древних авторов. Его именем названо „Мэотийское озеро,“ нынешнее Азовское море, так как основная масса мэотов жила по берегу этого моря.

Гиппократ называет мэотов скифским народом, именуя их савроматами. Савроматами, наряду с мэотами, называет их и Страбон, как равно и ряд других авторов. По Геродоту, они происходят от амазонок и скифских юношей, с которыми отважные воительницы сошлись после высадки на берег Мэотиды, потерпев поражение от эллинов при Өермодонте. Язык их, продолжает Геродот, скифский, но издревле искаженный, так как амазонки, родоначальницы этого племени, никогда вполне его не усвоили.

Но Скилак Кариандский и некоторые другие различают мэотов от савроматов. У Скилака сказано: „От реки Танаида (Дона) начинается Азия, и первый народ ее на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами.“ И далее: „За женоуправляемыми живут мэоты.“[3]) Мэоты, говорит Страбон, „разделяются на довольно многие племена“, и перечисляет в числе этих племен синдов, дандариев, тореатов, агров, аррихов, тарпитов, овидиакинов, ситтакинов, досков, аспургианов. Но и этот длинный перечень не исчерпывает всех мэотов, ибо Страбон добавляет, что к ним принадлежат „и многие другие племена.“

Кем же могли быть мэоты? Едва ли они были иранцами, которые, наряду с тюрками, составляли, вероятнее всего, основную массу населения Скифии в широком значении. Известные сомнения в невозможность иранского происхождения этого племени может вносить явно иранское название „савроматы“, даваемое ему, наряду с именем „мэоты“, некоторыми авторами. Аналогичные сомнения вызывает и упоминание Геродота о том, что язык савроматов был испорченным скифским языком. Но, как мы уже отметили, не все авторы отождествляют мэотов с савроматами. Многие подчеркивают разницу между ними, хотя и отмечают скифскую сущность обоих племен. Это несоответствие в сведениях древних авторов осложняет проблему этнического происхождения мэотов.

Однако, есть один момент, который в значительной степени рассеивает сомнения. На момент этот обратил впервые внимание Л. Лопатинский, известный исследователь адыгейских говоров. В заметках к исследованию С. Мельникова-Разведенкова „Воспор Киммерийский в эпоху Спартокидов“,[6]) он об'яснил греческое название „Мэотида“ из адыгейского языка.

„Это слово — пишет он — можно об'яснить из адыгского языка. Составные его части: меі—вонь, и јаtе[7]) — болото, тина, лужа, стало-быть: вонючая лужа (см. мой Русско-Кабардинский словарь, XII вып. Сб. мат.), каковым Азовское море, поросшее по берегам камышами со стоячей водой, могло действительно, по сравнению с Черным морем, представляться воображению окружающих его народов“.

Все это более чем вероятно, так как и древние авторы (как например, без'именный составитель перипла во II-I столетии до Р. Х., которого считают Скимном Хиосским) говорят, что „Мэотида“ название не греческое и произошло от мэотов. Точнее же, так называли Азовское море жители прибрежной полосы, название это восприняли греки и перенесли его на прибрежные племена. Все это тем более вероятно, что и у древних авторов Азовское море называлось Мэотийским болотом, а северо-западная часть его даже Гнилым озером (теперешний Сивашский залив).

---

[2]) Там-же.

[3]) В. В. Латышев—„Известия древн. писателей“...

[6]) Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа; вып. 21-ый.

[7]) В этом слове буква „т“, употребляемая автором, имеет наверху запятую. Так обозначалось в миссионерской азбуке, которой пользуется Лопатинский, т. н. кавкасское „т“ = „th“ в сегодняшней латинизированной азбуке чеченцев и осетин.

Каллимах (III столетие до Р. Х.), ссылаясь на Гераклида, говорит при описании Азовского моря (Мэотиды), что „ни одна птица не может перелететь через него и что те, которые подлетают к нему, умирают от зловония".[8]) Это, конечно, значительно преувеличено, но, все же, достаточно ярко свидетельствует о том, какая слава распространялась об Азовском море уже в древние времена. Тем более, поэтому, адыгейцы, которыми только и могли быть „мэоты" древних авторов, имели основание называть соседнее море, напоминающее скорее большое, поросшее у берегов густым камышем озеро, наиболее подходящим именем: „Mej-jathä" — „Вонючая лужа (болото)".

Но не только это название свидетельствует, что мэоты были именно адыгейцами. Если присмотреться к названиям древних поселений на Таманском и Керченском полуострове, т. е. в районе расселения мэотов, то мы, наряду с явно эллинскими названиями (греческих колоний), встретим и несомненные адыгейские имена: Тиритака (о), Казека (о), Аборака (о) и т. д. Селение Казеко обозначаемо было и на картах более позднего происхождения: венецианских и гэнуесских. Тоже самое можно сказать и относительно названия племен: ситтак-ины (ситтак-о); доск-и (доск-о)[9]); аспургианы, которые размещались там же, где и сегоднешние шапсуги; псизы по реке Кубани (Кубань по-адыгейски и сейчас называется „Псиж") и т. д.

Наконец, еще одно свидетельство: у адыгейцев до сих пор сохранилось древнее название Черного моря. Вот что об этом говорится в одном из кабардинских преданий:

„Ахыном мы называем Черное море. Именем Ахына клялись — существовало это как обычай. „Ахын, не отдам"!, „Ахын, не знаю!" — вот так говорили.

Басхаги (старинное название абхазо-абазинцев — Б. Б.), что ни год, для угождения Ахыну закалывали корову.

Говорят, таковы должны были быть приметы той коровы: масти совершенно черной без белой звездочки на лбу. Если и была корова вся черная, а только кончик хвоста белый, уже она считалась непригодной.

Если в стаде обнаруживалась корова указанной масти, почитали ту корову посланной Ахыном. Оттого и называли ее: „Ахыном ниспосланная".

В предназначенный срок такую корову приносили в жертву Ахыну.

Черное море, именуемое Ахыном, — море студеное, очень холодное. Бушуют на нем ветры. Налетают с того моря на берег частые ураганы и бури.

И так как эти вихри приносили большие опустошения, то, пожалуй, верно будет, что в древние времена люди очень боялись Ахына, и Ахын почитался ими как божество грозное, страшное. Ахыну поклонялись как божеству".[10]) („Хы" по адыгейски = море).

Таким образом, отнюдь не будет натяжкой, если, учитывая только что приведенное предание, носящее в себе отголоски древнейшего прошлого, мы заключим, что греческое „Ἄξεινος" — „Негостеприимный" является производным от адыгейского „Ахын", приспособленным к греческому содержанию, как это неоднократно наблюдаем у древних.

Можно привести и иные рассуждения, доказывающие, что адыгейцы являются потомками мэотов, т. е. древнейших, из известных, обитателей восточного берега Черного и Азовского морей. Но за неимением места ограничимся пока тем, что сказано.

При этом не суть важно, были ли мэоты и савроматы одним и тем же племенем или же они принадлежали двум различным племенам. Важно то, что древнейшее название Азовского моря, Мэотида, является местного скифо-кавказского происхождения и что и сейчас на Кавказе живут потомки тех, кто дал морю это наименование. Важно и то, что мэоты и савроматы, как равно и соседствующие с ними на юге зихи (джики = джикеты), апсилы (апсуа) и др. абхазо-абазинские племена, известные на Кавказе с не менее давних времен, — принадлежали к одному и тому же культурно-бытовому и в значительной степени политическому (вспомним, хотя бы, единство действий всех скифских племен во время нашествия Дария) комплексу, хотя и говорили на различных языках.

Таким образом, один из этнических элементов древней Скифии установлен. Им были, согласно тепрешней терминологии, северо-западные кавказские яфетиды, принадлежащие к абхазо-адыгейской языковой группе. Эта группа сохранилась на Кавказе без заметных изменений вплоть до второй половины прошлого столетия, когда варварским актом царского правительства значительная часть ее должна была покинуть тысячелетиями занимаемую ею территорию. Такая сохранность в течении столь долгого времени об'ясняется тем, что потомки древних мэотов жили в стороне от больших дорог переселения народов и в случае опасности имели возможность скрываться в лесах предгорной и нагорной полосы или же в обширных плавнях Азовского моря.

Адыгейцы продвигались временами и далее на север, но, все же, основная масса их занимала постоянно те места по побережья Черного и Азовского морей, на которых застала их историческая эпоха. Скифские пережитки сохранены ими во многих случаях и до сих пор. В этом мы убедимся в дальнейшем, устанавливая связь сегоднешних автохтонов Северного Кавказа с населением скифского союза народов и племен.

* * *

Перейдем ныне к установлению иных этнических элементов древней Скифии. Согласно господствующего в науке взгляда (не считая, конечно,

[8]) К. Ган — „Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе"; часть I. 1884. Тифлис.

[9]) Позже — туски.

[10]) „Кабардинский фольклор" изд. Academia, Москва—Ленинград, 1936.

советской теории о стадиальности развития человечества, преследующей чисто политические цели: русификацию внутри СССР, а во вне распространение интернациональных идей коммунизма), скифы были иранского происхождения. Потомками скифов-иранцев, известных также и под иными собирательными названиями сарматов и аланов, считаются сегодняшние осетины. Наиболее обстоятельно выявили это В. Миллер и М. Ростовцев.

Однако, многие ученые считают, что, наряду с иранским, Скифия заселялась и тюркскими элементами. Это мнение имеет под собой все основания. Более того, и иранцы Скифии были в значительной степени тюркизированы.

Геродот, говоря о религиозных воззрениях скифов, пишет, что они почитали Естию, Зевса, Землю, Аполлона, Небесную Афродиту, Иракла и Арея, а царские скифы еще и Посейдона. Естия, продолжает он далее, называлась по-скифски Тавити, Зевс—Папай, Земля—Апи, Аполлон—Гитосир, Афродита Небесная—Аргимпаса, Посейдон—Өагимасад. Алтари и храмы строили скифы только в честь Арея, бога войны.

Все эти божества не были, конечно, вполне тождественны божествам греческого пантеона, как это думал Геродот. Но они, несомненно, имели многие сходные черты с последними. Как и греческие божества, они были продуктом арийского мировоззрения и влияния религиозных культов Передней Азии. Это именно сходство и позволило Геродоту назвать их греческими именами. Отголоски скифского культа мы можем найти в домусульманских религиозных верованиях Северного Кавказа, остатки которых наиболее полно сохранились у осетин и абхазцев и совсем недавно в равной мере сильны были у ингушей и адыгейцев (у последних в более чистом виде, с меньшей примесью влияний древних культов Передней Азии). Мы не будем далеки от истины, если скажем, что осетинское „tavun" („смолить (на огне)", употребляемое и в значении „греться (у огня)", находится в преемственной связи с геродотовской Тавити—Естией (у латинян Веста)—богиней, которая у эллинов считалась хранительницей огня. С неменьшим основанием геродотовскую „Аргимпаса" (Афродита Небесная) можно отождествить с осетинской „Arvin-uosä", что в точном переводе означает „небесная женщина"—имя, которое с успехом могла носить у иранцев-скифов богиня неба. Остальные имена скифских богов, несомненно также искаженные, мы затрудняемся анализировать, за исключением имени Папай, которое принадлежало богу-отцу скифского пантеона. Отождествляя Папая с Зевсом, Геродот пишет, что это имя дано „по моему мнению совершенно правильно" („папай" = „отец").

Все это приводится нами с целью отметить те моменты, которые связывают религиозные верования скифов с древними культами западных народов как Европы, так и Азии. Но имеются моменты, в коих можно видеть непосредственные проявления верований монголо-тюрков. Такие проявления мы видим, например, в присутствии среди скифов таинственных женоподобных мужчин, называемых „энареями". Геродот связывает это явление с болезнью, которой наказало скифов божество за то, что предки их, во время похода в Малую Азию, ограбили храм Небесной Афродиты. У Гиппократа же по этому поводу говорится следующее: „Сверх того между скифами встречается множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по женски; называются такие мужчины „энареями". Причину такого явления туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя". Немного ниже Гиппократ добавляет, что „энареи" „надевают женское платье... усваивают женские привычки и вместе с женщинами занимаются их работами".[11])

Явления это едва ли об'яснимо тем, чем хочет об'яснить его скептически настроенный Гиппократ: верховой ездой и холодным климатом, которые-де вызывали у скифов половое бессилие. „Энареи" — это ничто иное, как т. н. „превращенные" шаманы. С явлением этим мы сплошь и рядом встречаемся у народов Сибири, в том числе и у тюрко-монголов, исповедывающих шаманизм. Вот что пишет о „превращенных" шаманах Л. Штернберг, известный исследователь сибирских народов: „В том и другом случае (т. е. в случае превращения шамана в „женоподобного" и шаманки в „мужеподобную"—Б. Б.) превращенный принимает одежду другого пола, все его занятия и привычки, даже произношение, и не редко вступает в формальный брак с лицом своего же пола, хотя в половом отношении, как в этом мог убедиться В. Г. Богораз, эти люди совершенно нормальны".[12])

У тюрков-якутов, продолжает далее Штернберг, которым травестизм шаманов в данное время уже неизвестен, „шаман даже обычно (не только во время камлания) носит девичью куртку, сделанную из шкуры жеребенка, на шаманском халате имеет два железных круга, изображающих женские груди, носит волосы по женски, с пробором посредине, и заплетает их в косы, распускаемые во время камлания".

Таким образом, и здесь мы имеем яркие пережитки „превращения".

У В. Богораза, говорит Штернберг, описывается случай травестизма, когда шаман перед превращением „заболел особой болезнью, во время которой он без просыпу спал дни и ночи, и освободился от этого только тогда, когда во сне к нему явился дух, потребовавший от него перемены пола, и это он вынужден был исполнить, хотя был женат и имел несколько детей".

Нечто подобное мы имеем и в описании Гиппократа. И у него „энареи" перед „переменой пола" — „впадают в дремоту и засы-

---

[11]) Латышев — „Известия др. пис..."

[12]) Л. Я. Штернберг — „Первобытная религия в свете этнографии"; Ленинград, 1936.

пают; затем пробуждаются одни здоровыми, другие — нет".

Таким образом, в „энареях" мы не можем не видеть теперешних шаманов, тем более, что и они почитались у скифов пользующимися благодатью божества и могли предсказывать будущее.

Тюрко-монгольским был и погребальный ритуал скифов, подробно описанный Геродотом. Несколько сот лет спустя он почти в точности демонстрируем был при погребении Атиллы, повелителя гуннов, расовое происхождение которых не вызывает сомнений.

Наконец, тюрко-монгольским был у скифов и способ жертвоприношения. Жертвенное животное не резалось, а удавливалось. Затем, особым предпочтением при жертвоприношении пользовалась лошадь.

Характерно, что в древнейших погребениях Скифии костяки лошадей не обнаружены, хотя в них и имеются кости других домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота; между прочим, свиней скифы, по свидетельству Геродота, не разводили и не приносили их в жертву). Из этого можно сделать вывод, что первоначальное население Скифии, вероятно арийское по своему происхождению, познало лошадь (в качестве домашнего животного) от новых пришельцев, которыми скорее всего могли быть тюрки.

Об этом говорит и чисто тюркский (тюрко-монгольский) обычай холостить лошадей, распространенный у скифов. У Страбона по этому поводу сказано: „У всех скифских и сарматских племен есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными; ибо лошади у них, хотя и не велики, но очень горячи и неукротимы."[13])

Лошадь в Переднюю Азию пришла вместе с арийцами-завоевателями. Но обычай холостить лошадей не был распространен в то время среди арийцев. Ни на одном из древних барельефов, сохранившихся до наших дней (ассиро-вавилонских, иранских и др.), нельзя увидеть кастрированных лошадей. Обычай этот не пользуется и до сих пор распространением в Передней Азии, включая и Южный Кавказ и даже некоторые тюркские области Туркестана, находившиеся раньше в иранских руках (например, у туркмен или в Бухаре). Слово „мерин"— монгольского происхождения; слово „валах" у западных славян и германцев также говорит о том, что обычай холостить лошадей заимствован с востока, от валахов (волохов) — народа, возникшего на западных окраинах Скифии и имеющего в себе значительную примесь скифской крови. Наконец, на Северном Кавказе широко распространенное слово „аласа — алаша" (к этому слову мы еще вернемся) является также тюркского происхождения. Таким образом, начало обычая кастрировать лошадей надо искать в степях Монголии и Восточного Туркестана, среди тюрко-монгольских племен, где, по мнению многих,[14]) лошадь впервые была приручена для верховой езды.

Повсеместное распространение этого обычая в Скифии можно об'яснить только тем, что там находилось мощное тюркское ядро, которое привило иным племенам свои формы ведения хозяйства.

„Лошади здесь (в Скифии) мелки, а овцы — крупны" — отмечает Страбон. Ведь, и это типичная картина кочевого стада, хотя бы, у теперешних киргизов.

Да и вообще весь кочевой быт скифов точно повторяется в кочевом быте тюрко-монгольской Центральной Азии.

„Кибитки номадов—пишет Страбон—сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами — зимою в болотах около Мэотиды, а летом — на равнинах".[15])

Еще более рельефно все это описано у Гиппократа: „Так называемая „скифская пустыня" представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода (Страбон говорит, что, наряду с комолой породой, скифы имели и рогатых волов, у которых рога отпиливались—Б.Б.). В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность."

У теперешних кочевников Средней Азии и Восточной Европы повозки уже вышли из употребления. В. В. Бартольд об'ясняет это экономическим упадком среди кочевников после XV века.[16]) Но повозки у кочевников видели еще автор Юань-чао-би-ши, Рашид-ед-дин, Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло. О четырехколесных арбах вспоминал Ибн-Баттута. Бартольд о предназначению арб у тюрко-монгольских кочевников пишет следующее: „В повозках передвигались женщины и дети с домашним скарбом. Только жилые (бедные)

---

[13]) Латышев— „Изв. др. пис."

[14]) Например, в каждом учебнике зоотехники.

[15]) Латышев—„Изв. др. писателей." И теперь ногайцы, туркмены и калмыки на Северном Кавказе зимой держат свой скот в камышах Кумы и Маныча.

[16]) В. В. Бартольд—„О колесном и верховом движении в Средней Азии"; Записки института востоковедения Академии наук СССР; кн. VI; 1937.

юрты перевозились на вьючных животных. Большие юрты ставились на повозки и не разбирались; иногда для перевозки служил один бык, иногда три, четыре и больше".

Как видим, все происходило так, как и у древних скифов.

Наконец, скажем еще об обычае доить кобылиц и пить кобылье молоко, распространенном у скифов. Обычай этот является характерным для тюрко-монгольских кочевников. В Скифии, по словам Страбона, кобылье молоко пили скифы и сарматы. О „дивных доителях кобылиц, млекоедах и авиях, справедливейших людях" знал уже и Гомер. Но зато значительно позже, в IV столетии по Р. Х., Аммиан Марцеллин, описывая алан и их быт, до мельчайших подробностей напоминающий кочевой быт скифов и тюрко-монголов, не считает нужных отметить, что они употребляют кобылье молоко. Он просто говорит, что аланы „питаются мясом и больше молоком". Если бы это молоко было молоком кобыльим, Аммиан Марцеллин нашел бы необходимым отметить этот, как ни как, необычный факт, как перед тем отмечали его другие повествователи о Скифии, тем более, что описывает Аммиана Марцеллин достаточно подробно.

Несоответствие в данном случае можно об'яснить тем, что известное время в Северном Причерноморье преобладали „доители кобылиц"—тюрки, которые, возможно, и привили этот обычай некоторым сожительствующим с ними иранским племенам. Но уже аланы, несомненные иранцы, приобретшие преобладающее значение в Причерноморье в начале христианской эры, кобыльего молока не пили, хотя, как говорит Аммиан Марцеллин, также были конниками и вели кочевой образ жизни. Вероятно, они или забыли этот обычай или же он вообще не был им знаком.

Таким образом, учтя все эти факты мы с достаточно спокойной совестью можем сделать вывод, что в составе скифов, наряду с иранскими племенами и северокавкасскими яфетидами, были и тюркские племена. Возможно, что это сожительство имело место и в предшествующую эпоху, перед приходом всех этих племен к берегам Черного моря, вероятнее всего где-то в степях Центральной Азии. Кочевой быт арио-иранцев Передней Азии, также в течении тысячелетий соприкасавшихся с кочевниками туранцами, не был проникнут в такой степени туранскими элементами, как это мы видим у арио-иранцев Скифии. Это можно об'яснить только тем, что в первом случае имело место соседство, а во втором—сожительство, тесное соприкосновение в повседневной, так сказать, жизни.

Где же нужно искать остатки тюркских племен Скифии, если мы знаем, что остатками иранских являются осетины? Нам кажется, также на Северном Кавказе. Тюркские племена на Северном Кавказе, за исключением ногайцев и туркмен, время прихода которых можно установить точно, являются в такой же степени изначальными, как и все другие племена. Время их появления в пределах древней причерноморской Скифии теряется в глубине веков. Все эти тюркские племена, появлявшиеся разновременно на исторической арене Причерноморья и Северного Кавказа под именем хозар-ли во II столетии христианской эры, болгар-ли, торков и т. д., принадлежали несомненно тому комплексу племен и народов, который древними определялся как Скифия.

В то время, как древние греки столкнулись с ним, в нем вероятно преобладающую роль играло тюркское начало— „дивные доители кобылиц", от которых арио-иранские аборигены восприняли испытанные формы туранского кочевого быта. Затем господствующая роль перешла к иранцам, которыми были вероятно сарматы[17]), а несомненно аланы, уступившие через некоторое время первенство опять тюркам в лице хазар. Сильнейшие в известный период племена возглавляли посменно причерноморскую семью народов. Семья эта жила мирно и без особых потрясений до тех пор, пока со стороны не появлялся какой либо новый пришелец, более сильный, проходивший по стране огнем и мечем. После нашествия происходила обыкновенно перестановка сил, в результате которой гегемония переходила к менее пострадавшей группе. Так, после гуннов, нанесших особенно сильный ущерб аланам, стали постепенно возвеличиваться хазары, полуоседлое племя, принадлежащее к тому же комплексу скифских племен.

Но несмотря на все потрясения, которые пришлось пережить населению Северного Причерноморья в течении всей древней кочевой эпохи, оно неизменно содержало в себе три основных этнических элемента: иранцев, тюрков и северокавкасских яфетидов. Все эти элементы сохранились на Северном Кавказе до сих пор. О нитях, связывающих их с древней Скифией, скажем более подробно в следующий раз.

---

[17]) Древние авторы неизменно отличают сарматов от савроматов.

ШАМИЛЬ

(ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ)

Большая комната-сакля. Шамиль ходит взад и вперед большими шагами. Абдул-Азиз, Кибид-Магома, Уллубий сидят.

Шамиль: Не то вы говорите, старики,
Не то!

Уллубий (Встает): Упрямство твоего я не пойму,
Народ открыто высказал желанье:
Тебя имамом видеть хочет он,
Чтоб ты владыкой был и полководцем.
Спроси вот у Кибид-Магомы,
Я правду говорю, иль нет?

Кибид-Магома: Да, так:
Народ желает, чтоб имамом был
Шамиль, а не Гамзат.

Шамиль: Не верю я... не верю, что народ
Сам голову свою кладет на плаху.
Изменники отчизны только могут
Придумать столь коварное безумье,
Чтоб два имама были в Дагестане.
Войну междуусобную начать
И надвое народ наш расколоть,
В тот час, когда ему, как никогда,
Единым надо быть и сильным.
Ведь это тоже самое, что пригнуть.
В Кара-Койсу с высокого обрыва.

Уллубий: Поверь Шамиль, что все, без исключенья,
Пойдут туда, куда ты путь укажешь.

Шамиль: Посеять смуту—ничего нет легче,
И много раз трудней народ собрать,
Чтоб послужить всем вместе доброй цели.
Понять не может этого Уллубий.
(Обращается к Абдул-Азизу и Кибид-Магоме).
Но, неужель, вам тоже непонятно:
Пред родиной страшней нет злодеянья,
Чем расколоть народ перед лицом
Врага! Ему другого и не надо.
Нет! Нет! Имамом стать я не согласен,
Как раньше я служил Кази-Мулле,
Так я теперь служить Гамзату буду,
Разить врагов народа моего.
(Вбегает Ташау Хаджи).

Ташау Хаджи: Я весть недобрую принес. Сейчас
Убит в мечети наш имам Гамзат.

Шамиль: Кто, кто виновники злодеянья?

Ташау Хаджи: Хаджи-Мурад.

Шамиль: Какое горе снова
Постигло нашу родину!
Лишились мы двух воинов отважных;
И ты, Хаджи-Мурат, предал отчизну
За кровь презренных ханов...

Глашатай (Кричит за сценой):
На-а-род! Убит имам Гамзат,
Молитесь, да простит ему Аллах
Его грехи... Народ... убит имам Гамзат!

Шамиль: (Поднимает руки).
Аллах, прости ему его грехи.
(Все поднимают руки, шепчут).

Ташау Хаджи: Еще не все я в горести поведал:
Гяуры заняли Хунзах, идут
Сюда.

Шамиль: Так что же ты молчишь?

Загидат (Приоткрывает дверь):
Сюда идет толпа, закрыть ворота?

---

*) Печатываемый нами отрывок из пьесы „Шамиль" помещен был в „Даг. правде" от 18-I-1938 года. Авторами пьесы являются Ю. Гереев и В. Тарсис — последний видимо помогал автору лишь при переводе на русский язык. Как видим, последовательность событий в пьесе не сохраняется. Даже в том отрывке, который печатается, в одном акте изображены события, которые в действительности происходили разновременно и с промежутками в несколько лет (избрание в имамы—1834 г., осада Ахульго, когда Имам Шамиль должен был расстаться с первенцом Джемалутдином — 1839 г. и т. д.). Таким образом, пьеса не может быть верным отражением эпохи, которая в ней описывается. Иное дело с изображением личности Имама Шамиля. Здесь историчность сохранена, так сказать, в полной мере, если исходить из имеющегося в нашем распоряжении отрывка. Имам Шамиль изображен здесь таким, каким знает его наша история и каким изображает его народное предание. Высокое чувство ответственности и долга перед Родиной и Народом—это то, чем всю жизнь руководствовался великий Имам. Этот момент отражен в отрывке с надлежащей полнотой.

Казенная царская историография изображала Имама Шамиля в виде деспота и фанатика, который жаждал лишь власти. Эта точка зрения воспринята была затем советской историографией в лице школы Покровского, которая внесла в нее и сцецифическо-большевистские пропагандные нюансы. Покровский, специально интересовавшийся эпохой мюридизма, доказывал, что Имам, использовав фанатизм „бедноты" для усиления своей власти, начал потом опираться на „кулацкие и бекские элементы", с помощью их „закабалив бедноту". Интереснее всего то, что в своих утверждениях Покровский исходил исключительно из того материала, который содержится в писаниях представителей царской армии и администрации, бескритично цитируя его и основывая на нем все свои выводы.

Концепция Покровского господствовала до самого недавнего времени в советской литературе — как исторической, так и изящной. Воспринял ее и П. Павленко, автор антиниппонского романа „На востоке", который, вот уже несколько лет, анонсирует выход своей книги о Шамиле и его эпохе, но пока ограничился тем, что напечатал в советских газетах („Даг. пр.") несколько отрывков из нее, выдержанных полностью в духе великодержавно-русских концепций.

Однако, с падением школы Покровского изменился и взгляд на Имама Шамиля. Выразителем этого изменения является „краткий учебник истории", изданный в прошлом году для советских начальных школ с одобрения Сталина. В учебнике этом Имам Шамиль признается национальным героем Северного Кавказа, а жизнь его и деяния подвергаются довольно об'ективной характеристике.

Поэтому можно считать, что появление в советской печати воспроизводимого нами отрывка находится в связи с „новыми веяниями" в советской историографии, вызванными отказом от правоверно-марксистовского взгляда Покровского и его школы на личность Имама Шамиля. Пока, как видим, исходя из возможности появления подобных отрывков в советской печати, Северный Кавказ находится от этого в выигрыше. Что будет дальше — покажет будущее.

Редакция.

Кибид-Магома: Измены нет ли здесь?
Быть может хотят нас выдать русским?
Абдул-Азиз: Пойду узнаю (выходит, за ним Уллубий. Молчание. Через минуту возвращается. Входят старики).
Старики: Салям алейкум. Мир дому вашему.
Шамиль: И вам, пришедшим, мир!
Сагид Игалинский: Тебе, угодному
Аллаху—Шамилю, сказать пришли мы:
Предательски убит Гамзат
Рукой Хаджи Мурата нечестивой...
Враг у ворот. Все опечалены,
Подобно овцам, голову понурив,
Чуть бродят по горам, без пастуха.
Народ бессилен отразить врагов,
Коль мудрый муж его не возглавляет:
Шамиль, тебя избрали мы имамом!
(Старики опускаются на колени. За сценой крики: „ля Иляха иль Алла").
Шамиль: Вставайте, старики!
Сагид: Народ тебя избрал имамом.
Шамиль: Сагид, как благодарен я народу,
Почтившему меня своим избранием.
Но должен быть вождем мудрейший из
Мудрейших, что не знает равных
Ни в святости, ни в чести, ни в отваге.
Не ты-ль Сагид из Игали, народом
Всех больше уважаем?
Сагид: Ты великий
Почет мне оказал. Но я уж стар
Годами. Где мне силу взять такую,
Чтоб повести народ в кровавый бой.
Избрав тебя, Шамиль, мы не ошиблись,
Испытан ты в вере и в боях.
Старики: Народ избрал тебя.
Шамиль: Я молод, недостоин чести высшей
Великий наш народ возглавить.
Сагид: Что же,
На нас, обремененных ношей лет,
Ты хочешь возложить труд непосильный,
Иль может быть боишься? Ну еще
Просите старики, чтобы Шамиль
Свой страх отбросил.
Лабазан. (Вбегает, кричит).
Тысячи гяуров,
К садам подходят!
Шамиль: Слушайте меня.
Исполню волю я народа моего.
Пусть все кварталы поспешат
На укрепленья! Эй, Лабазан скорей
Коня седлай. (Старики и Лабазан уходят).
Шамиль (один): В какой несчастный день я начинаю
Вести народ в путь дальний и тяжелый.
За морем крови, за горами трупов
Лежит конец пути, — святая цель —
Свобода!
Что же делать? Враг у ворот.
Их тысячи, нас только сотни.
Умолкнет газават и налетят
Враги на наши мирные аулы.
Могилы павших воинов святых
Подвергнут поруганью, обесчестят
Вдов, дочерей, и кровь прольют невинных.
И я один пред родиной отвечу
За все! Так может ближний путь избрать:
Не воевать, оставить мысль о славе,
Победе и мечту о жизни вольной.
В молитве провести остаток дней.
Нет! Нет! Так значит в бой, на смерть!
Как победить? Для этого нужны
Орудия, и порох, и восстанье
Всех, всех, кому свобода дорога!
Сегодня должен избежать я боя!
Сегодня нужен мир любой ценой!
Эй, Лабазан!
Лабазан (вбегает): Имам великий, слушаю тебя.
Шамиль: Зови ко мне скорей Абдул-Азиза.
Лабазан: Он здесь, сейчас его я позову (выходит).
Абдул-Азиз (входит): Я слушаю, тебя, Имамуль-азам.
Шамиль: Отправься с стариками к генералу,
Высоко поднимите белый флаг.
Ему скажите, что Шамиль не воин,
А мирный проповедник слов Пророка.
И, что желает мира он с царем.
Абдул-Азиз: Мы волю выполним твою. (Уходит).
Шамиль: Пророк—несчастным пленникам свободу
Всегда пред битвой щедро даровал.
Эй, Лабазан, армянку пленную
Пошли ко мне (Входит Шуанат).
Свободна ты. Не поминай нас злом,
Тебя проводит к русским Лабазан.
Шуанат (падает на колени):
Имам великий! Не гони меня.
Тебе была я преданной рабой.
Шамиль: Да, ты служила хорошо. Прилежно.
Отец твой выкуп раньше предлагал,
Но я тебя тогда не отпустил.
Сейчас свободна ты. Иди, родителей
Обрадуй.
Шуанат: Нет! Назад мне путь закрыт,
Родных я больше радовать не буду,
Я мусульманство приняла. Теперь
Абдул-Азиз—отец мне. Здесь моя
Отчизна. Ты один на свете,
Мне близкий и родной.
Шамиль: Ты... Мусульманка?
Шуанат: Да. Да. Пусть на меня позор падет,
Прости. Скрывать я больше не могу.
Люблю тебя... прости, Имам великий.
Шамиль: Ты поздно тайну мне, дитя, раскрыла:
Сегодня я умру..
Шуанат: Тогда и я
Умру с тобою вместе.
Шамиль: Нет, девушка,
Ты жить должна. Дай руку мне свою.
По нашему закону в этот миг
Моей женой перед людьми и Богом
Навек ты станешь!
Лабазан (входит): Конь оседлан.
Шамиль: Прощай дитя, будь счастлива! (К Лабазану) Идем.
Шуанат: Какое счастье! Он меня назвал
Женой своей. Так значит, любит.
Нет существа во всем огромном мире
Счастливее меня. (Поет),
Прячут в саклях жены

Зелье для любви,
А его нашла я
У себя в крови.
Наговоры девам
Пишут колдуны.
Я теперь красивей
Молодой луны.

Загидат (вбегает): Смотрите, женщины, куда забралась
Ленивая раба.

Шуанат: Я не раба:
Меня имам освободил сегодня.

Загидат: Так уходи скорей отсюда, тварь,
Чтоб духу твоего здесь не было.

Шуанат: Ты не кричи. Я не уйду.
Имам меня своей женой назвал.

Загидат: Имам тебя назвал женой?

Шуанат: Да... Имам назвал, меня женой.

Загидат: Проклятая змея! Зачем я раньше
Тебя в гарем не продала. (Выходят). (Вбегают Джемалутдин и Кази-Магомед).

Джемалутдин: Он ушел куда-то,
И Лабазана нет. Тогда запомни:
Я говорю: сначала штык отбей,
И шашкою потом руби врага,
Иначе он тебя заколет.

Кази-Магомед: Нет!
Рубить с размаха надо шашкой.

Джемалутдин: Ты мал и глуп.
Сам Лабазан меня так научил.

Кази-Магомед: Ну ладно: подожди, его мы спросим.
Уж скоро бой. Ты слышал всех зовут
На укрепленья. Нам мюридами
Давно пора бы стать, сесть на коней
И воевать.

Джемалутдин: Но не велит отец.
Его нельзя не слушать — он имам.

Кази-Магомед: Он просто нас жалеет. Мы большие.

Джемалутдин: Ну ты еще не вырос, даже сабля
Длинней тебя.

Кази-Магомед: Но я убью гяуров
Не меньше, чем другой, посмотришь сам.
(Входит Шамиль, за ним Абдул-Азиз, Ташау Хаджи, Лабазан).

Шамиль: Он так сказал! Собака! Очень рано
Над нами праздновать победу.

Джемалутдин: Отец, скорее разреши наш спор.

Шамиль: Мне некогда, уйдите, занят я.
Я позову вас позже. Ну, идите.
(Дети уходят). (К Ташау Хаджи):
Так хочет генерал, чтобы Ташау
Хаджи и я гяурам сдались в плен.

Абдул-Азиз: Он знает, что нас горсть, и мы не сможем
Ему сопротивленье оказать.

Шамиль: Что ж вы ему ответили на это?

Дауд-Хаджи: Ответили, что в плен им не сдадимся,
И дешево мы жизнь не отдадим.
Он долго думал и немного изменил
Условия.

Шамиль: Ну, говори быстрее...
(Абдул-Азиз и Ташау молчат)
Вы почему молчите?

Абдул-Азиз: Генерал ответил: если вы хотите мира,
Пусть поклянутся оба на Коране,
Что никогда не будут воевать
С царем. И клятву чтоб скрепить,
Он требует, чтоб сына ты в залог
Отдал ему. Лишь два часа ответа
Он будет ждать, потом начнет атаку.

Шамиль: (после паузы)
Отдать им сына. Жизнь свою спасти
Ценою слез невинного младенца,
А может быть и гибели его?
Когда народ, весь, как один, восстанет,
Враги мне отомстят его убийством.
Но, как снести отца проклятый жребий,
Отдавшего врагу в закланье сына?

Ташау Хаджи: Имам великий,
Мы все готовы к смерти. Здесь сейчас
Находятся посланцы генерала,
Так прикажи убить их и начнем
Мы раньше наш последний газават,
Чем двинутся на нас они в атаку.
(Шамиль молчит).

Ташау Хаджи: Имам, кругом солдаты, нет пути
Для отступленья.

Шамиль: Путь один остался!
Прорваться сквозь кольцо, иль умереть!

Ташау Хаджи: Искал я всюду место для прорыва.
Напрасный труд - на всех дорогах пушки,
При свете дня они нас перебьют.

Шамиль: Мне гибель не страшна. Когда бы я
Спасти отчизну мог ценою жизни,
Я миг один не отдал бы сомненью.
Но родину я этим не спасу.
Послов зовите!
(Ташау Хаджи вводит майора Лазарева и Арслан-Хана).

Арслан Хан: Салям алейкум!

Ташау Хаджи: Ва алейкум салям. Изменник ты
И твой салам я принял, чтобы слово
Святое не упало на земь.

Арслан-Хан: Молчи, ишак. Тебя еще заставлю
Таскать я воду для рабынь моих.
(Ташау Хаджи и Арслан-Хан обнажают кинжалы).

Шамиль: Ташау Хаджи! Ты при имаме
Осмелился кинжал свой обнажить?
(Ташау Хаджи вкладывает кинжал в ножны).

Майор Лазарев: Оружье спрячьте Арслан-Хан. Спросите:
Шамиль согласен или нет?

Шамиль: Согласен я.
Но пусть уйдет отсюда этот русский,
При нем не буду клясться на Коране.

Арслан-Хан: Майор, при вас они не могут клясться.
Придется вам уйти. Я прослежу,
Чтоб не было обмана никакого.
(Майор Лазарев уходит).

Шамиль: (Абдул-Азиз подносит Коран)
Мы, бедные рабы Аллаха, в том
Клянемся, что с царем во век не будем
Мы воевать, когда он вере нашей
Святой не причинит вреда. И пусть
Постигнет кара каждого, кто клятву
Дерзнет нарушить. Что еще прикажешь?

Арслан-Хан: Теперь отдай нам сына.

Шамиль: Здесь Лабазан? Сюда Джемалутдина
Ты приведи. А вы уйдите все.
(Уходят).

Джемалутдин: Ты звал
меня, отец?
Шамиль: Иди ко мне,
поговорить с тобой
Мне надо. (Сажает его на
колени).
Загидат: (плачущая врывается
в комнату, бросается к сыну)
Нет! Не отдам я сына.
Позор тебе, Шамиль...
Шамиль: (отталкивая Загидат)
Эй, Лабазан, отсюда уведи
Скорее эту женщину!
Лабазан: Сейчас!
Джемалутдин: (вытирает слезы).
Мне жалко мать, пусти меня.
Ее хочу утешить.
Загидат: Сына мне отдай (Лабазан ее уводит).
Шамиль: Тебе не стыдно
плакать. Ты мужчина,
И плачешь словно малое дитя.
Джемалутдин: Мужчинам
разве мать жалеть нельзя?
Шамиль: Но плакать недостойное
занятье.
Джемалутдин: Не плачу
больше я.
Шамиль: И никогда,
Ты больше никогда не должен
плакать.
Джемалутдин: Не буду.
Шамиль: Если даже
Тебя я в плен отдам.
Джемалутдин: Не буду, нет!
Шамиль: Любимое дитя мое
(обнимает сына).
Джемалутдин: Отец, теперь
ты плачешь сам. Не стыдно
Такому взрослому мужчине
плакать?
Шамиль: Мой сын, запомни
на всегда. Пусть враг
В глазах твоих слезинки не
увидит,
Пока ты снова не вернешься
к нам.
Джемалутдин: Отец, клянусь,
что я не буду плакать.
А если станет очень уж
тоскливо,
Тебя и мать захочется увидеть,
Я поздно потихоньку, темной
ночью,
Когда все будут крепко спать
вокруг,
Немножечко поплачу очень тихо.
(Шамиль несет сына к двери).

В Чехословакии о Кавказе

Чехословацкие газеты и журналы довольно часто посвящают свои страницы Кавказу. Но в то время, как некоторые из них проникнуты к Кавказу симпатиями, другие, численно преобладающие, вторят советским газетам или же повторяют писания русской белогвардейской печати. Следует заметить, что, за малым исключением, авторы слабо ориентируются в кавказской проблеме и часто допускают погрешности в области элементарных сведений. О существовании при этом какой нибудь определенной концепции говорить не приходится, и поэтому нередко в одной и той же газете можно встретить статьи с противоречивыми тенденциями. Тем не менее, под влиянием об'ективных условий, в местной печати происходят изменения в сторону большего понимания положения в СССР, в том числе и кавказской действительности. Ниже на некоторых наиболее характерных статьях, появившихся осенью прошлого года, мы наглядно демонстрируем сказанное.

Итак, например, орган военных кругов ж. „Vojensky Svet“ (№ 9, 1937, Прага) приносит большую неподписанную статью о технике „джигитовки“, снабженную введением, которое именно и привлекло наше внимание, как пример полной дезориентации в затрагиваемом вопросе. В введении этом сказано буквально следующее: „Этот вид казачьего искусства родился на Кавказе у горских народцев не русского происхождения. К ним относим известных чеченцев, дагестанцев, грузин, имеретин, ингушей, кабардинцев, лезгин, ногайцев, мингрельцев и осетин. Менее известны: акбулахи, абхазцы, гимринцы, хевсуры, карабулахи, натухайцы, пшавы и сванеты. Кавкасские уздени (молодцы) были известными джигитами (смелыми наездниками). Свое наездническое искусство они пробовали на русских войсках, которые 100 лет тому назад отчасти пацифицировали Кавказ, отчасти же должны были его завоевывать и завоевывать достаточно дорого. В многочисленных битвах и стычках, когда горцы об'явили русскому царю „Газават“, выявилось наездническое искусство узденов, которые с кличем: «La Illahi il Alla! Muhammed Rassul Alla!» — слепо бросались с кинжалами на своих противников, но, наконец, были все же побеждены одинаково храбрыми русскими... Джигитовка... в большинстве случаев проводится на казачьих седлах“.

Всего этого „информационного“ сумбура читатели такого серьезного журнала, каким является „V. S.“, могли избегнуть, если бы редактор потрудился заглянуть предварительно, хотя бы, в широко распространенный в Чехословакии научный лексикон „Отто“. Это помогло бы ему разобраться по меньшей мере в этнографии Кавказа.

Газета „Lidové Noviny“ (3-X-1937, Брно) поместила статью „Кавказ гора языков“. Автор ее—турист, побывавший на Кавказе. Статья, в общем, дает верное описание чарующей природы наших причерноморских земель с их народонаселением и всем разнообразием и богатством фауны и флоры. Автор не скупится в похвалах всего им виденного. Все ему кажется здесь прекрасным: „прекрасны костюмы из домашних тканей с их чудными натуральными красками, которыми сейчас интересуется высокоразвитая английская текстильная промышленность“; и дети „классически прекрасны с их вьющимися волосами, прямыми носами и античными чертами“; прекрасны и „светлорусые девочки нордического типа“ из эстонской школы... Много внимания посвящает автор кавкасским лесам и ценным породам деревьев, которыми они заполнены. Но больше всего интересует его население. „Всюду, куда не заглянешь, — пишет он — видишь все иные и иные народы: чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы“... Здесь можно встретить и калмыцкого поэта, и „загорелого кудрявого грузина“, и „стройную черкешенку в национальном костюме“, и „высохшего перса в белом халате (?) с пергаментовой кожей, похожего на тысячелетнюю мумию, вставшую из гроба“... Автор советует не удивляться этому этническому многообразию, ибо,

ведь, „мы в Джебелиль-Суни" — в Горах языков"... Не советует удивляться автор и тому, что „на Кавказе, на пространстве только в четыре раза больше нашей республики, живет в мире и дружно более ста (?) народностей", заканчивая свою статью пожеланием, чтобы „культурная" Европа взяла пример в этом отношении с дикого „Кавказа".

Наконец, еще одна статья, которая уже более правильно характеризует положение в СССР. Статья помещена в газете „A—Zet" (7-X-1937, Прага). Автор ее—д-р Э. Сынек; заглавие — „Распадается ли Россия?" Читатели нашего журнала найдут в ней мало нового для себя, но анализ фактов в этой, близко стоящей к правительственным кругам, газете левого направления заслуживает особого внимания.

Статья инспирирована непрекращающимися расстрелами в СССР. Мировое общественное мнение, пишет д-р Сынек, встревожено и ждет об'яснений. Говоря о чехословацкой общественности, д-р Сынек отмечает, что она не может дальше удовлетворяться той сплошной бранью по адресу т. н. „изменников-троцкистов", которая ей преподносится, вместо об'яснения, местной коммунистической печатью. Но дело не в „троцкистах", говорит автор. Дело в национальном составе СССР, в его азиатских народах, „Россия,—пишет д-р Сынек—страна со 170 миллионами населения, является в действительности самым большим государством меньшинств. В ней 70, а возможно, и 90 миллионов граждан, которые не являются русскими. Царь удерживал в повиновении эти народы на Кавказе, в Сибири и в Туркестане тем, что не дал им школы." Но сейчас эти народы получили уже необходимое образование, которое, как известно, пробуждает национальное самосознание. „За те 15 лет, которые татарская и грузинская молодежь ходила в школы, она познала свое прошлое и свое значение" — чего, якобы, раньше не было. Нерусская молодежь, оставаясь — утверждает д-р Сынек — верной идеи коммунизма, чувствует себя национально. Это препятствует государственному единству и вызывает трения, что в результате вызывает „очистительную акцию" среди „буржуазных националистов."

„Во всей Азии - продолжает автор—и в той, которая под властью России, и в той, которая вне последней, пробегает волна национализма среди народов и племен, которые перед этим жили, так сказать, в условиях примитивной отсталости." Советы „весьма часто поступали нетактично и это сегодня им отмщается..." „Троцкисты не играют, таким образом, в известных волнениях в России в настоящее время той роли, которая им у нас приписывается. Татары и басмачи (д-р Сынек считает, видимо, басмачей отдельным народом—А.-Б. К.), как равно сарты и монголы стремятся ныне к независимости."

Сынек говорит, что в скором времени в своих азиатских владениях Россия очутится в положении Англии и должна будет искать путей для того, чтобы „уменьшить напряжение, которое распространяется над всей Азией." В заключении, не желая, видимо, окончательно обесценивать союзное государство, д-р Сынек возлагает на Россию „наибольшую ответственность" за будущее „белого человека" в Азии.

Для нас во всем этом наиболее важно то, что в миф о „братском сожительстве народов СССР" перестают верить даже те, кто еще недавно готов был восторгаться всем, что творилось и творится в царстве Сталина.

А.-Б. К.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

İDAMLAR

Şimalî Kafkasyada umumî ve külliyetli idamlar devam etmektedir. İlk Teşrinin sonunda Çeçeno-İnguşetiyada Kurçalo nahiye icraiye komitesi reisi Munayef Muhittin ve ayni nahiye komünist teşkilatının ikinci kâtibi Madayef Doku kurşuna dizilmişlerdir. Her ikisi de burjua milliyetçiligile ittiham ediliyorlardı („Grozn. Raboçi" 30-X-1937).

Ayni İlk Teşrin ayında Şimalî Osetiyada şu adamlar kurşuna dizilmiştir: S. Tokayef, Digor aulu sakinlerinden 1907 dogumlu, fırkasız; Urtayef Sozriko, fırkasız, Kakadur köyünden, 1899 dogumlu; Kesayef S., Zaka aulundan, 1888 dogumlu, komünist fırkasından ihrac edilmiş; Kallagof Hacı Murad, Cimar aulu sakinlerinden, fırkasız, 1904 dogumlu; Gutsef Nikolay, Dargavslı, 1906 dogumlu, fırkasız; Badtiyef Sostika, Dargavslı, 1907 dogumlu, fırkasız. İttihamnameye göre bunların hepsi: „sabık hukuktan mahrum köy agaları zümresine mensub (bunların ekseriyeti Sovyet rejimi Şimalî Kafkasyaya geldigi esnada 13—14 yaşında idiler), „halk fırkası" denilen kontrrevolusyon — koluçomak — isyançı teşkilat azalerinden, kontrrevolusyon ve bozucu faaliyetten dolayı komünist fırkasından ihraç edilmiş olanlar, Sovyet hükûmetile mücadele yürütmek maksadile Orconikidze nahiyesinin Dargavs köyündeki Yejov namına olan kolhozun kumanda mevkilerini işgal edenler idiler („Sos. Osetiya" 30-X-1937).

Ayni ayda muhtar Çerkes vilayetinde H. Gumaçef ve İ. Liyef kurşuna dizilmişlerdir. Suçları „sovyet halkına kin" ve „silahlı çetelere" kumandadan ibarettir (Orconikidze „Pravda" 15-X-1937).

Son Teşrin ayında Dağıstanda zirat komiseri muavini Mehmed Abakarof kurşuna dizilmiştir. Abakarof „Dağıstan ziraat komiserliği sistemini dagıtıyor idi„ ve bu işde de „şimdi artık ifşa edilmiş olan halk duşmanları, burjua milliyetçi Samurski, Saidof, Mehmedbekof, Tagıyef, Dalgat ve başkalarının direktivlerile hareket etmiş" imiş. („Dag. Pravda" 23-XI-1937)

Ayni Son Teşrin zarfında Şimalî Osetiyada erzak ihzari idaresinde çalışan Dzugayef, Tuayef ve Besayef kurşuna dizilmişlerdir. (Sos. Osetiya" 24 XI-1937).

Ayni ayda Türkmen muhtar mıntakasında aşağıdaki adamlar kurşuna dizilmişlerdir:

Samedof Hanafi, 1901 dogumlu, Çur aulundan; Kultayef Hacı Nazar, 1905 dogumlu, Aygur aulundan; Berdikayef Mutalla, 1901 dogumlu, Kuçerli aulundan; Baybekof Halil 1904 dogumlu, Kiri aulundan; Koneyef Habibullah, 1875 dogumlu, Tambof vilayeti Bastanofa köyünde dogmuş.

Bütün bu kurşuna dizilenlerin suçu „iktisad cephesinde ziyançılık" ve „muhtelif milletlere mensub kolhozlular arasında milliyet adavetini tahrik etmeleridir" (Türkmen mıntakasında bir kaç rus koihozu vardır). Bundan başka mahkûmların hepsi „gizli çalışan kontrrevolusyon milliyetçi fırkaya" dahil „olup bütün işlerini" Samedofun rehberliği ile gizli müşaverelerde karara alıyorlardı" („Orcon. Pravda" 21-XI-1937).

Nihayet İlk kânun ayında Karaçayda: Çagarof H., Gerügof T., Raboyef Ş., Brolakof U., Gerügof A. ve Karayef Candra kurşuna dizilmişlerdir. Kurşuna dizilenlerin hepsi „burjua milliyetçi ziyançı teşkilatın aktiv azaleri" imişler. („Orc Pravda" 3-XII-1937).

Bundan bir kaç gün sonra Kurciyef Nanaş, Borlakof Mehmed, Hapayef Nanı ve Begeulof Yahya kurşuna dizilmişlerdir. Kurşuna dizilenler „Karaçay halkının amansız düşmanı olan burjua milliyetçi Kurciyef Kurman ve Appayefin aktiv taraftarları" olmakla ittiham edilmişlerdir. Kurciyef Kurman bu yakınlara kadar vilayet icraiye komitesi reisi, Appaef ise vilayet komünist teşkilatı kâtibi idiler.

Bundan başka Borlakof ve Hapayef „1930 de Karaçayda vuku bulan silahlı çete hareketinde aktiv olarak iştirak etmekle ittiham olunuyor. („Orcon. Pravda" 9-XII-1937).

Bu suretle bir buçuk aydan dahi az bir zaman zarfında Şimalî Kafkasyada 29 adam öldürmüşlerdir. Fakat bu liste tam değildir, çünkü kararların çogunu sovyet gazeteleri neşretmiyorlar ve sonra, biz kendimiz de Şimalî Kafkasyada çıkan bolşevik gazetelerinin hepsini okuyamadık.

YiNE „BURJUA MiLLiYETÇiLER" HAKKINDA

Dogujun geçen sayımızdaki makalesini sovyet gazetelerinden aldığımız parçalarla tekmil ediyoruz. Hemen kaydedelim ki, bu, Şimalî Kafkasyadaki sovyet gazetelerini dolduran „ifşa" materyallarının ancak ehemmiyetsiz bir kısmıdır.

Dogujun makalesinde bahsi geçen Mahaç-Kala fırka aktivi toplantısında, bilâhere bizzat kendisinin dahi „zehirli ziyançı ve burjua milliyetçi" olduğu anlaşılan („Dagıstan. Pravda" 3-X-1937) Madatof adında birisi kalkarak şu sözleri söylemiştir:

„Yoldaş Madatof, Dağıstan merkezî icraiye komitesi arşivinde bulunmuş ve Samurskinin alçak düşman çehresini karakterize eden bir çok vesikalar zikretti. 1926 de Samurski, Dağıstan merkezî icraiye komitesinin riyaset divanında bir karar kabul ettirmege muvaffak olmuştur. Bu karara göre Dağıstan neft sanayiini işletmekten acizdir, ona göre neft sanayii ecnebi kapitalına imtiyaza verilmelidir.

Ayni 1926 da halkın düşmanı olan Korkmazof, Dalgat ve Taho-Godi Samurskiyi ifşa eden, babasının büyük bir koyuncu olduğunu, Bakû kapitalistlerinden birinin işlerinde müdürlük yaptığını gösteren ve provokatorluğunu isbat eden bir çok vasikaları yakmışlardır. („Dagıstanskaya Pravda" 4-X-1937).

Bu gibi „ifşalara" hali hazırda her adımda rastlıya biliriz. Bütün bunlar bu gibi vak'aların, eger vuku bulmuşlarsa, zamanında çekist nazarından kaçmış olduğunu göstermez. Lakin o zaman Samurskiler sovyet hükûmetine lâzım idiler ve „likvide" sırası daha yetişmemişti. Şimdi ise onlara ihtiyac kalmamıştır. Şimdi, „Sovyet halkının babası" tarafından son zamanlarda başlıyan muazzem „temizlemeyi" kolaylaştırmak için bütün hakikî ve uydurma „günahlar" „arşivlerden" çıkarılıyor.

Bu mahiyette bir ittiham Karabudakkent nahiyesinin komünist teşkilatı kâtibi Ustarhanof adında birine karşı dahi vaz'olunmuştur. „Dag. Pravda" gazetesi ona „ifşa edilmiş faşist Korkmazofun şağirdi" tamgasını vurduğu mekalesinde diyor, ki:

„Ustarhanof aslı, irtibatı ve bütün faaliyeti itibarile yabancı, antisovyet ve azılı burjua milliyetçi bir adamdır. Ustarhanof, Buymak nahiyesinin Erpeli küyünden büyük bir arabist ve kadı ailesindendir. Onun anası köyde kadınlar içinde kontrrevolusyon dinî faaliyet gösteriyordu. Ustarhanof arabca yüksek tahsil görmüştür.

Vatandaş harbi esnasında Ustarhanof büyük kardeşile birlikte daglarda Türkiye müdaheleçilerinin arasında bulunuyordu. Sovyet hakimiyeti muzaffer olduktan sonra Ustarhanof köye dönerek muallimliğe başlamış; bir müddet sonra, köy mollasının aktif muavini olan anasının yardımile, Erpeli köy sovyetinin reisi olmuştur.

Köy sovyetinin reisi bulunduğu zamanlar koluçomaklarla (orta halli köylülerle) irtibata girmiş ve onlardan hediyeler almıştır. Halkın düşmanı Korkmazofun yardımile Ustarhanof nahiyede rehber mevkiye yükselmiştir. Onun nahiye komünist teşkilatı kâtibliği ve nahiye icraiye komitesi reisliği esnasında Buynakta molla ve klouçomaklar sözön tam mânasile canlanmışlardı. Onun yardımile Buynakta, bu güne kadar faaliyetinde devam eden muazzem bir câmi yaptırılmıştır. Ustarhanof ve Temirbek Temirbekof (son günlere kadar „hayvan ihzarı" idaresinin ölke şubesinde çalışıyordu) şehrin din ülemasile birlikte tantanalı „Kurban Bayramı" tertib etmişlerdir ve bu iş için orkestroyu da moblize eylemişlerdir.

Kömünistlerle, yoksullarla ve sabık kızıl partizanlarla kat'iyen hesablaşmıyan Ustarhanof, Temirbekof ve arkadaşları kendilerini mollalar, arabistler, sabik çar memurları ve başka antisovyet unsurlarla bürümüşlerdir. En maruf mollalar Ustarhanofun daimî müşavirleri idi. Rehber işlere din üleması, knyazlar ve sabik çar memurları tayin olunuyorlardı Umumiyetle her sahada antisovyet unsurlar rehber işlere „çekilmekte" idiler.

„Sabançı" köy ziraat kooperasyonu reisligine Ustarhanofun karısının akrabası olan mülkedar oglu, sabik zâbit Mehmed Hurşilof tayin edilmiştir. „Sabançı„nın Aşağı—Kazanış şubesine eski knyaz Ullubiyef tayin edilmiştir. (Sovyet „ifşaatçıları" „knyaz" rütbelerini keyfi surette veriyorlar—idare), Çerkes köy sovyetinin riyasetine büyük arabistlerden şeyh Abdul Hacı koyulmuştur. Yukarı Karanayda sovyetini koluçomak Yusuf Alibek idare ediyordu.

Bütün bu antisovyet unsurlar, Ustarhanofun ve onun yakın yardımcıları olan trotskist Karagişiyef, Temirbekof ve başkalarının yardımile fırkaya alınmışlardır." („Dag. Pravda" 15-IX-1937; yazının muharrirleri: A. Godnik ve A. Suhorukof).

Bunu aşağıdaki sözlerle tekmil ede biliriz:

„1932 senesinin başında Dağıstanda 40.000 azaya malik 843 Allahsızlar derneği varken bu bandanın faaliyeti neticesinde bugün 963 âzaya malik 45 Allahsızlar derneği kalmıştır. (Bu „banda" isimleri çekilmiyen Allahsızlar çemiyeti reisi Cahangir İsmailof, İbrahim Aliyef ve Mahmudoftan ibarettir-idare). Cengâver Allahsızlar cemiyetinin Dağıstan kaza şuraları din aleyhinde hiç bir iş görmiyor. Allahsızlar cemiyetinin kağat üzerinde mevcud 16 kaza şurasından (40 kazadan 16-nde!) hakikatta hiç biri çalışmıyor, hatta mevcudiyetleri de şüphe altındadır." (Dag. Pravda" 10-X-1937 baş makale).

Buna şunu ilave etmeliyiz, ki 40.000 „allahsız" âdi bolşevik yalanından başka bir şey değildir. Bunu, „allahsızların" bugünkü sayı olan 963 rakamı göstermektedir. „Burjua milliyetçilerin" bütün hiylelerine ragmen „allahsızların" 4 yıl esnasında 40.000 den 963-e inmesi imkânsızdır.

Mahaç-Kala fırka aktivinin içtimaina ait rapordan bir parça daha:

„Son söz olarak yoldaş Barbaşın, daha bir çok burjua milliyetçilerin ifşa edilmeden kalmış olduklarına dair faktlar zikretmiştir. Onlar, meselâ maliye komiserliginde Ömerkadiyefin şahsında, maarif komiserliğinde, iktisad komiserliğinde, ticaret komiserliğinde v. s. müessese ve teşkilatlarda bulunmaktadır.

Asıl yüzlerinin yoklanması lâzım gelen adamlarden yoldaş Haciyef dahi bahsediyor. O, faşist Korkmazofun yakın arkadaşı Atayef Cemalettin hakkında, sabik knyazlardan (bu da „sovyet knyazlarından" olub maarif komiseri Astemirofun muavini idi—idare). Şanovazof hakkında, büyük mülkedar Kılçef hakkında, kontrrevolusyon antisovet işlerle meşgul bulunduğunu mükemmel bildiği Samurskinin amcezadesi Efendiyefi mühim işlere çeken Dokuzpar nahiye komünist teşkilatı kâtibi Nabiyefe dair konuşmuştur.

...Yoldaş Chirtladze Samurskinin eserlerinden fırka aleyhinde olan bir çok parçalar okumuş, bu düşmanın 1920 de merkezden gelen bolşevikleri süngü ile karşıladığını ve Gotso imamının isyanında mes'uliyetin bolşeviklerde olduğunu iftira ettiğini anlatmıştır.

...Yoldaş Şmelef burjua milliyetçilerin patronları kapitalistleri himaye ettiklerinden bahsetmiştir. Samurskiler ve Dalgatlar Bakûye hususî heyet ve ayrıca vapor göndererek sonralar kurşuna dizilen kapitalist Abdullayefi Dağıstan balık sanayiinin başına geçirmek için davet etmişlerdir. Ayni sevgiyi, bir müddet sonra ölen açık düşman Mirzabek Ahundofa karşı dahi göstermişlerdir. Onun defninde Samurski aglıyarak demiştir, ki: „uyu dostum, senin işini biz sona yetiririz„.. Burjua milliyetçiler, bilhassa Taho—Godi kadro hazırlığı hususunda ziyançılık siyaseti yürütmüşlerdir. Onlar mektebler yabancı adamları gönderiyor, kendilerine ümidlı varis hazırlıyorlardı"... (Dag. Pravda" 3-X-1937).

Nihayet Derbent fırka konfransının karakteristikası:

„Burjua milliyetçiler ve trotskist-buharinçi töredıler Derbent teşkilatına her yerden daha ziyade sokulmuşlardır. Malumdur, ki Derbentte iki kontrrevolusyon millî komitenin kalkıları kalmışlardır, bir çok müsavatçılar, taşnaklar, ittihatçılar ve başkaları yerleşmişlerdir. Buradaki tatlar arasında dahi geçen yıl sionist bandası keşfolunmuştur. Nihayet, Derbentte, Bozinovski başta olmak üzre, trotskiçilerin yuva saldığı malumdur." („Dag. Pravda" 8-X-1937).

„Groznenski Raboçi" sahifelerinde dahi ayni motifleri görüyoruz; gazete yazıyor, ki:

„Ruhanilerden gördükleri yardıma mukabil burjua milliyetçiler arabca olan mekteblerin faaliyetini var kuvvetlerile teşvik ediyorlardı. Arab mekteblerini propaganda edenlerden biri icraiye komitesi reisi Gorçhanoftur; o konstitusyonu „izah" ettitiği bir toplantıda demiştir, ki: gerek arab, gerekse sovyet mekteblerinde ayni şekilde ilim okunuyor. Top'antıya iştirak eden kolhozçular bu izahattan hayrete düşmüşlerdi. Kontrrevolusioner ruhaniler bu izahatı kendi lehlerinde istifade ederek kolhozçulara arab mekteblerinin sovyet hükûmeti tarafından tanındıgına inandırmağa kalkmışlar." („Groz. Raboçi" 15-IX-1937. R. İvanofun yazısı).

Veyahud komünist fırkasının vilayet komitesi propaganda şubesi müdürü Okuyef Hamidin geçmişine aid bâzi misallar:

„Daha 1920 de Okuyef fırkaya, sovyet rejimine ve çeçeno-inguşet milletine karşı akla gelmiyen ağır bir cinayet işlemiştir. Bu cinayetini Okuyef dikkatle gizleyegelmiştir. Onu hatırlaya biliriz.

1920 de, çeçen suvarî alayının neferi olan H. Okuyef, Eski Ataglar aulunda durdukları zaman atları ve silahları alarak, bir grup hainlerle birlikte firar etmiş ve kendisile birlikte baş neferi (çavuşu) dahi zorla götürmüşlerdir. Yolda bu firariler baş neferi katletmişler. Bu dezertirler, o cümleden Okuyef Hamid haydutluğa başlamışlar.

Bilâhere bandit Okuyef komünist fırkasına girmeğe muvaffak oluyor. 1929 de o ifşa edilirken, o zaman fırka kontrolu sahasında çalışan şimdi ifşa edilmiş halk düşmanları Mamayef ve Maçukayef, onu temize çıkardılar. („Grozn. Raboçi" 5-X-1937. H. Goreva'nın makalesi).

Bundan sonra bile „bandit" mühim mevki işgal etmekte devam etmiş ve ancak şimdi „ifşa" edile bilmiştir.

İşte Şimalî Osetiya.nın İraf nahiyesinden (nahiyenin merkezi Çkola auludur) bir manzara:

„İraf orman sanayi traktoristi yoldaş Rusanof işten çekilmek için istid'a vermiş. Onunla uzun—uzadiye konuşulmuş, işten çekilmesinin sebebi ögrenilmek istemiştir. Rusanof iptidada susmuş ve sonra demiştir, ki" rus için burada çalışmak ağırdır".

Saglam düşüne bilen herkes buna ehemmiyet verirdi. Orman sanayiinde ise öyle hareket etmemişler. İstid'a komite reisine verilmiştir. Reis Kudzoyef mânalı bir tavirle demiş, ki:

— İşsizlikten istid'a ile dolaşıyorsun...

Yoldaş Suhanof adlı bir amele de çıkmak için müracaat etmiş. Motif traktorist Rusanofunkinin aynidir.

Bütün bunlar tesadüfî değildir. Orman sanayiinde halkın düşmanları, burjua milliyetçiler yerleşmiş, kontrrevolusyon işler yürütüyorlar. Bu kontrrevolusyon alçakların başında aldak yollarla fırkaya girmiş olan Totaonof adında birisidir, İraf orman sanayiinin direktoru bulunan burjua milliyetçi Totaonof millî husumeti daima derinleştirmeğe çalışmıştır. Orman sanayiinde çalışmak için mühendis Belyakof gönderilmiştir. Mühendis Belyakof namuslu bir işçidir, o orman sanayiindeki noksanları aradan kaldırmak için çok çalışmıştır. Burjua-milliyetçi Totaonof açıkcasına onu istihza etmiş ve nihayet işten çıkarmıştır. Totaonof tarafından Serdükof, Salin, Nefedof, Haritonof nam diğer mütehassisler dahi işten atılmışlardır. Totaonof açık söylemiştir, ki: „rusları çekemiyorum".

Totaonofun kontrrevolusyon işleri hakkında SSSR komünist fırkasının İrat nahiye komitesi ve onun kâtibi Minzayef pek eyi malumatdar idi. Lakin nahiye komitesi burjua milliyetçiliğile mücadele etmiyor. Totaonof orman sanayiinden alınıb elektrik istasyonu inşaatına müdür tayin edilmiştir. Bir alverçi oğlu olan, küçük kardeşi Mehmed ise Buhara emirinin ordusunda sovyetlere karşı harbetmiş, şimdi ise Afganistanda muhacir bulunan, Totaonof nahiye komitesinde böyle himaye olunuyor. Totaonof kardeşile muhaberededir.

Orman sanayiinde ise bugüne kadar Totanofun burjua—milliyetçi grupu faaliyetinde devam ediyor. Burada onun adamları: komite reisi Kudzoyef ve fırka teşkilatçısı Godzoyef çalışıyorlar. Totaonofun kendisi de orman sanayii dairesine ara sıra gelmektedir. Hali hazırda orman sanayiinin direktoru orman komiserliği tarafından gönderilmiş ukraynalı yoldaş Polyahoftur. Burjua milliyetçiler onu da sıkıştırıyorlar".

Yazı sahibi bundan sonra maarif şubesindeki „intizamsızlıklara" geçiyor.

„İraf nahiyesinde her sahada düşman tahribatı vardır. Çkolada hali faaliyette bulunan burjua—milliyetçi, koluçomak, trotskist v. s. kontrrevolusionerler bandası nahiye emekçilerine çok zarar vurmuş ve vurmakta devam ediyorlar. Bu tufeyliler maarif gibi mühim bir sahayi dahi ellerine almışlardır".

Yazı sahibini en çok düşündüren rus diline olan alakadır. Anlaşılan İraf nahiyesinde bu dile o kadar da sempati yoktur. Bu hususta diyor, ki:

„Halk maarifinin rehberlik mevkiinde burjua milliyetçi Albegonof oturuyor. Albegonofun yüzünden mektebler şimdiye kadar rusca muallimi tarafından temin edilmemişlerdir. Nahiyenin en büyük orta mektebi olan surhdigor orta mektebinde iki rusca muallimin yeri şimdiye kadar boştur. Ahsarhisarda 5, 6, 7 nci sınıflar rusca okuyamiyorlar. Lesken'de dahi vaz'iyet aynidir. Çkola orta mektebinin 8, 9 ve 10 nci sınıfları yalnız 3 İlk Teşrinde rusca muallimi ala bilmişlerdir".

Yazı sahibi burada Albegonofun geçmişine temas ederek onun bir „koluçomak-alverçi" oğlu olduğunu kaydediyor ve bu noktadan hareket ederek diyor, ki: „ona göre, fırka biletile perdelenen Albegonofun sovyet mekteblerini kontrrevolusyon leşlerle doldurmasına hiç te hayret etmemelidir".

Bu „kontrrevolusyon leşler" arasında „faşizm ajanı" olmadan iş yürürmü? Böyle, ki:

„Geçen yıl ayni Çkola mektebinde muallim sıfatile Tamara Guluyeva isminde bir kadın çalışıyordu. Bu alçak XX nci asır Hannibalları reisi Hitler önünde sürünerek ispanyol milletine iftiralerde bulunuyordu. Onun kardeşleri halk düşmanlarıdır. Onlardan biri uzun müddet ecnebi bir devletle münasebette idi. İkinci kardeşi 1919-20 de kızıl partizanlardan Hamikoyefi vahşicesine katletmiştir.

Guluyeva mekteben kovulmuş. Bir koluçomak oğlu olan kocası Guluyef dahi kovulmuştu. Albegonof bu yıl onların ikisini de muallim tayin etmiştir".

Bunları daha bir çok „ifşaat" takib ediyor. Bu yazı „Sos. Osetiya" nin 8-X-1937 tarihli sayısında çıkmıştır. Yazının sahibi M. Nikitindir.

Diger bir Nikitin, Nikitin N. Karaçay burjua-milliyetçilerini ifşa ediyor ve fırka vilayet komitesi kâtibi Appayefi hatırlıyor, o Appayefi, ki kendisi son fırka kongresinde „kurdciyefçileri" ateş altına almıştı.

N. Nikitin yazıyor:

„Karaçay vilayetinde son günlere kadar bandit Kurciyefin elaltıları olan burjua milliyetçi Gerbekof—neşriyat idaresinde, Sozorukof—ilk önce komsomol vilayet merkezinde, sonra da fırka vilayet merkezinde, Biciyef—Zelençuk nahiye komitesinde, Appayef—Uçkulan'da, Baytokof—Ust—Cegut nahiye icraiyesinde yerleşmişlerdir.

Şimdi ifşa edilmiş olan vilayet komünist merkezinin sabık kâtibi burjua—milliyetçi Appayef Kurciyefin işini devam ettiriyordu. O çok meharetle maskelenmiş ve kendisini düşmanlara zahiren amansız düşman gibi gösteriyordu. Şimdi anlaşılmıştır, ki Appayef hiç bir zaman iddia ettiği gibi batrak (yoksul) olmamıştır. Hakikatte ise o koluçomaklarla mollaların yetiştirdiği adamdır. Vatandaş harbi esnasında beyazlar bandasında aktif surette iştirak etmiş, 1920 de ise sovyet rejimine karşı vaki olan kontrrevolusyon suikaste iştirak etmiştir".

Appayef ve Gerbekof neşriyat ve edebiyat işlerinde „burjua milliyetçi" esaslar yürütüyormuşlar.

Yakın günlere kadar reklam edilen muharrir Urtenof ile birlikte Gerbekof „Kara Kübür" adında „burjua - milliyetçi" bir roman yazmışlar. Appayef „rus—karaçay lugatının müellifidir. Bu lugat, antisovyet bir eser olduğu için tamamile iptal edilmiştir. Bütün bu işlerde „ziyançılara" icraiye komitesinin sabık reisi Bataşef yardım ediyormuş.

N. Nikitin yazıyor, ki:

„Appayefin bütün bu düşmanca işlerinde ona yardım eden vilayet icraiye komitesinin sabık reisi ve Appayefin çocukluk arkadaşı Bataşeftir. Bataşef, Appayefin beyazlarda çalıştığını ve yabancı sınıftan geldiğini bildiği halde gizlemiştir. Bataşef, kendisi babası hakkında dahi bir söz dememiştir. Onun babası köy muhafizi olmuş ve muhtar muavinliğine kadar yükselmiştir. Ona göre vilayette sovyetlere seçği hazırlığının bozulması ve sovyetlerin sınıfca düşman unsurlarla zibillenmesi tesadüfî degildir". (Orc. „Pravda" 16-X-1937).

Nihayet Çerkes vilayetine dair bâzı malumat:

„Orc. Pravda" (16-IX-1937) gazetesinde okuyoruz, ki:

„Bu yıl ilk baharda Çerkesyada kontrevolusyon burjua milliyetçı teşkilat keşfolumuştur. Bu teşkilatın başında vilayet icraiye komitesinin sabık reisi Kambiyef, vilayet komünist fırkasının ikinci kâtibi Balatukof ve başkaları duruyorlardı. Çerkes halkının düşmanları olan bu hainler sovyet rejimini yıkmak için silahlı kıyam hazırlamışlar, istihsali bozmuşlar ve ahali ile hayasızca alay etmişlerdir. Kıyam suikastçileri perişan ve tevkif edilmişlerdir".

Şimdi anlaşılıyor, ki bunlar tamamile perişan edilmemişlerdir. Çünkü „burjua milliyetçiler berayi ihtiyat kadrolarıni bu güne kadar muhafaza etmiş ve Çerkesyada cinayet işlerinde devam ediyorlar". Bu „kadroların" başlarında duran, vilayet icraiye komitesi reisi Şumahof imiş.

„Hali hazırda vilayet icraiye komitesi reisi bulunan Şumahof (geçmişte Kuvin nahiye icraiyesi reisi ve vilayet maliye şubesi müdürü idi) burjua milliyetçilerin metodunu kullanmakta devam ederek sovyet müesseselerine yabancı unsurlar sokuyor".

Onun tayin ettiği „Agirof, Şhayef, Paunejev, Takuşinof ve Napicef, burjua-milliyetçilerin kıyam suikastlerinde iştirak ettikleri için, tevkif edilmişlerdir". Son zamanların külliyetli tevkifat ve idamlarına bakmıyarak yazı sahibi (B. Şelepof) bu iddiadadır, ki:

„Vilayetin baş müesseselerine tayin edilmiş yeni adamlar arasında şüpheli simaler vardır. Vilayetteki ideoloji faaliyet sahası burjua milliyetçilerin elinde bulunuyor. Neşriyat idaresinin tercümeçileri, broşurlarda kaçak olarak antisovyet propagandası yapan ve kitle içerisinde yayan ekseren mollalar, koluçomaklar, 1918 de idam edilen banditlerin akrabasıdır."

Yazı sahibi şu kanaattadır, ki: „Çerkesya halkının menfaatlerini satan burjua milliyetçilerin yumagını sona kadar açmalıdır".

* * *

Yalnız Şimalî Kafkasyada değil SSSR in diger millî kısımlarında dahi son günlerin devam eden tethişinden bir çok netice çıkarmak olur. Bu, evvelâ gösteriyor, ki „civarlarda" millî duyğu kuvveti zaiflemiyor, bilâkis kuvvetleniyor. Ve bu hareket komünist fırkasının yerlilerden olan âzalerini de kendi içine alıyor.

Saniyen bu ona alamettir, ki „oktobr futuhatından" ileri gitmiyen yerli komünistlerin mutedil „milliyetçilikleri" Moskvaya tehlikeli görünüyor ve „darbeli bir surette" yalnız bu „futuhatı" değil, yerlilerden olan komünist rüesasını bile meydandan kaldırmağa şuru etmiştir. Şunu da kaydetmeliyiz, ki bugün rus olmıyan komünist teşkilatlarının en opportunist unsurları meydandan kaldırılıyor, çünkü az-çok istiklâl alameti gösterenler çoktan meydandan kaldırılmışlardır. Nihayet bu „likvidasyonun" temposu, şüphesiz, ki „Stalin seçğilerile sıkı surette alakadardır. Eğer bu son tevkifler ve idamlar vuku bulmamış olsaydı bütün bu Samurskilerin, Ahund-Babayeflerin, İkramofların, Togoyeflerin, Ruhullah Ahundofların ve başkalarının Sovyetlerin yüksek müesseselerine düşmeleri ve opportunizmlerine ragmen, Stalinin açık bir şekil almış olan merkeziyetçi rus büyük devletçiliği siyasetile anlaşamamaları mümkündü. Stalin kendi „parlamentosunda" „itimad edilecek" adamlar oturtmak istiyor. Ona göre o, „darbeli" surette, millî cumhuriyetlerde G. P. U. nun rus memurlarile yan-yana Stalin „parlamentosuna" namzed gösterilen „adlı—sanlı", „ordenli", „bayraklı" ve sair „brigadirlere" rakıb olanları meydandan kaldırıyor.

ЕЩЕ О РУССИФИКАЦИИ АЛФАВИТА В ДАГЕСТАНЕ

„Даг. пр." от 14-I-1938 г. пишет следующее:

„На-днях дагестанское правительство утвердило проект перевода письменности народов нашей республики — с латинизированного алфавита на русский.

Этому мероприятию большого политического и культурного значения предшествовала углубленная предварительная работа. Созданная в ноябре 1937 года специальная правительственная комиссия разработала ряд вариантов нового алфавита.

Ныне разоблаченные враги народа — буржуазные националисты пытались и в этом деле приложить свою грязную руку. Они оставили в „наследство" так называемый „комбинированный" вариант нового алфавита, который сейчас категорически забракован правительственной комиссией. В этом варианте вредители пытались протащить на ряду с русским алфавитом и буквы латинского начертания. Такой алфавит не только не развязывал сложного узла с многообразием письменности народов Дагестана, но создал бы еще большую путаницу и затруднения по дальнейшему освоению горцами русского языка.

В своей работе комиссия широко использовала ценную помощь нашей общественности — мнение и замечания учителей, переводчиков, редакторов, политпросветработников и других компетентных в вопросе языковедения людей. Комиссия посылала своих представителей для консультации и научного заключения в Ленинградский институт Языка и Мышления. И только в результате всех этих работ правительственная комиссия выработала окончательный вариант нового алфавита, который построен на основе русской графики букв. Никаких букв с „хвостиками", надстрочных и подстрочных в этом варианте нет.

Перевод письменности народов Дагестана на единый русский алфавит имеет исключительное значение. Новый алфавит прежде всего в корне ликвидирует бесцельное изучение горской молодежью двух алфавитов, двух письменностей (в младших классах — латинского и затем — русского). Во-вторых, осваивая только один алфавит с русской графикой, горцы быстрее и легче будут иметь возможность изучить русский язык, язык великого Ленина, быстрей смогут овладеть социалистической культурой.

Перевод письменности народов страны гор на русский алфавит позволит быстрее издавать на родных языках различную литературу и учебники. При новом алфавите любые переводы на кумыкском, лезгинском, даргинском, табасаранском, татском, ногайском, лакском и аварском языках можно будет печатать не только в самом Дагестане, но и в типографиях любой части СССР.

На-днях в Москву выехал исполняющий обязанности председателя ДагЦИК тов. Тахтаров для окончательного утверждения проекта нового алфавита в ЦИК РСФСР. Одновременно в центр даны заявки на новые типографские шрифты русского алфавита, печатные и пищущие машины, бумагу и проч. Всем областным и районным организациям предложено начать соответствующую подготовительную работу к переходу на русский алфавит".

Таким образом, „окончательный вариант нового алфавита" будет точной копией „единого русского алфавита". В нем не будет „никаких букв с «хвостиками», надстрочных и подстрочных". Иными словами, обрусители повидимому ударяют и по фонетике, пытаясь ее исказить, сделать копией русской фонетики. Советские обрусители, нужно признать, не отличаются оригинальностью. Несколько десятков лет тому назад тоже самое говорил и царский генерал Кауфман-„Туркестанский", предлагая свой проект алфавита для „инородцев".

Он утверждал, что „надобности в добавочных буквах и разных диакритических знаках никакой не встречается, ибо русская азбука вполне достаточна для выражения всех известных нам восточных наречий". Т. е. проповедывал тоже самое, что сейчас проделывается Сталиным и его „молодчиками".

К этому следует еще добавить, что т. н. комитет нового алфавита, пребывавший в Москве (между прочим, членом его состоял и Дж. Коркмасов), подвергся ликвидации. Вполне возможно поэтому, что в скором времени руссифицированы будут все латинизированные алфавиты, не исключая и алфавитов „союзных" республик.

„ЧУДОВИЩНАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ"

Таково заглавие статьи проф. К. Дондуа, напечатанной в „Известиях" от 24-XII-1937 г. В статье подвергается критическому разбору жизнеописание Шота Руставели, написанное неким Д. Дандуровым и изданное Журнально-Газетным об'единением в Москве в числе серии „Жизнь замечательных людей." Автор статьи возмущен этой книгой.

„Трудно представить себе—пишет он—что-либо более безответственное и возмутительное, чем эта книга."

И далее:

„Автор силится уверить и себя, и других, что поэма Руставели—чуть ли не сплошная „маскировка" и „аллегория." При этом он не останавливается ни перед какими натяжками. По Дандурову, Хваразмша, жених Нестан-Дереджан, это не более не менее, как Демна, племянник Георгия III, а под именем Придона, побратима Тариэля и Автандила, скрывается сын Андрея Боголюбского Юрий, который, будучи изгнан из Владимира в 1176 году, через три года уже обосновался в Грузии. Какое дело Дандурову, что эти его домыслы не находят никакого подтверждения в исторических памятниках!"

И еще далее:

„Д. Дандуров привлекает лишь ту литературу, которая его почему-либо „устраивает". Остановившись на подписи некоего Шота под известной дарственной грамотой Шио-Мгвимскому монастырю, Дандуров без малейшего колебания отождествляет этого Шота с Шота Руставели.

Исходя из бесспорного положения о том, что необходимо критическое отношение к источникам, Дандуров переходит к огульному отрицанию летописей, оставленных историками Тамары. Он, не колебаясь, заявляет, что поэма Руставели — „первоклассный исторический памятник для выяснения истинного лица Тамары, и у нас нет других памятников равного ему значения." Так скидываются со счетов историки Тамары, авторы исключительно ценных памятников, всесторонне освещающие сложную и богатую жизнь Грузии XII века".

Затем Дондуа возмущается тенденциями автора вызвать сомнения в грузинском происхождении Руставели.

„Далее,—продолжает он—мы не можем понять, почему нужно было автору поднимать глупейший вопрос о том, какая кровь текла в жилах Руставели: армянская или грузинская. Поставив этот вопрос, автор серьезным образом доказывает грузинское происхождение грузинского поэта, при чем ведет доказательство в такой форме, что окончательно сбивает с толку читателя. В самом деле, с одной стороны, „об армянском происхождении Шота говорить нельзя", а с другой—„если Шота и не армянин, то он все же «сомехи». Но грузины называют армян «сомехами», и мы снова приходим к тому, что Шота был армянин". И, наконец: можно считать, что Шота, хотя и носил армянское имя Ашота, (однако) был природным месхом".

Относительно имени Шота автор пишет:

„Имя его, Шота, производят от армянского Ашот; это правильно, но отсюда делают вывод, что Шота не грузин, а армянин". Неизвестно, кто это „производит" и „делает выводы"? Никому из специалистов и в голову не придет дикая мысль—по имени человека непосредственно заключать о его национальности или племенном происхождении!

Относительно этнического названия „сомехи" Дандуров должен знать, что если даже это слово и находится в какой-либо связи со словом „месхи" (мы лично находим такую связь недоказанной), то это вовсе не говорит о тождестве данных названий: ведь факт, что армян грузины называют „сомехами", с месхами же сомехов никто еще до Дандурова не смешивал".

Далее, проф. Дондуа на многочисленных убедительных примерах доказывает, что автор жизнеописания не знаком в достаточной степени с грузинским языком, в особенности с тем древним языком, на котором написана поэма Руставели. „Рассуждения Дандурова вокруг древнегрузинского языка — совершеннейший примитив" — пишет Дондуа, подтверждая свои слова, как мы уже отметили, многими примерами. Таким же образом доказывает он и слабое знакомство Дандурова с эпохой Руставели, уличая автора в целом ряде исторических неточностей. В заключении проф. Дондуа пишет:

„Руставели Д. Дандурова—бездарная карикатура на подлинного Руставели, автора гениальной поэмы „Витязь в тигровой шкуре." Абсолютно неграмотный в вопросах истории грузинского народа, в частности, истории грузинского феодализма, лишенный элементарного чутья и такта исследователя, Дандуров легкомысленно запутывает исторически сложившиеся культурно-политические взаимоотношения между грузинами и другими народами. Своими безответственными суждениями о личности выдающихся государственных деятелей Грузии, в частности, о личности Тамары и Давида Сослана, Дандуров дезориентирует читателя в сложном вопросе о развитии социально-политической жизни грузинского народа, о движущих силах истории Грузии вообще.

Руставели — не экзотическая химера, а поэт. Язык Руставели—это грузинский язык, один из самых древних и культурных языков Кавказа.

Известно ли это редакции серии „Жизнь замечательных людей"? И если известно, то чем об'яснить теплый прием, оказанный ею чудовищно безграмотной книге Дандурова?"

„АРШИН МАЛ АЛАН" В НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ

В скором времени в Москве должна состоятся „декада азербайджанского искусства". Одной из четырех постановок, которые готовит бакинский театр имени М. Ф. Ахундова к этой декаде, будет популярная музыкальная комедия известного азербайджанского композитора Узеира Гаджибейли „Аршин мал алан". Оказывается, в связи с этим комедия должна была подвергнуться некоторым изменениям. По этому случаю в „Бак. раб." от 22-I-1938 г. мы находим следующее:

„Постановка „Аршин мал алан" театром вчерне уже закончена. Художниками дописываются декорации, на сцене идут последние репетиции. В беседе с нашим сотрудником постановщик „Аршин мал алан" заслуженный деятель искусств Идаят заде сообщил:

— Премьера комедии будет показана театром 24 января. За сравнительно короткий срок нашим коллективом, занятым одновременно в нескольких постановках, проделана значительная работа. Больших изменений в текст комедии, написанной почти 25 лет тому назад, мы, правда, не вносили, но кое-что изменить пришлось. Это касается прежде всего некоторых длиннот и повторений, отяжелявших действие. В первой действии восстановлена подвергавшаяся обычно купюрам ария Аскера. Во второе действие введен хор женщин. 4 акт комедии мы решили разбить на две картины. Первой картиной показана „мужская свадьба". В эту картину введены вставные номера — вокальные, танцовальные и инструментальные. Затем действие переносится на женскую половину дома Аскера (вторая картина). Здесь свадебное торжество проходит под гармошку—обычный инструмент на свадьбах.

Я считаю „Аршин мал алан" камерным спектаклем. Исходя из этого, я несколько уменьшил размеры сцены.

То же самое придется сделать в Большом театре в Москве. Комедия дает нам возможность показать

своеобразие азербайджанского городского быта в дореволюционное время, характерные обычаи, колорит музыки, песен. Действие мы переносим в Шушу, как это мыслится самим автором. В прежнее время действие „Аршин мал алан" показывалось происходящим в Баку. Оформлен спектакль очень стильно, в реалистическом плане художником Атхям Султановым. Для спектакля написан специальный занавес, оформленный азербайджанским узором.

Раньше „Аршин мал алан" исполнялся под симфонический оркестр. Мы же впервые ведем оперетту под восточный нотный оркестр. Надо сказать, что это придает звучанию мелодий очень колоритный оттенок. Дирижирует оркестром Сеид Рустамов.

К исполнению ролей мы привлекли лучших актеров. Партию Аскера исполняют Бюль-Бюль и Гаджибабабеков, Сулеймана — Гаджибабабеков и Аждар Султанов, Султан-бека — Гусейн заде, Вели — Анатоллы и Искендеров, Гюль-Чахра — Сона Мустафаева и Солтанет Кулиева, Асья — Аня Терегулова и Эльмира Ахундова, Телли — Агигат Рзаева, Джаган-Хала — Минавер Калантарлы".

Как следует из цитируемого, автор комедии не принимал никакого участия в переработке своего произведения. В царстве Сталина на такие „мелочи" не принято обращать внимания.

МОЛИБДЕН В КАРАЧАЕ

Под таким заглавием в газ. „Кр. Карачай" (10-I-1938) помещена следующая заметка:

„Геолого-разведочными работами в недрах Карачая найдены новые районы месторождений угля, золота, молибдена, олова, свинца, цинка, исландского шпата, барита, известняка, алебастра и других полезных ископаемых.

Богатые залежи молибдена в Карачае позволяют создать в третьей пятилетке целые промышленные районы по эксплоатации молибденовых руд на местах его естественного расположения.

Молибден—это ценный минерал, употребляемый, как важнейшая составная часть, при изготовлении высококачественных сталей. Один из лучших сортов стали так и называется—„молибденовая сталь".

На склонах гор, вдоль берегов горных рек Карачая, предварительной геологоразведкой обнаружены десятки кварцевых жил, содержащих в себе молибден.

За годы первой и второй пятилетки разведывательные работы на молибден проводились только на поверхности. А как известно, молибден представляет из себя очень нежный минерал. Находясь на поверхности, он в силу влияния на него атмосферы выщелачивается.

Враги народа, трижды презренные наймиты фашистов, пытались скрыть природные богатства, чтобы затормозить рост социалистической промышленности Карачая. При составлении геологических отчетов они ссылались на поверхностные слои кварцевых жил, выщелоченных и не содержащих в себе молибдена.

В действительности же, если углубиться в недра земли, если провести подрывные работы и взять пробу хотя-бы из середины пласта, то, — как в дальнейшем дали свое заключение советские специалисты,—эти руды оказываются богато насыщенные молибденом.

В третьей пятилетке будут проведены подрывные и другие геолого-разведывательные работы на всей территории залегания молибдена и, возможно, к концу 1938 года уже приступят к промышленной эксплоатации. Первая очередь расчитывается на добычу нескольких тысяч тонн молибдена. В дальнейшем добыча увеличится.

Проведенные в 1934—35 г.г. геолого-разведывательные и с'емочные работы не могли выявить всех запасов молибдена. Несомненно, что он в большом количестве находится в горах Карачая.

Об этом свидетельствует такой факт.

Когда местному населению одного из аулов показали образцы молибдена, многие рассказали, что они находили близ одной горы много подобного по виду минерала в белых кварцевых жилах. Дальнейшими работами доказано, что в районе, на который указали местные жители, действительно имеется много молибдена.

В 1938 году будут проведены разведывательные и поисковые работы и, несомненно, будет выявлено много скрытых в земле месторождений молибдена.

Промышленные разработки молибденовых руд облегчаются тем, что до главных его месторождений простирается хорошая грунтовая дорога. Дорогу нужно немного расширить и по ней пойдут караваны автомашин с молибденом.

Добычу молибдена можно производить круглый год. Теплый южный климат позволяет и зимой, и летом с одинаковой интенсивностью эксплоатировать недра земли.

В связи с разработкой молибденовых руд оживут берега горных рек Карачая. На эксплоатационных работах будет занято несколько сот рабочих. Вырастет новый промышленный район с рабочим поселком, клубом, кино, электростанцией и целой сетью коммунально-бытовых учреждений (баня, парикмахерские, столовые, пожарная команда, почта и т. д.).

Все кварцевые жилы, кроме молибдена, содержат еще в себе большое количество мышьяковых руд — „арсенопирит", в которых имеется золото. Вместе с разработками молибдена будет производиться переработка „арсенопирита" для извлечения золота."

В заметке этой особенно интересно упоминание о „в р а г а х н а р о д а, т р и ж д ы п р е з р е н н ы х н а й м и т а х ф а ш и с т о в", которые умышленно скрывали наличие в Карачае природных богатств.

Утверждение это вполне правдоподобно в последней части—в факте укрывательства природных богатств. Причины станут нам понятны, если мы учтем заключительную часть заметки, в которой автор рисует картину будущего промышленного оживления в связи с разработкой молибденовых руд. Все эти сотни рабочих, которые должны будут появиться в Карачае, будут по существу колонизаторским элементом, долженствующим усилить русские великодержавные позиции. Во времена царизма проводилась планомерная сельско-хозяйственная колонизация Северного Кавказа. Большевизм же решил главное внимание уделить переселению промышленных рабочих. В результате, каждое новое промышленное предприятие являются у нас причиной притока новых масс русских рабочих, тогда как местное население вынуждено по прежнему сидеть в колхозах на голодном пайке или же выезжать на работы в другие места СССР. Естественно поэтому, что такой „индустриализации" местные коммунисты и правители всячески стараются противодействовать.

„СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ"

Газета „Соц. Осетия" демонстрирует следующую картину работы „сети советской торговли" в гор. Терк-Кала:

„Засиженный мухами, вымазанный грязью листок ассортиментного минимума обычно висит где-нибудь в самом темном углу магазина. На него никто не смотрит, с ним никто не считается.

Нарушение ассортиментного минимума вошло в систему работы торгующих организаций. Вот магазин Севосторга № 48. У стойки с бакалейными товарами обычный и надоевший продавцу разговор:

— Овсяная крупа есть?
— Нет.
— Чечевица есть?
— Нет.
— Картофельная мука есть?
— Нет.
— Махорка есть?
— Нет.

Рядом, через улицу, другой магазин Севосторга № 35. В нем не торгуют овсяной крупой. Здесь нет пшена, картофельной муки, чечевицы—всех тех товаров, которые отмечены в ассортиментном минимуме каждого магазина.

Такая же картина в магазине № 53. Его заведующий Мархоцкий на вопросы покупателей о рисе, овсяной крупе или о махорке просто машет рукой. В магазине № 85 Севосторга только три сорта муки. Здесь нет 85-процентной и ржаной муки. Также беззастенчиво

нарушают принципы советской торговли и в магазинах других торгующих организаций.

В магазинах Союзкурортснаба нет, например, ни овсяной крупы, ни пшена, ни чечевицы, ни картофельной муки. В магазине Военторга № 12 муки нет никакой, пшеном, чечевицей тоже здесь не торгуют. Заведующий магазином Анзони даже не знает о существовании ассортиментного минимума так же, как и зав. магазином Союзкурортснабторга Сильченко.

На базах Севосторга товары есть, но там, прикрываясь гнилыми теориями о том, что эти товары неходовые, задерживают поступление их на рынок. Более того, боясь затоваривания, заведывающий торговой базой Севосторга Саламов не выбрал до сих пор свыше 30 тонн различных сортов крупы и 16 тонн муки со складов „Заготзерно".

Порочный круг безответственности и извращения принципов советской торговли замыкается в облвнуторге. Руководитель его Дзукоев, не сделавший никаких выводов из вражеской деятельности разоблаченных диверсантов и вредителей в аппаратах „Заготзерно" и Севосторга, ограничивает свою деятельность рассылкой нарядов и приказов. В облвнуторге не знают действительного положения с торговлей, не руководят ею.

Проверка работы магазинов показала немало безобразий, и руководителям советской торговли в Северо-Осетинской АССР придется дать ответ трудящимся за эти безобразия. Враги продолжают орудовать в советской торговле, стремясь вызвать недовольство масс. И те, кто беспечно взирает на подрывную работу врагов, не могут быть названы иначе, как их пособниками..."

Как видим, во всем оказываются виноватыми „стрелочники", тогда как в действительности „рыба воняет с головы" и вину надо искать в существе самой системы советского управления, основанного на угнетении и бесправии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СССР

Под таким заглавием в „Правде" от 7-II-1938 г. помещена заметка проф. Артамонова, подвизающегося в стенах московского Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. В заметке этой восхваляются „успехи советской археологии". Автор пишет:

„Особенно велики успехи советской археологии в изучении древне-каменного века (палеолита), когда наша страна только начинала заселяться человеком. Дореволюционным археологам было известно в России всего около 20 палеолитических местонахождений. В наши же дни их открыто на территории СССР более 200.

На Черноморском побережье Кавказа недавно найдены наиболее древние в нашей стране следы человека так нвзываемого ашельского периода, отличавшегося теплым климатом и предшествовавшего последнему оледенению. Интересные результаты дали раскопки поселений древне-каменного века в Костенках — близ Воронежа, в Тимоновке — под Брянском, в Гагарине — близ Липецка и в Мальте—близ Иркутска. Обнаруженные в этих местах жилища дают представление о хозяйстве и быте первобытных охотничьих коммун. В Мальте открыто пока единственное известное в СССР погребение конца ледникового периода. Вместе со скелетом ребенка находились многочисленные украшения, а также каменные и костяные орудия.

Открытия и исследования последних лет проливают свет и на малоизвестный переходный период от древне-каменного к ново-каменному веку. В пещере Мурзак-Коба (близ Симферополя) найдено редчайшее погребение этого времени."

И немного далее:

„В 1937 году впервые раскопано целое поселение трипольской культуры на правобережной Украине. Обнаружены большие дома с глинобитными полами, имеющие по несколько очагов. Дома расположены вокруг площади, служившей загоном для скота. На месте поселения собрано большое количество керамических изделий, различных орудий, предметов искусства. Эта находка значительно расширила наше представление о первобытно-коммунистическом периоде человеческой культуры.

Работы советских археологов по изучению памятников трипольской культуры разоблачили фашистских фальсификаторов науки. Фашистские „ученые" пытались об'яснить изменения в облике трипольской культуры не переменами в хозяйстве и общественных связях, как это было на самом деле, а проникновением в Поднепровье северной германской расы".

В этих нападках на „фашистских фальсификаторов науки" видно желание советских фальсификаторов, фальсификаторов подлинных, доказать, что русское население является в северном Причерноморье элементом изначальных, хотя, как известно, оно появилось там впервые в конце первого тысячелетия христианской эры, а затем опять было оттеснено отсюда с тем, чтобы появиться вновь лишь в XVIII столетии.

О Кавказе Артамонов пишет следующее:

„Археологические изыскания на Северном Кавказе открыли картину постепенного заселения гор. Высокогорные районы, оказывается, были освоены человеком сравнительно поздно, лишь в эпоху бронзы, когда основой хозяйства стало разведение мелкого рогатого скота."

И еще:

„Изучение циклопических укреплений (крепостей, стены которых сложены из больших каменных глыб) и могильников Закавказья расширило скудные письменные данные об эпохе Ванского царства (Урарту) и его роли в истории нашей страны. Материалы относятся к IX—VIII векам до нашей эры."

Наконец, о скифских древностях:

„Из замечательных скифских памятников, открытых в советское время, нельзя не указать ледяную могилу на Алтае (курган Пазырык), где в слое вечной мерзлоты сохранились не только дерево, войлок и другие органические вещества, но и трупы лошадей, захороненных вместе с покойниками. Большой и важный материал для характеристики скифской эпохи дали также раскопки последних лет в Елизаветинском городище на Кубани. Здесь найдены целые дворы с жилищами, хозяйственные постройки.

Продолжение начатых еще в прошлом столетии раскопок античных колоний северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес) показало, что в культуре греческих колоний местные жители—скифы—играли гораздо более важную роль, чем это предполагалось на основании письменных данных. Раскопки двух боспорских городков (Дии и Мермикии на Керченском полуострове) раскрыли любопытную картину хозяйственной жизни колоний в эпоху Римской империи."

ПАДЕНИЕ УРОВНЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

„Даг. пр." от 12-I-1938 г. пишет:

„Как сообщают из бакинской морской обсерватории, уровень Каспийского моря является сейчас самым низким за последние 107 лет, в течение которых ведутся измерения. К началу 1938 года средний годовой уровень упал на 102 сантиметра ниже нормального (столетнего).

За последние 4 года наблюдается резкое обмеление. При общем мелководьи у берегов Каспия, это особенно чувствительно для мореплавателей и рыбаков. Становятся затруднительными подходы к берегам и портам. Некоторые рыболовные пристани оказались на берегу.

Чем вызвано такое небывалое падение уровня моря? Причины этого остаются пока тайной.

Для всестороннего изучения Каспия решено расширить сеть гидрометеорологических станций на судах и островах. Будет вестись усиленное наблюдение над испарением морской воды, организуется планомерный учет стока рек, впадающих в Каспий, и т. д.

Для определения дальнейших изменений уровня Каспийского моря при Академии Наук СССР создана специальная научная бригада под руководством члена-корреспондента Академии профессора Берга".

В связи с таким обмелением Каспийского моря, значительно облегчилось наблюдение за развалинами старинных поселений (близ Баку, у устья Куры и т. д.), которые некогда

были затоплены морем. „Заря Востока" (1-II-1938) пишет по этому поводу:

„В нынешнем году наблюдается необычное обмеление Каспийского моря. В результате этого обмеления в Бакинской бухте выступили из-под воды остатки сторожевой крепости, построенной 800 лет тому назад. Сейчас над водой выступают верхушки стен черного камня, выложенных многоугольником с 13 башнями.

На морском дне заметны следы дорог, ведущих от этой крепости к берегу, к тому месту, где находится и сейчас знаменитая „Девичья башня". Имеются основания предполагать, что башня соединена с крепостью подземным ходом.

Следы других дорог ведут к развалинам подземного города у банки Макарова.

Нынешнее обмеление значительно облегчает археологические работы по изучению развалин, находящихся под водами Каспия. Этим изучением предполагает заняться Азербайджанский филиал Академии наук при помощи каспийской партии ЭПРОН (экспедиции подводных работ особого назначения). Работы эти будут иметь чрезвычайный научный интерес".

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— „Заря Востока" пишет: „Закавказское управление гражданского воздушного флота готовится к открытию новой регулярной пассажирской авиолинии Тбилиси—Москва через Кавказский хребет. До сих пор на этой трассе курсировали только почтовые самолеты. Оборудование трассы подходит к концу. Все наземные работы уже закончены. Ожидается прибытие скоростных пассажирских самолетов „ПС-35", которые будут курсировать на этой трассе. Весь путь Тбилиси—Москва займет, примерно, 6—7 часов, при трех посадках в пути: в Минеральных Водах, Ростове-на-Дону и Харькове. Новая трасса будет самой живописной из всех пассажирских авиолиний. Полет над Кавкасским хребтом оставляет неизгладимое впечатление".

— „Даг. правда" сообщает об итогах рыболовной компании в Дагестане за 1937 год: „Подведены итоги работы рыболовецкой колхозной системы за истекший 1937 год. По данным Дагрыбакколхозсоюза, на 1 января этого года рыбоколхозами Дагестана добыто 190.116 центнеров рыбы, против плана 185 тысяч центнеров или 102,7 проц. годового плана. 9 рыбаколхозов им. Клима Ворошилова, „Суюткина коса", „Красная заря", „Волна революции", им. Буденного, „Красный якорь", „Ударник", „XIII-я годовщина октября", „Заветы Ильича" выполнили годовой план досрочно. К концу года эти колхозы добыли 21.583 центнера рыбы сверх плана". В этом сообщении газета определенно передергивает. Ведь, Дагрыбакколхозсоюз отмечает перевыполнение годового плана всего лишь на 5'116 центнеров (по плану — 185 тыс. центнеров, добыто же—190'116 центнеров). Каким же образом в этих условиях перечисленные 9 колхозов могли досрочно перевыполнить план на 21'583 центнеров?!

ПОПРАВКА

В статье „Характер архаизмов иронского языка" (см. № 44 „Сев. Кавк.") допущена ошибка: на странице 25-ой стих Омара Хайама напечатан „Zan piš-ke kuze-ha-i konend äz gel-y ma", нужно же читать „Ze an piš-ke kuze-e konend äz gel-y ma."

Сообразно с этим и перевод строки следует читать не как

„Знай (прежде), что кувшины делают из глины нашей",

а как „Прежде чем кувшин сделают из глины нашей".

Ошибка была вызвана тем, что в первом случае, ошибочном, пример был взят из издания, в котором в начале строки „alef" следовал после „ze" без значка „madde", что сливало его с „ze". Но в большинстве иных изданий дается „alef" со значком „madde", как это и требуется стилем Хайамовских стихов. Первое слово „Ze" в строке, есть стихотворная, часто допускаемая в иранской поэзии, вольность: нормальное „äz" передается посредством „ze".

Но, конечно, после введенной поправки стих-строка Хайама уже непригодна для нашего свидетельства, почему мы отошлем внимание интересующагося к иным примерам-свидетельствам: авестийскому „zan", санскритскому „jnâ", „jânati" (транскрипция F. Justi), курдским „zani", „zânem", „zana" и т. д.

Автор статьи.

ОПЕЧАТКИ

В прошлом номере, в статье г. Магомета Чукуа „Еще о северных границах", второй абзац цитируемого выступления ген. Краснова на заседании круга 16 августа 1918 года должен читаться: „И тогда снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный русский флаг—флаг единой и неделимой России."

Idaremize gelen eserler — Книги, полученные редакцией

— R. Instituto Superiore Orientale di Napoli—Annali vol. IX fasc. II-III-IV, Marco—Giugno—Settembre, 1937 — XV.

— Stanisław Kryczyński—Tatarzy Litewscy, próba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa—1938.

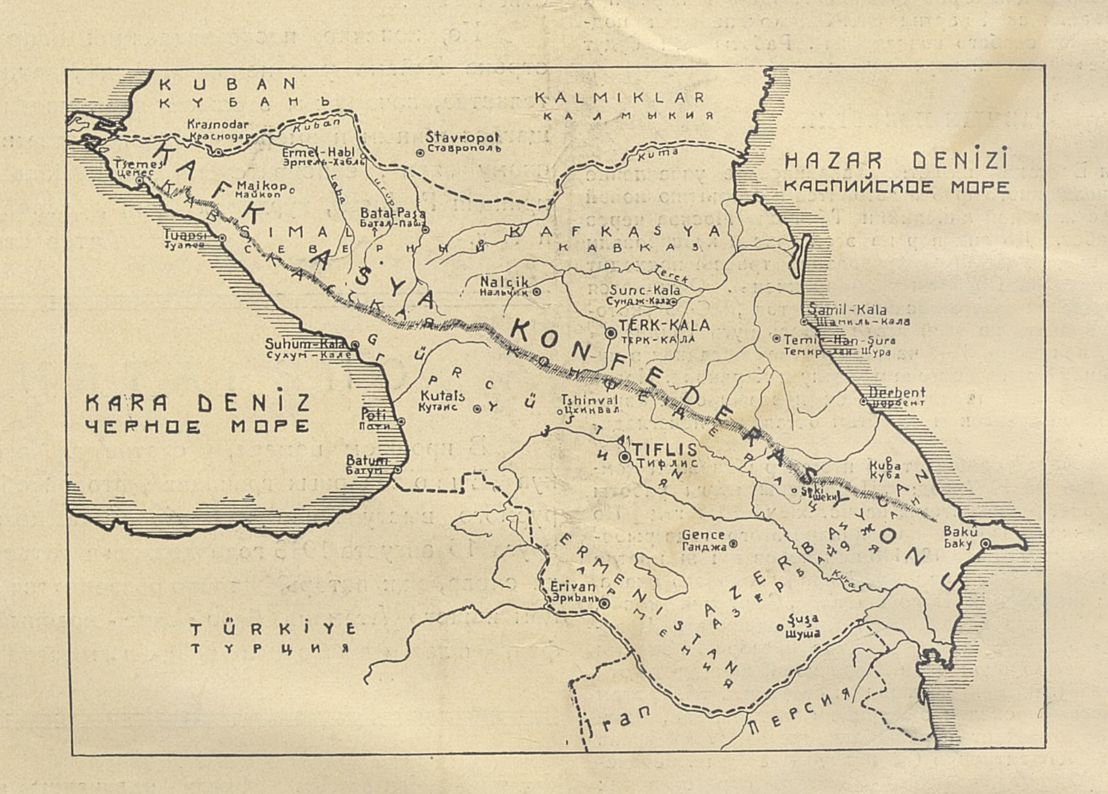
— Dr. Abdullah Zihni Soysal—Z dziejów Krymu; prace Młodzieży Krymskiej na emigracji № I. Wydawnictwo kwartalnika „Wshód". Warszawa—1938.

— Правда об Испании—речь министра д-ра Геббельса на Конгрессе Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии в г. Нюренберге (сентябрь 1937 г.).

— Lorenz Kamphausen — Untern Arbeitern und Bauern in der UdSSR. Nibelungen — Verlag. Berlin — Leipzig. 1938.

— Гліб Лазаревський — Земельний устрій Совєтської України. Варшава — 1938.

— Okukitabi — İbtidai mekteblerinin ikinci sınıfları üçün. Tertib etiçısı hem naşırı: Irak-Şark Idel-Ural türktatar müslümanlarının Dini-Millî merkez maarif şubesi. Mukden. 1938.



Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУ…

Müdürün adresi — **Al. Niepodległości 158 m. 6a, Warszawa (12), Pologne** — Адрес ре…

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15). France — Адрес администр…